

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Москва
2017

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск пятьдесят первый)
М., 2017, 264 стр.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-287-3

ISBN 978-5-89394-287-3

© Институт Ближнего Востока

СОДЕРЖАНИЕ

А.Н. Атрашкевич О ПОЗИЦИИ ФРГ ПО ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЕ ИРАНА (2004–2015 ГГ.)....	5
Е.В. Диденко РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КНР И САУДОВСКОЙ АРАВИИ В XXI В.: КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД	15
А.А. Железнов ПРОБЛЕМА АРАБСКОГО СЕПАРАТИЗМА В ИРАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ ХУЗЕСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	22
М.В. Казанин НОВЫЙ ОБЛИК ВС РФ С УЧЕТОМ ОПЕРАЦИИ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОЦЕНКИ КИТАЙСКИХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ	45
Э.О. Касаев ПЕРСПЕКТИВЫ «ТУРЕЦКОГО ПОТОКА»	52
Э.О. Касаев ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ В ФОРМАТЕ ОПЕК+	75
В.И. Ковалёв КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В ТУРЦИИ, КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В ИСТОРИИ СТРАНЫ	95
А.Д. Манафова ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТИРОВКИ УГЛЕВОДОРОДОВ В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	106
А.Ю. Носков ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	127
М.А. О’Делл ОБЗОР ДОКЛАДА БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА «БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ВРЕМЯ НОВОГО РЕАЛИЗМА»	152
И.И. Стародубцев ТУРЕЦКАЯ ЭКОНОМИКА НА СТЫКЕ ЭПОХ	158

Владимир (Зеэв) Ханин ИЗРАИЛЬ, ХАМАС И ФАКТОРЫ КРИЗИСА «ПАЛЕСТИНСКОГО ИСЛАМИЗМА»	169
Владимир (Зеэв) Ханин СТАРЫЕ ИНТЕРЕСЫ И НОВЫЕ УГРОЗЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В СВЕТЕ НОВОГО ВИТКА СИРИЙСКОГО КРИЗИСА	186
Н.А. Шинов АФРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	206
Е.А. Якимова «ТРОЙКА», «ЧЕТВЕРКА», ЕАЭС: ИЗРАИЛЬ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ.....	217

**О ПОЗИЦИИ ФРГ ПО ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЕ ИРАНА
(2004–2015 гг.)**

Германию и Иран связывают десятилетия тесного экономического сотрудничества. Дипломатическое представительство Ирана в Берлине было открыто в 1885 г. А в 1906 г. в Иране открылась первая немецкая школа. Таким образом немецкое правительство стремилось воспитать германофилов в среде иранской элиты. Все усилия Берлина привели к тому, что в 1920-х гг. в Иране образовалась мощная прослойка молодых промышленников, полностью ориентированных на Германию. Именно поэтому сегодня две трети иранских промышленных предприятий работают с техникой и оборудованием немецкого происхождения¹. Этот факт во многом и обусловил особенности позиции Германии по иранской ядерной программе.

Введение антииранских санкций Европейским союзом началось в 2004 г. Они касались как ядерной программы Ирана, так и вопроса несоблюдения демократических процедур на выборах в Меджлис в феврале 2004 г. 28 октября 2004 г. Европейским Парламентом была принята резолюция, касавшаяся проблемы несоблюдения Тегераном прав человека: публичные казни, аресты журналистов, казни несовершеннолетних и т.д.²

В 2005 г. Европейский Парламент принял три основные резолюции по Ирану. Резолюция от 13 января вновь осуждала ситуацию с правами человека в ИРИ, а в резолюции от 13 октября 2005 г. европейские страны призывали Тегеран к сотрудничеству с МАГАТЭ. Третья резолюция была адресована избранному 3 августа 2005 г. президентом Исламской Республики Иран Махмуду Ахмадинежаду. В конце октября 2005 г. в рамках проходившей в Тегеране международной конференции «Мир без сионизма» он призывал стереть Израиль с лица мира. Возмущение Запада вылилось в резолюцию Европейского Парламента от 17 ноября 2005 г. с осуждением М. Ахмадинежада и призывом признать Государство Израиль.

В целом смена власти в Иране характеризовалась ухудшением ситуации в области прав человека, а также ускоренным развитием ядерной программы, что стало причиной ухудшения отношений между Исламской Республикой Иран (ИРИ) и международным сообществом. В результате этого правящие круги Германии в конце 2005 г. оказались перед выбором: с одной стороны, в Иране был сосредоточен немалый немецкий капитал (например, такие крупные немецкие концерны, как Bosch, Carl Zeiss, Deutz, Siemens и др.³), а с другой стороны, представители Германии не могли не реагировать на рост радикализма в Тегеране. Так, по инициативе нового президента ИРИ в декабре 2006 г. была проведена международная конференция «Исследование Холокоста. Глобальное видение», собравшая лидеров ультралевых радикальных движений и интеллектуалов, отрицавших Холокост. В ответ в январе 2007 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция №61/255 «Отрицание Холокоста». Германия отреагировала на это событие организацией конференции «Холокост в международной памяти».

Кроме того, как уже отмечалось выше, М. Ахмадинежад взял курс на ускорение развития ядерной программы, аннулировав Саадабаское соглашение от 12 сентября 2003 г. Данное соглашение подразумевало следование Ираном нормам МАГАТЭ и осуществление гарантий по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В результате 8 марта 2006 г. ядерное досье ИРИ было передано на рассмотрение Совету Безопасности ООН. Результатом этого стало принятие в 2006–2010 гг. шести резолюций (№ 1696, № 1737, № 1747, № 1803, № 1835, № 1929), накладывавших санкции на Иран. Обострение вопроса о ядерном оружии Тегерана в 2006 г. отразилось на отношениях с Европейским Союзом, который являлся главным торговым партнёром Ирана. Прежде всего это сказалось на Германии. Так, согласно статистическим данным, представленным Федеральной службой внешней торговли Германии в сентябре 2007 г., немецкие компании являлись лидерами в семи из девяти секторах машиностроения в Иране⁴. По данным Федерального статистического агентства, немецкий экспорт в Иран в 2007 г. составил 3,6 млрд евро. Среди немецких экспортных товаров ведущие позиции занимали трубы из чугуна и стали (их доля составила 16,4%). В импорте из ИРИ преобладали сырьё и продукты питания: 30,2% импорта составили нефть и природный газ, 19,4% приходилось на орехи и сухо-

фрукты. В целом показатели импорта из Ирана в 1995–2007 гг. практически не менялись, в то время как экспорт за этот же период увеличился в три раза (с 1,2 млрд евро в 1995 г.)⁵.

Начало введения антииранских санкций со стороны европейского сообщества потребовало от Федерального правительства чёткой позиции по иранскому вопросу, которая и была сформирована в 2005–2007 гг. Она заключалась в том, что на фоне растущего недовольства в Европе Германии приходилось искать компромисс между своими политическими обязательствами в качестве лидирующей страны ЕС и экономическими интересами на иранском рынке, где Германия была лидером среди европейских стран.

Таким образом, Федеральное правительство в вопросах, связанных с Ираном, находилось немного в стороне от своих западных союзников. Несмотря на то, что Германия и в 2007 г. ещё занимала завидные позиции на иранском рынке, в 2005–2007 гг. германский экспорт в Иран снизился на четверть с €4,3 млрд до €3,2 млрд, а два крупнейших банка Германии – Deutsche Bank и Commerzbank AG в это время вообще ушли с иранского рынка⁶.

Наблюдая такую ситуацию, немецкая политическая элита склонялась к сотрудничеству с Ираном. Об этом свидетельствуют парламентские дебаты по иранскому вопросу. Так, например, 30 января 2008 г. представитель ФРГ в Брюсселе А. Бир (член комитета Европарламента по иностранным делам) акцентировала внимание на то, что «санкции ослабляют гражданское общество и укрепляют позиции президента М. Ахмадинежада»⁷. Схожее мнение высказал и другой немецкий представитель от Партии демократического социализма Т. Пфлюгер: «Иран имеет очень активное гражданское общество, несмотря на все репрессивные меры против таких групп, как профсоюзы. Принимаются неприемлемые меры, такие, как снятие кандидатов на выборах в меджлис, но я категорически против ужесточения санкций. Они были бы контрпродуктивными, в частности – для демократической оппозиции»⁸. Иными словами, немецкая элита поставила чёткое разграничение между правительством в Тегеране и народом Ирана. Проведя подобную черту, Федеральное правительство нашло для себя выход из этой ситуации: после сделанных заявлений о солидарности с иранским народом реакция иранского общества на введение очередных санкций против правительства в Тегеране смягчилась.

В 2009–2010 гг. наблюдался спад напряженности в германо-иранских отношениях. В этот период товарооборот между странами стал расти, поднявшись с €3,714 млрд до €3,804 млрд после падения с €3,924 млрд в 2008 г. Согласно данным федерального МИД, в целом в 2010 г. объем торговли между Германией и Ираном вырос на 11% по сравнению с 2009 г.⁹

Вопреки существующим санкциям сохранялся интерес Федерального правительства к сотрудничеству с Ираном в сфере газовой энергетики. В 2010 г. немецкие энергетические компании вместе с австрийской нефтегазовой компанией OMV вели переговоры с иранскими партнерами о развитии газового месторождения Южный Парс. Известно, что в январе 2010 г. Иран подписал контракт на \$1,4 млрд с одной немецкой фирмой на строительство 100 газовых турбокомпрессоров, необходимых для транспортировки газа¹⁰.

Подобное «потепление» было связано с надеждами на смену президента в ИРИ в 2009 г. Однако после переизбрания 12 июня 2009 г. М. Ахмадинежада на второй срок А. Меркель в августе 2009 г. после длительных колебаний поддержала новые санкции против энергетического сектора Ирана¹¹.

В сентябре 2009 г. на обсуждении в Европарламенте в адрес Ирана вновь последовали обвинения в несоблюдении прав человека. В свою очередь представители ФРГ в Европарламенте 19 января 2010 г. озвучили обвинения в адрес ЕС по поводу отсутствия действенной помощи населению Ирана. Представитель Германии Александр Альваро настаивал на том, что раз ЕС не принимает необходимых мер, то европейское сообщество само становится соучастником совершаемых правительством Ирана преступлений.

В 2011 г. «оттепель» в германо-иранских отношениях завершилась. Несмотря на существовавшие сомнения и особое мнение Германии, ЕС принял решение в пользу введения новых санкций. Уже 11 февраля 2011 г. Европейским парламентом была одобрена новая резолюция по Ирану.

Важным пунктом резолюции являлся вопрос ядерной программы ИРИ. В очередной раз подчёркивая право Ирана на обогащение урана в мирных целях в соответствии с центральным принципом ДНЯО, Европейский Парламент «осуждал продолжающийся отказ Ирана в полной мере сотрудничать с МАГАТЭ...» (ст. 38)¹².

Документ Европарламента упоминал тот факт, что Иран был государством с наибольшим количеством казней на душу населения: в 2009 г. было совершено самое большое количество казней за последние 10 лет (ст.11)¹³.

Данная резолюция была принята практически единогласно: «за» – 62, «против» – всего 3, 2 воздержалось¹⁴. При этом все немецкие представители голосовали «за», обосновывая свою позицию тем, что они выступали «за» иранский народ, но «против» власти в Тегеране.

Санкции, конечно же, сказались на товарообороте двух стран. За первые восемь месяцев 2011 г. по сравнению с показателями того же периода 2010 г. товароборот снизился на 19%¹⁵. Ещё менее удачным стал 2012 г., который смело можно назвать наиболее критическим в отношениях Тегерана с мировым сообществом.

Учитывая то, что до ввода санкций Германия была крупнейшим европейским экспортёром в Иран, соответственно, после введения санкций Берлин утратил лидирующие позиции. Этот факт является весьма показательным. В 2012 г. ФРГ уступила иранский промышленный рынок конкурентам. В результате в 2012 г. Иран в германском экспорте занимал 42-е место, а в импорте – 68-е¹⁶.

В политике всё выглядело сложнее: решение о вводе нефтяного эмбарго, принятое в середине 2012 г., и вставший на повестке дня вопрос о возможном военном вмешательстве были главными темами, обсуждавшимися как в мире, так и в ЕС. Немецкие представители на дебатах по иранскому вопросу в Европейском Парламенте – хотя единства по поводу введения эмбарго между ними не было – практически все сходились в одном: ситуацию нужно разрешать исключительно политическим путём.

В целом стоит отметить, что начиная с 2006 г. из-за создавшихся условий немецкий капитал медленно, но верно стал уходить с иранского рынка. Даже несмотря на «потепление» 2009–2010 гг., становилось очевидным, что пока власть в Тегеране находится в руках М. Ахмадинежада, не приходится говорить о восстановлении германо-иранского сотрудничества на прежнем уровне.

15 июня 2013 г. пост президента ИРИ занял представитель «умеренных» – Хасан Роухани. Уже в сентябре 2013 г. новый президент Ирана в интервью CNN осудил Холокост как форму геноцида, назвав его «большим преступлением» нацистов против евреев.

С сентября начались активные двусторонние контакты между Ираном и ФРГ. Так, 25 сентября состоялась встреча Х. Роухани с министром иностранных дел Германии Г. Вестервелле. 7 октября того же года послом ФРГ в Иране М. Ф. фон Унгерном были вручены верительные грамоты. Во время церемонии вручения президент Х. Роухани выразил надежду на то, что Германия как участник Шестерки международных посредников будет играть конструктивную роль на встрече в Женеве, которая должна была состояться 15–16 октября 2013 г. Президент Х. Роухани особо подчеркнул, что «ядерная деятельность Ирана основана на мирных целях и Тегеран стремится использовать свои права на развитие ядерной энергетики в рамках международных правил»¹⁷.

Результатом таких изменений в политике Тегерана стало подписание 24 ноября 2013 г. в Женеве Совместного плана действий между Ираном и «Шестёркой». В Преамбуле данного документа содержится обещание Ирана «ни при каких обстоятельствах не развивать ядерное оружие»¹⁸. Сам план предполагал комплексную поэтапную отмену всех санкций международного сообщества против Ирана, заключавшуюся в двух основных стадиях. К ключевым элементам первого шага относилось соблюдение ИРИ основных требований по сокращению существующего объема урана, а также по сокращению его обогащения¹⁹. Взамен «Шестёрка» обязалась приостановить усилия по дальнейшему снижению объемов продаж иранской сырой нефти, а также приостановить действия санкций США и ЕС в отношении экспорта иранских нефтепродуктов²⁰. Заключительный шаг предусматривал отмену в полном объеме санкций СБ ООН, многосторонних и национальных санкций, прекращение усиленного мониторинга инспекторами МАГАТЭ иранских ядерных объектов, а также ратификацию и выполнение Дополнительного протокола к Совместному плану²¹.

В 2014–2015 гг. в Берлине продолжали обсуждать «иранский вопрос». Так, на заседании Бундестага 24 января 2014 г. министр иностранных дел Ф.В. Штайнмайер заявил, что появившаяся перспектива разрешения ситуации вокруг Ирана является результатом активной внешней политики ФРГ: «... Потребовалось десять лет, чтобы впервые перспектива на разрядку конфликта...стала проблёскивать». «Думаю, – подчеркнул министр, – ...если бы не было активной внешней политики..., то такие конфликты только бы обострялись»²². Его поддержал представитель «левых» Вольфганг Герке: «Конфликт с Ираном показал нам: "пока суд да

дело, живи смело". Иными словами, долгосрочные усилия, – имея в виду переговорный процесс, – оставляют возможность для политического разрешения ситуации, поэтому ... я выступаю за ... активную внешнюю политику»²³.

Весной 2014 г. Европарламент принял резолюцию о стратегии ЕС в отношении Ирана. Данная резолюция полностью отражала позицию немецкого истеблишмента: «Не может быть никакой альтернативы мирному решению на основе переговоров» (Статья 2)²⁴.

Надежды нового иранского лидера на то, что Германия будет играть особую роль в переговорном процессе, оправдались. Это отмечал и сам Х. Роухани в сентябре 2014 г. во время беседы с Ф.В. Штайнмайером в Генеральной Ассамблее ООН, отметив, что он «приветствует конструктивную роль Германии в ядерных переговорах»²⁵.

Изменение внешнеполитического курса Ирана моментально отразилось на количественных показателях. Немецкий экспорт в Иран в 2014 г. вырос по сравнению с 2013 г. на 30% и составил €2.391 млрд (к €1.85 млрд в 2013 г.)²⁶. Более того, с конца 2014 г. представители многих немецких компаний посетили Иран и пришли к выводу о том, что первоочередной целью правительства президента Х. Роухани является экономическая стабильность в стране²⁷.

Федеральный министр иностранных дел в ноябре 2014 г. уверенно заявлял: Ирану стоило бы признать, «что пути назад к ядерному вооружению ... нет»²⁸. Уже 24 ноября 2014 г. стало известно о продлении переговоров по ядерной программе Ирана до июля 2015 г.

Решающим для германо-иранских отношений стал 2015 г. После Совместного плана действий 2013 г. и переговоров в 2014 г., ожидалось принятие в 2015 г. соглашения по ядерной программе Ирана. Что касается роли немецкой стороны, то уже в феврале на заседании в Бундестаге в рамках дискуссии по разоружению шло активное обсуждение важности будущего соглашения с ИРИ. В целом позицию немецкого политического истеблишмента можно выразить словами Фолькера Бека (представитель партии «зелёных»): «Сделка не будет плохой или хорошей. Будет лишь результат переговоров, который исключит возможность Ирана получить ядерное оружие»²⁹.

Кроме обсуждений в Бундестаге, в марте 2015 г. происходили контакты и на высшем уровне. Так, 28 марта во время пе-

реговоров в Лозанне состоялась беседа Х. Роухани с А. Меркель, где иранский лидер настаивал на том, что «основной целью соглашения является формирование доверия между двумя сторонами»³⁰. Там же, в Лозанне, 2 апреля 2015 г. «Шестёрка» и Иран договорились об основных пунктах будущего соглашения: ограничения в иранской ядерной программе и меры по обеспечению прозрачности в течение 25 лет взамен на постепенную отмену санкций ООН, ЕС и США. На этих условиях 14 июля 2015 г. было заключено соглашение в Вене. Ранее 11 июля Иран и МАГАТЭ договорились о «дорожной карте», в соответствии с которой все неразрешённые вопросы должны быть решены в последующие месяцы.

Таким образом, в 2014–2015 гг. немецкое правительство на самых различных уровнях, начиная от представителей в Европарламенте и заканчивая высшим политическим руководством, принимало активное участие в переговорном процессе, сыграв одну из ключевых ролей в подготовке Венского соглашения 14 июля 2015 г.

Лидирующие позиции Германии на иранском рынке определяли необходимость немецкого правительства вести сдержанную санкционную политику в отношении Тегерана на фоне давления со стороны политических союзников. Для ФРГ Иран является крупным рынком сбыта, с которого немецкий капитал в 2005–2015 гг. был вынужден уходить. В момент введения санкций в 2004 г. Германия была лидером среди европейских стран на иранском рынке. В период переговоров в 2004–2015 гг. по ядерной программе Ирана политической элите ФРГ приходилось искать компромисс между внешнеполитическими и внешнеэкономическими интересами. После того, как президентом ИРИ стал Х. Роухани, произошло восстановление политических контактов. Германия активно выступала за подписание соглашения с Ираном. Заключение Венского соглашения 2015 г. имело большое значение для Германии, поскольку позволяло немецкому капиталу вернуться на иранский рынок.

---

¹ Die politischen Beziehungen zwischen Iran und Deutschland / Texte von Matthias Künzel // Besprechungen von "Die Deutschen und der Iran" [Elektronische Ressource] – 2013. – Zugriffsmodus: <http://www.matthiaskuentzel.de/contents/besprechungen-von-die-deutschen-und-der-iran/> – Zugriffsdatum: 15.12.2015.

² European Parliament resolution on Iran: Strasbourg, 2004: official text – European Parliament, 2004.

³ Küntzel M. Die deutsche Iran-Connection / M. Küntzel // Die Welt [Elektronische Ressource] – Berlin, 2011. – Zugriffsmodus: <http://www.welt.de/print/wams/politik/article13737433/Die-deutsche-Iran-Connection.html> – Zugriffsdatum: 15.12.2015.

⁴ См. там же.

⁵ Statistisches Bundesamt / Gesamtentwicklung des deutschen Außenhandels 2007 weiterhin positiv – Wiesbaden, 2008, s. 419.

⁶ Сёмушин Д. Линия Германии в разрешении кризиса вокруг иранской ядерной программы / Д.Сёмушин // ИА «Регнум» [Электронный ресурс] – 2015. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1919105.html> – Дата доступа: 16.02.2016.

⁷ European Parliament Plenary [Electronic resource] – 2008. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/plenary/en/debates-video.html#sidesForm> – Date of access: 9.12.2015.

⁸ См. там же.

⁹ Сёмушин Д. Линия Германии в разрешении кризиса вокруг иранской ядерной программы / Д.Сёмушин // ИА «Регнум» [Электронный ресурс] – 2015. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1919105.html> – Дата доступа: 16.02.2016.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Motion for a European Parliament Resolution on The EU's approach towards Iran: Brussels, 11 February 2011: official text – European Parliament, 2011. – P. 11.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Die politischen Beziehungen zwischen Iran und Deutschland // Botschaft Irans in Berlin [Elektronische Ressource] – Berlin, 2014. – Zugriffsmodus: <http://berlin.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=430&pageid=32104> – Zugriffsdatum: 28.01.2016.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Dr. Rouhani confers with new German Ambassador to Iran [Electronic resource] / The President of the Islamic Republic of Iran – 2013. – Mode of access: <http://www.president.ir/en/81375> – Date of access: 9.12.2015.

¹⁸ Joint Plan of Action: Geneva, 24 November 2013: official text – European External Action Service, 2013. – P. 1.

¹⁹ Там же. С. 1–2.

²⁰ Там же. С. 3.

²¹ Там же. С. 4.

²² Stenografischer Bericht Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/10: Berlin, den 29. Januar 2014.

²³ Там же.

²⁴ European Parliament resolution on the EU strategy towards Iran: Brussels, 2014: official text – European Parliament, 2014.

²⁵ President in a meeting with German Foreign Minister // The President of the Islamic Republic of Iran [Electronic resource] – 2014. – Mode of access: <http://www.president.ir/en/81375> – Date of access: 9.12.2015.

²⁶ Die politischen Beziehungen zwischen Iran und Deutschland // Botschaft Irans in Berlin [Elektronische Ressource] – Berlin, 2014. – Zugriffsmodus: <http://berlin.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=430&pageid=32104> – Zugriffsdatum: 28.01.2016.

²⁷ Там же.

²⁸ Nuklearstreit mit Iran: Chancen auf Durchbruch bei Atomgesprächen schwinden // Spiegel [Elektronische Ressource] – 2014. – Zugriffsmodus: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/iran-atomgespraeche-erneut-voorverlaengerung-a-1004475.html> – Zugriffsdatum: 27.01.2016.

²⁹ Stenografischer Bericht Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll 18/87: Berlin, den 25. Februar 2015.

³⁰ President talks to German Chancellor // The President of the Islamic Republic of Iran [Electronic resource] – 2015. – Mode of access: <http://www.president.ir/en/85725> – Date of access: 11.12.2015.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КНР И САУДОВСКОЙ АРАВИИ В XXI В.: КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Китай – один из крупнейших импортеров нефти в мире, ежегодный объем импорта приближается к отметке в 400 млн т в год (362 млн т в 2014 г.)¹. Высокая потребность в ресурсе – одна из основных причин развития отношений КНР со странами Персидского залива, в особенности с Саудовской Аравией, обладающей крупнейшими запасами нефти в своем регионе и вторым показателем в мире. Таким образом, Королевство Саудовская Аравия (КСА) – основной партнер КНР, а энергетическая составляющая – фундамент их экономических отношений. Так, объем торговли между странами за 2015 г. составил 51,7 млрд долл. (из которых экспорт КНР и КСА – 21,7 млрд долл. и 30 млрд долл. соответственно). Интересно, что если основными статьями экспорта Китая являются электротехника, сталь, одежда и др., то китайский импорт составляют нефть и нефтепродукты². Однако с середины 2016 г. в китайских экспертных, экономических и официальных кругах активно высказывается намерение углубить и диверсифицировать торговые отношения с КСА, и это стремление воспринимается саудовскими партнерами позитивно. Отсюда политические отношения остаются «за кадром», в отличие от экономических. Двусторонние встречи глав государств и представительств реализуют главным образом торговые и энергетические интересы обеих стран, о чем речь пойдет ниже.

Учитывая, что и КНР, и Саудовская Аравия – бесспорные региональные лидеры прежде всего в сферах экономики и энергетики, то и в Пекине, и в Эр-Рияде в последнее время стали положительно рассматривать двустороннее сближение. Китайская экономическая инициатива «Один пояс, один путь», объявленная в 2013 г., несомненно, усилила стратегический интерес Пекина к королевству³. Поэтому имеет смысл говорить о новом этапе в двусторонних отношениях:

2013–2016 гг. характеризуются наличием и стратегической составляющей во взаимных интересах государств, в то время как основу отношений в 2011–2013 гг. составляет исключительно экономика и торговля.

Установление дипломатических отношений КНР с Саудовской Аравией в 1990 г. стало гарантом стремительного развития торговли между двумя странами. Уже с 1993 г. Китай ощущает серьезную нехватку запасов нефти. При сегодняшнем потреблении нефти в объеме свыше 500 млн т в год страна на 60% зависима от импорта сырья⁴. В 1993 г. саудовская нефтяная корпорация Saudi Aramco продала первую партию нефти китайской компании China National Petroleum. С 1997 г. китайские инженерно-подрядные компании АКОО «Петрочайна» и АКОО «Синопек 2» вошли на внутренний рынок Саудовской Аравии, предоставляя рабочих для бурения нефтяных скважин и строительства инфраструктуры. И уже в 1999 г. между КНР и Саудовской Аравией было подписано Соглашение о нефтяном стратегическом партнерстве, обозначившее выгодные условия сотрудничества для обеих сторон⁵.

Энергетика – ключевое звено в торговле Китая со странами Залива. Нефть, газ и продукты нефтепереработки составляют 98% от общего объема экспорта Саудовской Аравии в Китай, а импортируемая «нефть из Персидского залива», в свою очередь, в 2015 г. составила треть всего объема нефтяного импорта КНР⁶.

Заместитель директора политических исследований China National Petroleum Corporation Ван Чжэнь 17 декабря 2016 г. на Экспертном энергетическом саммите в Пекине охарактеризовал нефтегазовое сотрудничество КНР со странами Ближнего Востока, выделив 4 главные составляющие:

1. *Инвестиции.* Объемы и структура инвестирования в апстрим (сектор разведки нефтяных залежей) уже сформированы, в то время как инвестиции в даунстрим (сектор нефтепереработки и сбыта) дают первые результаты только сейчас.

2. *Основная статья торговли – нефть.* Торговля природным газом находится в процессе развития.

3. *Китайский инжиниринг* активно задействован на Ближнем Востоке (около четверти всех проектов).

4. *Китайские комплекующие* занимают стабильную нишу в регионе, однако еще не имеют высоких позиций⁷.

Несмотря на стремительное развитие экономических отношений, сотрудничество с Саудовской Аравией имеет определенные *трудности*, на что не раз указывали китайские экономисты и специалисты по региону Ближнего Востока.

1. *Американский фактор*. Саудовская Аравия представляет интерес для США как поставщик нефти по разумным ценам, площадка для противодействия терроризму на Ближнем Востоке, а также государство, способное сбалансировать влияние Ирана в странах региона⁸. Помимо этого, США – важный торговый партнер королевства и один из главных импортеров саудовской нефти. Это делает саудовскую нефть предметом соперничества Китая и Америки. В качестве инструмента борьбы США, обладая долей акций Saudi Aramco, неоднократно вводили санкции и штрафы в отношении китайских компаний на территории Саудовской Аравии⁹.

Хотя Америка – главный саудовский партнер в области безопасности, теперь Китай – главный торговый и энергетический партнер КСА¹⁰. Китайские эксперты считают, что США необходимо научиться уважать самобытность государств и самостоятельность их развития. Эксперты также рекомендуют всем трем государствам сосредоточиться на взаимной выгоде и договориться о сотрудничестве, аргументируя это тем, что американо-китайская «игра с нулевой суммой» может привести к значительным обоюдным потерям¹¹.

2. *Религиозно-культурный фактор*, подразумевающий, во-первых, различие в культурах и ценностях КНР и Саудовской Аравии и, во-вторых, многоконфессиональность саудовского населения как причину внутренней социальной нестабильности страны: 97% населения Королевства – мусульмане, из которых до 90% – сунниты. Обе проблемы могут потенциально осложнить успешное осуществление контактов между странами.

В качестве устранения культурного барьера предлагается усилить межкультурное и гуманитарное сотрудничество и углубить взаимное знакомство с традиционными культурами и ценностями обоих государств.

3. *Нестабильность региона и ирано-саудовские отношения*. Регулярные вооруженные конфликты, возросший уровень радикализма и экстремизма в регионе Ближнего Востока могут угрожать стабильности сырьевых поставок из Саудовской Аравии в КНР. Тем не менее китайское экспертное сообщество

отмечает, что Китай в равной степени успешно поддерживает дружественные отношения со всеми странами региона, не становясь при этом одной из внешних угроз региональной безопасности. Вместе с тем, касательно поставок нефти КНР на официальном уровне придерживается политики диверсификации – увеличение количества стран-поставщиков энергоресурсов, – которую китайские эксперты рекомендуют усилить. Это в значительной степени сократит зависимость Пекина от ближневосточных поставок нефти¹².

Но, несмотря на проблемные факторы, обе стороны неоднократно выражали намерения углублять и расширять сотрудничество¹³. Об этом говорит не только возросшее за последнее десятилетие количество взаимных визитов на высшем уровне, успешно оканчивающихся подписанием соглашений и меморандумов, но и созвучность стратегий и планов развития обеих стран. Кроме этого, в апреле 2016 г. Саудовская Аравия опубликовала документ «Видение 2030»¹⁴. Представители как китайского, так и саудовского экономических сообществ не раз публично замечали, что саудовское «Видение» идет в ногу с китайскими проектами «Один пояс, один путь», «Сделано в Китае 2025» и пр.

Так, в марте 2017 г. в Пекине состоялся «Китайский форум развития» (China Development Forum), на котором присутствовал Амин Нассер, президент Saudi Aramco. «Мы в Саудовской Аравии внимательно следим за тремя стратегическими экономическими инициативами Китая – Go Global, "Один пояс, один путь" и "Сделано в Китае 2025". Этот интерес только усилился с запуском в прошлом году Saudi Vision 2030 и эта наша стратегия имеет параллели со всеми тремя», – заявил глава Saudi Aramco¹⁵. Он выделил *три области сотрудничества*, которые могут возникнуть в результате динамичного стратегического взаимодействия между обеими странами.

1. Первая область – это *усиление двусторонних инвестиционных потоков* между двумя странами, что соответствует как китайским Go Global и «Один пояс, один путь», так и Saudi Vision 2030. «Китайские компании могут извлечь выгоду из стратегического расположения королевства на Шелковом пути, создав производственные, логистические и научно-исследовательские базы, особенно на западном побережье Саудовской Аравии. Оттуда они могут легко получить доступ к крупным рынкам в регионах Ближнего Востока Северной Африки, вплоть до Европы, а

также получить доступ к огромным энергетическим ресурсам королевства и новым поставкам нефтехимических продуктов», – прокомментировал Амин Нассер.

2. Вторая область фактически согласована с Парижским климатическим соглашением. Предполагается, что *углеводороды* по-прежнему будут удовлетворять значительную часть спроса на первичную энергию в мире даже четверть века спустя. «Тем не менее выбросы углерода должны соответствовать Парижскому соглашению об изменении климата. Здесь использование, утилизация и хранение углерода (CCUS) [комплекс технологий – Е.Д.] и водорода могут, своего рода, изменить правила игры для Саудовской Аравии и Китая» – подчеркнул президент компании. Используя CCUS, Саудовская Аравия могла бы преобразовать свои огромные запасы нефти и газа в чистую водородную энергию, так же как и Китай мог бы преобразовать свои огромные угольные ресурсы в экологически чистую водородную электроэнергию.

3. Третья область – *«негорючие» виды использования нефти*, что позволит превратить ее в целый ряд новых материалов. Это также может стать частью «Новых материалов» и десяти основных пунктов стратегии «Сделано в Китае 2025»¹⁶.

Итак, отношения КНР с Саудовской Аравией активизировались с 2013 г. Эти отношения в настоящее время имеют тенденцию к развитию. Об этом свидетельствует близость и взаимодополняемость экономических и энергетических стратегий обеих стран. Вместе с тем экономика все еще служит подспорьем политических связей государств. Мировые и региональные конфликты и острые вопросы в сфере политики обходят стороной повестку дня двусторонних диалогов. Основную статью торговли между странами в 2011–2016 гг. составила торговля нефтью и нефтепродуктами. Обе стороны намерены расширять содержание двусторонней торговли, т.е. развивать не только торговлю энергоресурсами и нефтепродуктами, но и другими товарами. Очевидно, что с начала строительства «Одного пояса, одного пути» Саудовская Аравия приобрела новое значение в глазах Пекина. Географическое положение, значительный вес в мусульманском мире и экономический и энергетический потенциал – все это бесспорные преимущества КСА с точки зрения китайской экономической стратегии. Однако с 2013 г. фактических изменений в двусторонних отношениях государств автор не усматривает. Как и в период с 2011 по

2013 г., наблюдается рост объема двусторонней торговли, по большей части энергоресурсами. Поэтому за исключением стратегической привлекательности КСА для Китая, усиливающаяся интенсивность экономического и энергетического сотрудничества – лишь продолжение отношений, заложенных еще в прошлом веке.

¹ 进口石油量 (Нефтяной импорт) // National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_tyjtj_674911/zcwj_674915/t1331327.shtml

² 中国同沙特阿拉伯的关系 (Отношения КНР и КСА) // Официальный сайт Министерства Иностранных Дел КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676860/sbgx_676864/

³ 沙特如何看中国(国际论坛) (Как Саудовская Аравия видит Китай (Международный Форум)) // Renmin wang [Электронный ресурс]. – 30.08.2016. – Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n1/2016/0830/c1002-28675820.html>

⁴ 杨荣佳, 舒先林 (Ян Жоньцзя, Шу Сяньлинь)。论中国与沙特阿拉伯的石油合作关系 (Об отношениях нефтяного сотрудничества между Китаем и Саудовской Аравией) // 北京石油管理干部学院学报. 2015. № 5. С. 44–48.

⁵ Там же.

⁶ 中国与海湾国家加强能源合作符合双方愿景 (Укрепление энергетического партнерства Китая со странами Персидского залива основывается на двустороннем желании) // ChinaDO [Электронный ресурс]. – 05.01.2017. – Режим доступа: <http://www.chinado.cn/?p=4642>

⁷ Там же.

⁸ 吴冰冰(У Бинбин)。从中国与海湾八国关系的发展看“中阿合作论坛”(«Китайско-арабский форум сотрудничества» с точки зрения развития отношений Китая с восемью странами Персидского Залива) // 阿拉伯世界研究. 2011. №1. С. 10–18.

⁹ см. 4.

¹⁰ 孙德刚 (Сунь Дэган)。中国参与中东地区冲突治理的理论与实践 (Теория и практика китайского вовлечения в ближневосточные конфликты) // HPRS [Электронный ресурс]. – 16.05.2016. – Режим доступа: http://www.hprc.org.cn/gsyj/wjs/dfbj/201605/t20160516_372785.html

¹¹ см. 4.

¹² см. 8.

¹³ см. 3.

¹⁴ Saudi Vision 2030 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vision2030.gov.sa/>

¹⁵ China Development Forum 2017 // Saudi Aramco [Электронный ресурс]. – 19.03.2017. – Режим доступа:

<http://www.saudiaramco.com/en/home/news-media/speeches/china-development-forum-2017.html>

¹⁶ At China Development Forum, Saudi Aramco CEO says enormous business opportunities await from Sino-Saudi synergy // Saudi Aramco [Электронный ресурс]. – 19.03.2017. – Режим доступа:

<http://www.saudiaramco.com/en/home/news-media/news/china-development-forum-press-release.html>

**ПРОБЛЕМА АРАБСКОГО СЕПАРАТИЗМА
В ИРАНСКОЙ ПРОВИНЦИИ ХУЗЕСТАН
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Провинция (остан) Хузестан (площадь 64 055 кв. км) расположена на юго-западе Ирана, административный центр – г. Ахваз (другие крупные города – Бехбехан, Абадан, Хорремшехр, Дезфул, Ховейзе, Омидийе, Сусенгерд и др.). Население около 4,3 млн человек (на 2009 г.). Регион имеет для ИРИ исключительное стратегическое значение, т.к. в нем сосредоточено до 85% месторождений нефти, 90% газа и другие полезные ископаемые. Кроме того, на долю провинции приходится значительная часть производства сельхозпродуктов (хлопок, зерновые, цитрусовые, сахарный тростник, финики, оливки и др.), а также около 35% водных запасов Ирана. В Хузестане проживают различные национальности: персы, луры, бахтияры, кашкайцы, армяне и арабы. Арабское население (арабы-ахвази) составляют около 75% населения, примерно 3,5 млн человек принадлежит к различным племенам: Бану Тамим, Бану Кааб, Бани Ханзала, Бани Тараф, Бану Лям и др. Большинство арабов-ахвази в религиозном отношении являются шиитами-иснаашаритами, но есть и суннитское меньшинство, в основном среди племен, проживающих в прибрежных населенных пунктах.

В Хузестане особо сильны сепаратистские настроения среди арабского населения. Напомним, что на его территории (в арабской исторической литературе и арабских СМИ употребляется арабизированное наименование «Аль-Ахваз», а также «Арабистан») в свое время существовало несколько арабских государственных образований. Самые значительные из них – эмират Аль-Мушашайя в XV-XVIII вв. (этот период связывается в местной арабской историографии с «золотым веком Аль-Ахваза»), а также эмират Мохаммера (современный г. Хорремшехр). До 1925 г. эмират Мохаммера был автономной

территорией под британским протекторатом и собственным правителем из племени Бану Кааб, которое приобрело исключительное влияние на этих землях в XIX в. Представитель этой династии – эмир Хазаль аль-Кааби (шейх Хазаль) являлся фактическим правителем Аль-Ахваза с 1897 г. по 1925 г. Однако новый шах Ирана Реза Пехлеви в 1925 г. ликвидировал автономию этого эмирата, подавил восстание местного арабского населения и арестовал шейха Хазалья, отправив его под арест в Тегеран. Аль-Ахваз вошел в состав новой пехлевийской монархии на правах провинции, при этом было изменено официальное название на «Хузестан».¹ После ликвидации автономного эмирата сепаратистское движение поддерживалось на протяжении 20–40-х годов XX века.

Новый этап начался после Исламской революции 1979 г., когда арабское население, разочарованное в национальной политике аятоллы Рухоллы Хомейни, начало выступления против новой власти, подавленное властями силовым методом. Причем эти волнения приобрели еще форму религиозного диссидентства, т.к. большинство арабов-ахвази являлись сторонниками аятоллы Мохаммада аль-Хагани, уроженца этой провинции, который, как и некоторые другие религиозные авторитеты Ирана, выступал против хомейнистской модели «вилает аль-факих». В свое время карту арабского сепаратизма пытался разыграть Саддам Хусейн во время ирано-иракской войны (1980–1988 г.), объявив одной из ее целей «освобождение Хузестана», но иранцам удалось тогда отыграть ситуацию обратно и удержать провинцию под своим контролем.

Тем не менее, оставшись в составе ИРИ, арабское сепаратистское движение не исчезло, хотя многие вооруженные группировки, которые сотрудничали с иракским баасистским режимом, оказались разгромлены и были вынуждены перенести свою деятельность за границу (захват посольства ИРИ в Лондоне в 1980 г.). В последующие годы в самом Хузестане оппозиционные настроения нарастали, приняв форму полулегальных движений по борьбе за свои права. До прямых столкновений с силами безопасности дело доходило редко. Своего рода поворотным моментом стал 2005 г., когда по Хузестану снова прокатилась волна беспорядков, которые продолжались несколько дней. За этим последовала серия террористических актов в 2005 и 2006 гг., в проведении которых власти обвиняли арабские сепаратистские группировки, которые поддержива-

лись из-за рубежа. «Арабская весна» также оставила свой след в Хузестане, когда в 2011 г. состоялись массовые выступления арабского населения с требованиями предоставления автономии и прекращения дискриминации по национальному признаку.

Стоит отметить, что ситуация с правами человека в Хузестане регулярно поднимается международными правозащитными организациями Amnesty International и Human Rights Watch, включается в ежегодные отчеты Госдепа США по ситуации с правами человека (Country Reports on Human Rights Practices), Совета по правам человека ООН и т.д. Согласно этим отчетам, арабское население Хузестана подвергается политической, национальной (насильственная «иранизация», ограничение в обучении на родном языке) и религиозной (особенно для суннитского меньшинства) дискриминации. Кроме того, иранский режим обвиняют в неравномерном распределении доходов от нефти, которые не используются в равной мере на развитие инфраструктуры региона, что способствует росту безработицы среди коренного населения, особенно молодежи, падению уровня жизни, активному загрязнению окружающей среды и т.д.²

Все эти проблемы остаются нерешенными на протяжении десятилетий, что является причиной выступлений арабского населения. 2017 г. не стал исключением, когда Тегерану пришлось столкнуться с новой волной беспорядков в Хузестане перед президентскими выборами. В Ахвазе и других городах провинции прошли демонстрации местного населения с протестом против загрязнения воздуха, нехватки питьевой воды и других экологических проблем.³ Протесты были настолько массовыми, что даже привели к сокращению добычи нефти в Хузестане. Причем это стало формой для политических протестов, которые запрещены законодательно в ИРИ, под лозунгами борьбы за экологию. Тем более, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 2011 г. и 2013 г., Ахваз – столица провинции входит в первую десятку наиболее загрязненных городов мира.⁴ Например, концентрация УДЧ (Ультрадисперсные частицы – PM10) превышает в среднем на 80% допустимый уровень. Для сравнения, по данным ВОЗ, в Пекине концентрация PM10 составляет 121 мкг/м³, а в Ахвазе концентрация PM10 достигает 372 мкг/м³.⁵ Несмотря на принимаемые меры, ситуация не улучшается коренным образом. Главную

причину экологической катастрофы в Хузестане видят в просчетах в эксплуатации водных ресурсов (переброска стока рек Карун и Керхе, строительство плотин и т.д.), применении устаревших технологий добычи нефти. Все это привело к опустыниванию громадных болотных пространств и заболоченных низменностей (Хур аль-Азим, Хур-Мазраэ и Хур-Дураг, лагуна Шагедан и др.), поэтому все эти уникальные экосистемы находятся на грани разрушения.⁶

Власти, чтобы снизить напряженность в провинции, заблокировали «Твиттер» и другие социальные сети, учитывая их роль в протестных акциях 2011 г. Тем не менее вскоре демонстрации приобрели политическую окраску, когда стали проходить под лозунгами «Смерть тирании»: «Мы, люди Ахваза, не допустим притеснения», «Позор силам госбезопасности», «Чистый воздух – это наше право, Ахваз – наш город» и т.д. Кроме того, вновь последовали призывы к отставке губернатора провинции Голямрезы Шариати (Gholamreza Shariati). Такой поворот событий вызвал большую обеспокоенность в Тегеране, когда некоторые политики и парламентарии назвали волнения в Хузестане «национальной угрозой», вызванной неспособностью и нежеланием местных властей решать проблемы провинции.⁷ Выдвигались даже требования об отставке министра энергетики Хамида Читчияни.⁸ Особо активно выступали депутаты Меджлиса от Хузестана Джалил Мохтар (г. Абдан), Абдалла Самери (г. Хорремшехр), Аббас Папи-заде (г. Дезфул). После такого поворота событий 18 февраля 2017 г. верховный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи призвал правительство Хасана Роухани решить текущую проблему в срочном порядке и разобраться с ситуацией на месте.⁹ В результате 23 февраля того же года состоялась поездка президента ИРИ в Хузестан, где он заявил, что правительство приняло меры для предотвращения проблем с водоснабжением и электричеством.

Властям на этот раз удалось снизить уровень напряженности в провинции. Но нет гарантии, что протестные акции не повторятся в ближайшем будущем, т.к. исправление экологической ситуации в Хузестане потребует многолетних усилий, а также больших финансовых затрат. Тем не менее в мае 2017 г. губернатор Г. Шариати провел встречу с неправительственными организациями провинции. Он заявил, что правительство не собирается осуществлять планы по переброске рек в соседние провинции, особо подчеркнув, что был заблоки-

рован проект «Бехштабад», который предусматривал использование 550 млн куб. м воды для промышленных целей.¹⁰ Многие полагали, что за визитом Х. Роухани последует отставка нынешнего губернатора, чего давно добиваются местные активисты. Одно из главных требований – поставить губернатором местного уроженца – желателен араба-ахвази. В 2016 г. была предложена кандидатура бывшего члена Меджлиса Сейеда Шарифа Хоссейни (Seyed Sharif Hosseini), а также клирика Ахмада Сайахи (Ahmad Sayahi).¹¹ Но власти тогда не пошли навстречу этим предложениям.

В мае 2017 г. в Хузестане также имели место протесты арабского населения в связи с проходившими муниципальными выборами, когда против властей были выдвинуты обвинения в подтасовке результатов в пользу кандидатов «некоренных» национальностей. Как в большинстве таких случаев, пришлось применять силу для разгона несанкционированных выступлений.¹² Арабы-ахвази потребовали отмены результатов выборов в местный совет Ахваза, в который прошли десять кандидатов ираноязычных национальностей (луры, персы, бахтияры) и только три кандидата от арабов-ахвази, которые составляют большинство населения города. Неофициальные данные говорят, что якобы все 13 мест в городском совете достались исключительно арабам-ахвази, которые шли в местный совет единым блоком «Аль-Ахваз аль-Кабир», а более 70% голосов были сфальсифицированы.¹³ Оппозиция связывает такие результаты с осуществлением негласного плана Тегерана по изменению демографической структуры населения в провинции.¹⁴ Отметим, что такие же протесты были и в 2013 г. по аналогичным причинам.¹⁵ Как сообщалось, арабские активисты обратились с петицией к новоизбранному президенту Х. Роухани пересмотреть результаты выборов и отменить их в случае обнаружения фальсификации, показав тем самым, что он выполняет свои предвыборные обещания и поддерживает национальные меньшинства Ирана, а также выступает за равенство и справедливость в отношении всех граждан страны.¹⁶

Кроме того, за последние годы социальные протесты против национальной дискриминации в Хузестане очень часто приобретают форму движения футбольных фанатов из числа арабской молодежи. Оппозиционные группировки заявляют, что футбольные протесты – это часть «продолжающейся конфронтации между демонстрантами и силами персидской окку-

пации». ¹⁷ Например, в марте 2015 г. во время отборочного турнира Лиги чемпионов АФК между иранской командой «Фулад» (Foolad FC) (спонсор иранская сталелитейная компания Foolad Khuzestan Company) и «Аль-Хилаль» (al-Hilal FC) (футбольный клуб г. Эр-Рияд) арабские болельщики демонстративно выражали поддержку саудовской команде, а не своей иранской, а после матча прошли столкновения с полицией.

Причем помимо националистических баннеров, болельщики несли и политические лозунги «Мы все Юнес» с именем торговца фруктами араба-ахвази Юнеса Асакереха, который осуществил акт саможжения 13 мая 2015 г. после закрытия его лавки властями. Для местных активистов он стал своего рода символом – «ахвазским Мухаммедом аль-Буазизи». (Напомним, М. аль-Буазизи – тунисский торговец фруктами, совершивший саможжение по аналогичной причине, что положило начало «арабской весны в Тунисе в 2011 г.»). ¹⁸ Такие формы протеста имели место и раньше, когда 15 мая 2016 г. после победы «Эстеглаль Хузестан» над «Зоб Ахан» (Исфахан) болельщики местной команды, одетые в традиционные арабские куфии, скандировали националистические и антииранские лозунги, а также растянули баннеры с выражением благодарности королю Саудовской Аравии Сальману и эмиру Кувейта Саббаху аль-Ахмеду за поддержку в проведении форума «Аль-Ахваз» в Кувейте. ¹⁹ По словам члена медиа-офиса (The Arab Struggle Movement for Liberation of al-Ahwaz, ASMLA) Мухаммеда Хаттаба аль-Ахвази, жители Аль-Ахваза используют все имеющиеся возможности для «выражения своего протеста иранской оккупации», а стадионы стали местом для всех групп арабов-ахвази, где они могут еще раз заявить о своей принадлежности к арабской нации. ²⁰

Молодежный фактор вообще становится одним из существенных элементов в оппозиционном движении арабов-ахвази. По сообщению некоторых источников (Al-Mezmaah Studies and Research Center), наблюдается рост числа обратившихся в суннизм среди местного населения, особенно после подавления волнений в 2005 г. Причем «суннизация» рассматривается как протест против репрессивной политики иранского режима, желание сохранить свою арабскую идентичность в ответ на насильственную «иранизацию». Иранские власти видят в этих процессах результат воздействия внешних факторов – информационной войны со стороны некоторых стран За-

лива, прежде всего КСА, роста влияния салафитских группировок, поддерживаемых теми же саудовцами, с их идеями «такфиризма» и борьбы с «рафидитами» и т.д.

В результате, по данным тех же источников, процесс активной «суннизации» захватил особенно молодежную среду, где якобы процент суннитов составляет сейчас 50–70%.²¹ Из этого делается вывод, что в ближайшем будущем можно прогнозировать серьезные изменения в конфессиональной структуре Хузестана. Однако реальное соотношение суннитов и шиитов в современном населении Аль-Ахваза неизвестно, т.к. переход из государственной версии ислама может быть инкриминирован как «отступничество», что является уголовным преступлением в Иране, поэтому истинное число «криптосуннитов» определить крайне затруднительно. Тем не менее можно вполне допустить, что в молодежной среде арабского населения Хузестана действительно имеют место такие процессы.

Помимо общественных движений арабов Хузестана, имеется и «системная оппозиция», которая представлена различными политическими партиями и группировками. Многие из них эфемерны и малочисленны, в основном состоят из представителей арабской интеллигенции Хузестана, которые эмигрировали из Ирана по политическим мотивам. Деятельность таких организаций ограничивается публикацией материалов на собственных сайтах, в социальных сетях о дискриминации арабского населения в Хузестане, организацией политических демонстраций перед дипломатическими представительствами ИРИ в странах Запада или перед штаб-квартирами международных организаций с целью привлечь внимание к «проблеме оккупированного арабского государства Аль-Ахваз».

Однако существует ряд группировок, деятельность которых выходит за вышеуказанные границы. Среди них можно назвать следующие организации: Движение арабской борьбы за освобождение Аль-Ахваза (The Arab Struggle Movement for Liberation of al-Ahwaz, ASMLA), Арабский фронт за освобождение Аль-Ахваза (The Arab Front for the Liberation of Al-Ahwaz, AFLA), Организация освобождения Аль-Ахваза (The Ahwaz Liberation Organization, ALO), Народно-демократический фронт Аль-Ахваза (Ahwazi Democratic Popular Front, AADPF), Партия демократической солидарности Аль-Ахваза (The Democratic Solidarity Party of Al-Ahwaz, DSPA) и др. Политические программы этих партий могут сильно отличаться друг от друга.

Например, DSPA декларировала борьбу за права арабов-ахвази ненасильственными методами и выступает за федеративное устройство Ирана, в котором Аль-Ахваз пользовался бы правами широкой автономии. DSPA наряду с другими оппозиционными национальными партиями (курды, азербайджанцы, белуджи, туркмены) входит в так называемый «Конгресс национальностей за федеральный Иран» (The Congress of Nationalities for a Federal Iran, CNFI), поставивший перед собой цель создания «федеративного Ирана», в котором национальные меньшинства имели бы равные права с персами. Что касается, ASMLA, то это движение провозгласило своей целью создание независимого «государства Аль-Ахваз», интегрированного в «арабский мир» и свободного от «персидской оккупации». За последнее время организация ASMLA, внесенная в Иране в список террористических организаций, выходит на первое место среди других сепаратистских движений Аль-Ахваза и пытается консолидировать деятельность всех сил оппозиции. По сравнению с другими группировками, которые действовали в прошлые десятилетия (ALO, AADPF и др.), ASMLA – новое движение. Как заявляли ее руководители, оно было создано в 1999 г. До 2016 г. его возглавлял Хабиб Джабер аль-Ахвази (иногда нисба в его имени передается как аль-Кааби). В интервью, данном в 2016 г. для газеты «Аш-Шарк аль-Аусат», он охарактеризовал позицию ASMLA как резко антииранскую и подтвердил решимость движения продолжать террористическую деятельность против иранского режима, т.к. «конфронтация с иранцами неизбежна», призвав к «изоляции Ирана от исламского мира», а также к активной поддержке сепаратистских движений, в первую очередь арабов Хузестана, со стороны арабских стран.

Хабиб Джабер аль-Ахвази до недавнего времени был весьма активен в саудовском и арабском медиа-пространстве, выступая с комментариями по событиям, связанным с Хузестаном.²² Однако в ноябре 2016 г. в результате внутривнутрипартийной борьбы он был смещен со своего поста по обвинению в превышении должностных полномочий и участии в политических интригах. В настоящее время ASMLA возглавляется Ахмадом Мола ан-Нисси (Ahmad Mola al-Nissi) – одним из основателей организации.²³ Заместителем главы движения был назначен Хабиб Асьюд, являющийся сейчас главным медийным лицом ASMLA. Он представляет свою организацию на международ-

ных форумах, а также дает интервью по текущим событиям в арабской прессе.

Как уже говорилось, ASMLA прилагает усилия по консолидации оппозиционных партий и движений Аль-Ахваза. 18 и 19 апреля 2015 г. в Гааге (Нидерланды) прошла первая конференция ASMLA, посвященная «90-летию оккупации Аль-Ахваза Ираном», в которой приняли участие многочисленные активисты от разных политических партий и движений, а также представители из 13 арабских стран, включая послов, министров, парламентариев, журналистов и др. Конференция получила широкое освещение в СМИ через многие арабские спутниковые каналы.²⁴ Такие конференции стали проводиться на регулярной основе (к 2017 г. состоялось уже три такие конференции).²⁵

Среди других подобных мероприятий следует назвать конференцию «Аль-Ахваз... Прекращение оккупации и восстановление страны – историческая обязанность», которая состоялась 3 декабря 2016 г. в Тунисе. Это было совместное мероприятие, организованное ASMLA (представлял Хабиб Асьюд) и Евро-арабским исследовательским центром (the Euro Arab Center for Studies, CEEA), в котором приняли участие парламентарии некоторых арабских стран – Мухаммед Кататшех (Dr. Mohammad Qatatsheh), Иордания; Мохсен аль-Бакри (Mohsen al-Bakri), Бахрейн, эксперты по международным делам (Абдель Мохсен Аль-Хильяль, профессор экономики Университета Ум Аль-Кура, КСА), представители западных и арабских СМИ, а также политические эмигранты и активисты от различных движений и партий, выступающих за независимость Аль-Ахваза.²⁶

В заключительном коммюнике по итогам конференции были выдвинуты следующие предложения: поднять вопрос об Аль-Ахвазе на тот же уровень, что и другие насущные проблемы арабского мира, связанные с его престижем и безопасностью, наравне с «проблемой Палестины»; приложить усилия по «интернационализации проблемы Аль-Ахваза» через международные правозащитные и политические организации, а также через международные СМИ; провести подготовительную работу для провозглашения «правительства Аль-Ахваза в изгнании», а также закрепления права арабского народа Аль-Ахваза на самоопределение в рамках международного права; подчеркнуть необходимость пропаганды «проблемы Аль-Ахваза» в арабских высших образовательных учреждениях; оказывать поддержку для представления «проблемы Аль-Ахваза» в араб-

ских международных организациях, прежде всего в ЛАГ, в соответствии с принципами инициативы, выдвинутой группой парламентариев Бахрейна; создавать общественные организации во всех арабских странах для эффективного ведения пропагандистской деятельности по «проблеме Аль-Ахваза».²⁷ По сообщению некоторых источников, представители ASMLA во время конференции контактировали со Управлением общей разведки КСА (The General Intelligence Directorate, GID) относительно дальнейшего финансирования деятельности этой организации. Встреча состоялась на одной из частных вилл, которая принадлежит одному из влиятельных членов королевской саудовской семьи.²⁸ Кроме того, ASMLA все чаще выступает единственным организатором традиционных акций протеста перед штаб-квартирами международных организаций и правительственными учреждениями на Западе. Например, недавние демонстрации перед немецким Бундестагом в Берлине в октябре 2016 г.²⁹ и штаб-квартирой ООН в Вене в феврале 2017 г.³⁰ прошли под знаменами этого движения.

Однако с 2005 г. ASMLA заявила о себе как о группировке, которая намерена заниматься террористической деятельностью на территории Хузестана, когда ее военное крыло «Бригады революционных мучеников Аль-Ахваза» (The Brigades of Revolutionary Martyrs of al-Ahwaz (BRMA) взяло на себя ответственность за взрывы 12.06.2005 г. накануне президентских выборов в ИРИ.³¹ В 24.01.2006 г. было совершено еще два теракта в г. Ахваз, целью были выбраны отделение Saman Bank и здание Управления по охране окружающей среды.³² 16.05.2015 г. ASMLA взяла на себя ответственность за нападение на правительственный офис Ирана в Сузангерде. Как полагают некоторые аналитики, члены ASMLA поддерживали контакты с вооруженными группировками антиасадовской оппозиции, особенно с сирийскими «Братьями-мусульманами». Кроме того, суннитские отряды из арабов-ахвази входили в состав Сирийской свободной армии (Free Syria Army, FSA), в которой сформировали отдельное подразделение «Бригада Аль-Ахваза» (Al-Ahwaz Brigade).³³ В то же время некоторые боевые подразделения ASMLA использовали название некоторых группировок, входивших в состав FSA, чтобы идентифицировать себя во время терактов в Хузестане.³⁴ 17.06.2016 г. «Катаиб аль-Фарук» («Бригады аль-Фарук») взяли на себя ответственность за взрывы нефтепроводов в шахрестане Хефтгель

(араб.название Джохар ас-Сабаа).³⁵ Ранее, 11.06.2016 г. суннитская группировка «Сукур аль-Ахваз» («Соколы аль-Ахваза») устроила взрыв на нефтехимическом комбинате «Бу Али Сина» (The Bou-Ali-Sina Petrochemical Complex) в г. Бендер-Махшер.³⁶ Группа призвала продолжить сопротивление «оккупации арабских земель» и Ирану, который «пересек красную линию» в своей репрессивной политике против арабского меньшинства, и все эти теракты являются новой тактикой, направленной на разрушение иранской экономики.³⁷ Связь «Сукур аль-Ахваз» с ASMLA пока точно не установлена, однако полагают, что это одни и те же группировки, выступающие под разными названиями.³⁸

2017 г. также начался с террористических атак на объекты нефтегазовой инфраструктуры в Хузестане. 3 января 2017 г. произошел взрыв нефтепроводов в г. Омидийе, второй взрыв произошел около г. Дейлем. Ответственность взяло на себя боевое крыло ASMLA «Бригады мучеников аль-Насера Мохиуддина» (The Brigades of the Martyrs al-Nasser Mohiuddin). В заявлении говорится, что взрывы произошли в ответ на публикацию Министерством нефти ИРИ списка из 29 международных компаний, которые планируют участвовать в нефтегазовых проектах (среди них Shell, ENI, Total, «Газпром», «Лукойл», Schlumberger, CNPC, Sinopec International, Mitsubishi Corporation, Petroleum Exploration, Petronas, Posco Daewoo и др.). Кроме того, особо было подчеркнуто, что 2017 г. будет «очень отличаться от предыдущих лет», так как движение «подготовило подробные и четкие планы проведения ряда важных операций против иранского вражеского государства», которые являются «частью общей стратегии нанесения целевых ударов по экономически значимым объектам, включая объекты нефтегазовой отрасли».³⁹ Затем 10.01.2017 г. «Бригады мучеников аль-Насера Мохиуддина» заявили о своей причастности к обстрелу военной базы КСИР в г. Агаджари.⁴⁰

Иран осознает в полной мере, что рост сепаратистских настроений в Хузестане, а также целенаправленные действия по дальнейшей эскалации в этом направлении не только наносят серьезный ущерб нефтегазовой отрасли ИРИ, но и являются угрозой территориальной целостности страны. Например, в марте 2015 г. генерал-майор Яхья Сафави, бывший командующий КСИР, ныне военный советник верховного лидера ИРИ аятоллы А.Хаменеи, выступая на конференции по безопасности в Хузестане, заявил, что «политизация вопроса этнической

принадлежности – один из серьезных вызовов, с которыми сталкивается провинция в настоящее время». По его словам, антиправительственные группировки имеют поддержку со стороны иностранных спецслужб.⁴¹ Аналогичное мнение неоднократно высказывал и министр безопасности ИРИ Махмуд Алави, утверждая, что сепаратистские «неперсидские» движения финансируются и поддерживаются спецслужбами США, Великобритании и Израиля под руководством спецслужб КСА. Согласно его заявлению, в августе 2016 г., спецслужбы КСА создали 12 террористических групп, по 10 человек в каждой, с вознаграждением 500 тыс. долл. за каждую удачно проведенную операцию.⁴² Тем не менее отмечается, что проблема терроризма в Хузестане – это не только результат подрывной деятельности иностранных спецслужб, но и реакция арабского населения на политику его маргинализации со стороны властей.

В Тегеране понимают, что проблему не удастся решить только репрессивными и полицейскими мерами, поэтому, вероятно, разрабатываются и другие контрмеры. Арабские СМИ и аналитические сайты, со ссылкой на информацию оппозиционных группировок Аль-Ахваза, сообщали, что в Иране разработан так называемый «Комплексный план по обеспечению безопасности в провинции Хузестан». Данный проект получил одобрение на заседании Совета национальной безопасности под председательством министра внутренних дел 27.04.2014 г. и уже вступил в силу, срок исполнения – 3–5 лет с момента утверждения.

Для реализации этого проекта предполагается создать особую структуру – «Стратегический совет Хузестана» под председательством вице-президента ИРИ, с участием министра внутренних дел (зампредседателя), а также руководителей других силовых ведомств (Министерство разведки и национальной безопасности, КСИР и др.). Сам секретный документ якобы получен из-за «утечки» информации в МВД, однако гарантировать его достоверность не представляется возможным. Если судить по информации арабских сайтов, это детально разработанный план по противодействию арабскому сепаратизму в Хузестане. Прежде всего предполагается проведение ряда мер по усилению шиитского фактора, в форме иранского варианта – «вилаят-е факих», противодействие распространению суннизма как «салафитской и ваххабитской пропаганды», усиление идеологической борьбы, включая привлечение спе-

циалистов в области истории, политологии, а также использование для этой цели всех медиаресурсов. Другим средством для стабилизации ситуации в Хузестане также может стать усиление репрессивного аппарата, включая повышение роли спецслужб, разведки, КСИР и «Басидж», развертывание их дополнительных подразделений в поселениях с преобладающим арабским населением, подавление политических движений, демонстраций и акций протестов. Кроме того, предлагается ускорить процесс по изменению демографической ситуации путем переселения в Хузестан персов и стимулирования отрицательной эмиграции арабов в другие провинции Ирана для их более успешной ассимиляции. Тем не менее в проекте признается наличие серьезных социально-экономических проблем среди арабского населения (низкий уровень жизни, бедность, наркомания, высокий процент безработицы). Все это создает взрывоопасную ситуацию, которая угрожает стабильности ИРИ, что используется активно в антииранской пропаганде, особенно в СМИ арабских стран, прежде всего Саудовской Аравии.⁴³ Напомним, что волнения 2005 г. в Хузестане («Кровавая пятница») были спровоцированы публикацией «секретного документа» в социальных сетях за подписью руководителя администрации президента ИРИ Мухаммеда Абтахи по изменению демографической и социальной структуры Хузестана.⁴⁴

Несомненно, Тегеран прав, когда заявляет, что ситуация в Хузестане вызывает пристальное внимание со стороны геополитических противников ИРИ, которые прилагают все усилия, чтобы использовать «арабский фактор» для дестабилизации внутренней обстановки в стране. Это прежде всего относится к некоторым странам ССАГПЗ, где «проблема Аль-Ахваза» стала актуализироваться видимым образом. Например, 30.12.2015 г. группа бахрейнских парламентариев (Мухаммед аль-Амади, Абдель Хамид Наджар, Абдалла бин Хувейль, Ахмед Катара, Джамаль Бу Хасан) подписала петицию с призывом к арабским странам признать «государство Аль-Ахваз» как часть «арабского мира» (аль-ватан аль-араби)», а также поддержать право «народа Аль-Ахваза» на самоопределение и оказать действенную поддержку в борьбе за независимость. Эта инициатива встретила поддержку 40 депутатов в парламенте Бахрейна.⁴⁵ Не стоит удивляться, что вопрос о «независимости Аль-Ахваза» был инициирован именно в бахрейнском парламенте. Следует учитывать, что эта

страна с марта 2011 г., после ввода саудовских войск на ее территорию, находится в политической зависимости от КСА. Кроме того, в Эр-Рияде именно Бахрейн рассматривается в качестве одного из главных форпостов в противостоянии с Ираном. Иранцы расценили это как «атаку Саудовской Аравии и Бахрейна» с целью повлиять на ситуацию в Хузестане и поддержать группы, «причастные к террористической деятельности на территории Ирана». ⁴⁶ По мнению Тегерана, поддержка со стороны крайне правых парламентариев (Исламское общество Аль-Минбар, Al-Menbar Islamic Society) «террористической этнической группы» – одна из антииранских мер Бахрейна, который пытается возложить вину на ИРИ за шиитские волнения с 2011 г. ⁴⁷

Что касается арабских сепаратистских группировок, то они расценили такой демарш бахрейнских депутатов как важный момент в их борьбе за независимый Аль-Ахваз. «Народ Аль-Ахваза рассматривает эту инициативу в качестве важного исторического поворотного момента в его справедливой борьбе, чтобы добиться своих узурпированных прав» – заявил глава ASMLA Х.Джабер, отметив, что эта инициатива «подтолкнет» парламенты других арабских стран предпринять серьезные действия и поставит вопрос о независимости Аль-Ахваза в центр арабского и международного внимания. ⁴⁸ Но Бахрейн, несмотря на угрозы ИРИ, как оказалось, намерен и впредь продолжать разработку «проблемы Аль-Ахваза», когда 15.03.2017 г. в Манаме состоялась конференция «Механизмы признания государства Аль-Ахваз». Конференция была проведена в ответ на вышеупомянутую инициативу группы бахрейнских парламентариев. «Ахвазская сторона» была представлена на этой конференции двумя членами исполнительного комитета ASMLA Саидом Хумейданом и Насером аль-Каби, которые выразили надежду, что парламенты других арабских стран последуют примеру коллег из Бахрейна. ⁴⁹ Среди выступавших были и другие депутаты (Исса Турки, Мухаммед аль-Марафи), которые пообещали и впредь оказывать поддержку на региональном и международном уровнях, особенно через арабские международные организации – ССАГПЗ и ЛАГ.

Другой страной ССАГПЗ, которая проявляет особую заинтересованность к «проблеме Аль-Ахваза», является Кувейт. В данном случае сказываются давние исторические связи между этими двумя территориями, особенно между домами

Аль Сабах и Аль-Кааби. Кроме того, именно в Кувейте, наряду с Ираком, обосновались члены свергнутой в 1925 г. шахом Резой Пехлеви династии Аль-Кааби, а также другие политические эмигранты из Хузестана. Например, нынешний прямой наследник этой династии шейх Али Джабер аль-Хазаль имеет кувейтское гражданство. Не случайно, что в Эль-Кувейте состоялась 5 мая 2016 г. конференция «Арабский Аль-Ахваз в арабском Кувейте», посвященная «91-й годовщине оккупации Аль-Ахваза Ираном». На конференции присутствовали около 300 человек, среди которых были представители различных оппозиционных групп и движений Аль-Ахваза, арабской прессы, политических кругов, правозащитных организаций и др. По словам заместителя лидера ASMLA Х. Асьюда, это мероприятие доказало, что «проблема Аль-Ахваза» не является больше внутренним делом Ирана, как бы он того ни хотел, но это прежде всего проблема арабов. На этой конференции также присутствовали послы некоторых арабских государств, аккредитованных в Кувейте, среди которых был и посол Саудовской Аравии Абдель Азиз аль-Фаиз.⁵⁰ Естественно, что Иран отреагировал резко на проведение подобного форума, расценив мероприятие как сходку «контрреволюционеров, связанных с иностранными государствами»⁵¹, и «наемников Саудовской Аравии», как явное нарушение норм и принципов международного права, а также как недружественную акцию Кувейта в отношении Ирана, несовместимую с принципами добрососедства.⁵² Напомним, что ранее, в марте 2016 г., депутат Маджлис аль-Умма (парламент Кувейта) Ахмед аль-Азами также призвал признать Аль-Ахваз независимым государством, поддержать его народ в его борьбе и даже открыть посольство «государства Аль-Ахваз» в Эль-Кувейте.⁵³

Однако особенно тема «оккупированного Аль-Ахваза» активно эксплуатируется в Саудовской Аравии. После вступления на трон короля Сальмана в 2015 г. и в связи с ростом политического влияния его сына Мухаммеда – наследного принца и министра обороны в саудовском политическом истеблишменте все отчетливее тон задают «ястребы», которые нацелены на продолжение конфронтации и противодействия «персидской экспансии» на всех направлениях. Тем не менее отметим, что саудовцы в этом не оригинальны, т.к. используют стратегию, аналогичную той, которую иранцы проводят в отношении шиитов Восточной провинции, начиная с Исламской революции 1979 г. Теперь, очевидно, в Эр-Рияде решили разыграть карту

с арабским сепаратизмом среди арабов-ахвази в Хузестане в качестве ответной меры. Если в предыдущие годы ставка делалась на поддержку суннитского меньшинства в Иране, то в настоящее время ставка делается и на арабский национализм (напомним, что большинство арабского населения в Хузестане – шииты-иснаашариты).⁵⁴

Некоторые аналитики полагают, что за всеми этими действиями стоит, возможно, широкомасштабный проект саудовских спецслужб, который ставит своей целью раскатать внутреннюю ситуацию в Иране за счет поощрения сепаратизма среди национальных меньшинств, в основном иранских арабов, вплоть до создания при благоприятных условиях буферных государств. «Пробный шар» был заброшен еще несколько лет назад, когда Джамиль ад-Дойаби (Jameel-Al-Doiabi), замредактора газеты «Аль-Хайят» задался вопросом в своей статье «Должны ли страны Залива помочь Аль-Ахвазу отделиться от Ирана, Аль-Ахваз – член ССАГПЗ?» от 19.06.2014 г.⁵⁵ Стоит особо сказать о публикации на сайте «Аль-Арабия» в марте 2015 г. статьи «Arab Ahwaz must be liberated from Iran», автором которой является Халаф Ахмад аль-Хабтур – миллиардер и бизнес-магнат из ОАЭ, председатель холдинга Al Habtoor Group.⁵⁶ Помимо жесткой критики иранского режима и международных организаций, которые закрывают глаза на проблему Аль-Ахваза, где численность арабского населения «в три раза больше, чем население в секторе Газа», он призывает арабские государства, особенно страны ССАГПЗ, более активно оказывать помощь арабам-ахвази в обретении независимости, даже в ущерб стратегическим и экономическим выгодам от связей с Ираном. Он предложил трехступенчатый план по реализации этих задач:

- 1) оказать прямую финансовую помощь для развития Аль-Ахваза при энергичной и решительной поддержке со стороны лидеров ССАГПЗ;

- 2) принять организациями ЛАГ и ССАГПЗ соответствующие документы, чтобы напомнить «забытую истину», что Аль-Ахваз – арабская территория, и повысить уровень информированности по этой проблеме на международном уровне;

- 3) передать дело в Совет Безопасности ООН для дальнейшего изучения с целью получения резолюции, которая бы признавала, что Аль-Ахваз является незаконно оккупированной территорией и имеет право на самоопределение, причем особо

подчеркивается, что страны ССАГПЗ должны приложить все свое влияние, чтобы проблема «оккупированного Аль-Ахваза» не была «положена под сукно», как это уже было прежде.⁵⁷

Поэтому не случайно, что «проблема Аль-Ахваза» стала освещаться регулярно в саудовских официозах («Эр-Рияд», «Аль-Хайят», «Оказ», «Аль-Ватан» и др.). В этом не отстают также и саудовские информационные каналы («Аль-Арабия», «Аль-Ихбария» и др.), которые осуществляют тщательный мониторинг всех антиправительственных демонстраций в самом Хузестане, а также мероприятий арабских сепаратистов за рубежом и т.д. Например, саудовский спутниковый канал «Аль-Ихбария» в марте 2016 г. демонстрировал документальный фильм «Аль-Ахваз Аль-Арабия ва Аль-Ихтиляль Аль-Фариси» (Арабский аль-Ахваз и персидская оккупация).⁵⁸ Главный акцент в информационной войне делается на критике политики репрессий, политической маргинализации арабского населения Хузестана, т.е. на том же самом, в чем обвиняют иранцы саудовцев в отношении шиитского населения Восточной провинции. Кроме того, публикуются интервью лидеров многих оппозиционных движений Хузестана (Аль-Ахваза), которые в последнее время стали активно посещать Эр-Рияд, как и некоторые другие столицы монархий Залива, с целью получения политической и финансовой помощи. Все это заставляет предположить, что саудовцы решили перевести поддержку арабского сепаратизма в Хузестане, особенно после разрыва дипломатических отношений в январе 2016 г., на новый уровень.

В интервью члена комитета по международным делам Шуры (Консультативного совета) Садака Фадила для газеты «Аль-Ватан» в феврале 2016 г. давалось понять, что в саудовских политических кругах разработана определенная программа действий в отношении Аль-Ахваза, чтобы противодействовать «экспансионизму Ирана», его вмешательству в Сирии и Йемене и т.д. По его словам, несмотря на то, что «королевство всегда придерживается политики отказа от вмешательства во внутренние дела любой страны», Иран зашел слишком далеко в своей враждебности и политике провокаций. Следовательно, это дает право Саудовской Аравии и остальным арабским странам предпринять аналогичные шаги и использовать все возможные способы, чтобы остановить эту агрессию, включая поддержку движения за независимость Аль-Ахваза.

Эта тема была продолжена серией публикаций в саудовской прессе. Например, в газете «Эр-Рияд» в статье «Проблема арабского народа Аль-Ахваза (ахвазцев)» от 13.01.2017 г. и 27.01.2017 г. Абдалла Ибрахим аль-Аскар отмечал, что «проблема Аль-Ахваза» для арабов аналогична проблеме Палестины, поэтому необходимо вести продуманную медийную войну, чтобы она присутствовала в сознании арабского гражданина: в образовании, СМИ, культуре и других сферах. Кроме того, он полагает, что необходимо уделять особое внимание этой проблеме на международных политических и дипломатических форумах. А также более активно освещать в СМИ всеми возможными способами все «зверства сефевидского режима» против арабского народа Аль-Ахваза.⁵⁹ «Саудовский след» заметен и в демонстрациях и акциях протеста, которые проходили в ряде стран Запада за 2016–2017 г. Особенно если посмотреть на лозунги, под которыми выходили демонстранты: «Все мы солдаты королевства», «Ахвазцы рука об руку с королевством», «Мы требуем ССАГПЗ и королевство признать Аль-Ахваз как оккупированное персами арабское государство», «Иран – террористическое государство» и т.д. Очевидно, что пока в КСА отдают приоритет движению ASMLA. Как уже говорилось, зам. главы движения Х. Асьюд регулярно появляется с комментариями на страницах саудовских газет, отмечая особую роль саудовских СМИ и телеканалов в освещении проблематики Аль-Ахваза и т.д.

Тем не менее в Эр-Рияде не сбрасывают со счетов и другие менее влиятельные сепаратистские партии и движения, которым также предоставляется слово на страницах саудовской прессы: Салах Али Абу Шариф аль-Ахвази (Народно-демократический фронт Аль-Ахваза)⁶⁰, Махмуд аль-Кааби, Фейсаль Абдель Карим ат-Тарифи (Арабский фронт освобождения Аль-Ахваза) и др.⁶¹ Вероятно, саудовцы ищут компромиссную фигуру, которая могла бы объединить все существующие разрозненные группировки в рамках одной структуры. С этой точки зрения особо примечательным стал визит в марте 2016 г. делегации, которую возглавлял шейх Али Джабер Абдель Хамид Шейх Хазаль – внук, последнего наследного принца Абдель Хамида, одного из сыновей эмира Мохаммеры (Арабистана) Хазалья аль-Кааби. О нем известно, что он гражданин Кувейта, 1964 г.р., и до недавнего времени занимал должность в Kuwait National Petroleum Company.⁶² В поездке его сопровождал глава

политбюро Демократической партии Ахваза (The Ahwazi Democratic Party, ADP – одна из «малых» оппозиционных группировок). Помимо Эр-Рияда делегация посетила ОАЭ, Кувейт, Иорданию и Египет.⁶³ В интервью для газеты «Эр-Рияд» от 15.03.2016 под названием «Мы объявим о создании независимого арабского государства Аль-Ахваз», он пояснил, что задача визита состоит в том, чтобы придать легитимность идее «независимости Аль-Ахваза» для передачи этого «досье» в ЛАГ, ССАГПЗ, и ОИК, а затем уже после поддержки представить весь пакет документов в международные организации. Кроме того, в ближайших планах – создание «правительства Аль-Ахваза» в изгнании со штаб-квартирой в одной из стран Запада, в котором будут представлены все партии и движения Аль-Ахваза, а также политики, писатели, интеллигенция и т.д.⁶⁴

Через несколько месяцев был создан так называемый «Исполнительный комитет по восстановлению легитимности арабского государства Аль-Ахваз» (The Executive Committee for restoration of the legitimacy of the Arab Ahwaz State, ECRLAAS), который возглавил Ареф аль-Кааби. Главным представительским лицом ECRLAAS стал шейх Али Джабер аль Хазаль. В интервью египетскому каналу «Masr Alarabia» на полях конференции, проводившейся ECRLAAS в Каире 14 января 2017 г., он заявил, что его структура имеет поддержку влиятельных лиц в Республиканской партии США, «которые пообещали свою помощь, чтобы «дело Аль-Ахваза» оказалось на столе президента Д.Трампа в течение недели».⁶⁵

Очевидно, эти усилия увенчались успехом, и ECRLAAS с помощью КСА все же удалось наладить контакты в Вашингтоне. Особенно в свете прошедшего визита Д. Трампа в Саудовскую Аравию и последующего интервью принца Мухаммеда бен Сальмана 01.05.2017 г. для MBC (The Middle East Broadcasting Center television), в котором он сказал, что «любая борьба за влияние между Эр-Риядом и Тегераном состоится» внутри Ирана, а не на территории Саудовской Аравии».⁶⁶ Причем А. аль-Кааби, комментируя это высказывание, выразил надежду, что в этом США солидарны с КСА, и добавил, что «мы будем частью конфликта с Ираном, который будет проходить на территории Аль-Ахваза».⁶⁷ Также имеются сообщения, что состоялась встреча между шейхом Али Джабером и советником президента США Томасом Эндрюсом в Вашингтоне. Возможно, государства Залива (особенно КСА), которым

больше импонирует монархическая форма правления (саудовские газеты публиковали старые фотографии, на которых эмир Хазаль аль-Кааби встречается с королем Абдель Азизом Аль Саудом), постараются объединить все существующие движения в рамках деятельности ECRLAAS и положить начало процессу легитимизации «арабского государства Аль-Ахваз» и возвращения прав законной династии Аль-Кааби, свергнутой иранцами. Однако, как это бывало ранее, личные амбиции в оппозиционном лагере могут взять верх над проектом создания единого «сепаратистского фронта Аль-Ахваза».

Таким образом, Саудовская Аравия и некоторые другие страны ССАГПЗ взяли курс на дальнейшую эскалацию опосредованной войны (proxy war) в отношении ИРИ, особенно учитывая наметившийся антииранский союз между КСА и США. Многие эксперты полагают, что эти тенденции будут нарастать, особенно после назначения в начале июня с.г. главой «иранского отдела» ЦРУ Майкла д'Андреа,⁶⁸ а также назначения принца Мухаммеда бен Сальмана наследным принцем Саудовской Аравии.⁶⁹ При этом особая роль отводится разжиганию сепаратизма среди национальных меньшинств, которые выбраны сыграть роль «пятой колонны». Для ИРИ это, несомненно, серьезный повод для принятия жестких мер противодействия всем этим планам, но также и повод пересмотреть свою внутреннюю политику в Хузестане. Однако КСА и ИРИ должны помнить, что создание очага нестабильности у соседа, продолжение дискриминационной политики в собственной стране в отношении таких групп населения лежат в основе большинства современных конфликтов на Ближнем Востоке и могут спровоцировать дальнейшую цепную реакцию, а также выйти из-под контроля организаторов, приведя к непредсказуемым последствиям. В этой связи стоит напомнить одну старую английскую поговорку: «Those who live in glass houses shouldn't throw stones.» (Не бросай камни в соседа, если живешь в стеклянном доме).⁷⁰

---

¹ Journal of Middle Eastern studies, Vol. 25, No. 3 (August , 1993), p. 541–543.

² <http://www.amnesty.org/en/library/asset/MDE13/005/2014/en/2e22fdc4-21bd-4f34-974d-9ecaba70a880/mde130052014en.pdf>

³ <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2017/04/21/>

⁴ <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-15109116>,

World health statistics 2013

http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/81965/1/9789241564588_eng.pdf

⁵ <http://www.middleeasteye.net/news/protests-irans-khuzestan-province-worries-political-establishment-1372971047>

⁶ <http://ncr-iran.org/en/news/society/22176-iran-mps-warns-khuzestan-electricity-water-and-communication-blackout-is-becoming-national-threat>

⁷ <http://www.middleeasteye.net/.../protests-irans-khuzestan-province-worries-political-establishment-1372971047>

⁸ <http://ncr-iran.org/en/news/society/22176-iran-mps-warns-khuzestan-electricity-water-and-communication-blackout-is-becoming-national-threat>

⁹ <http://www.presstv.ir/Detail/Fr/2017/02/20/511286/Iran-Leader-Khuzestan>

¹⁰ <https://financialtribune.com/articles/people-environment/63992/no-water-transfer-schemes-in-khuzestan>

¹¹ <http://www.ahwaznews.tv/2016/06/iran-ignores-ahwazi-anger-appoints.html>

¹² <http://english.alarabiya.net/en/features/2017/05/23/Iran-suppresses-protests-in-Ahvaz-against-fraud-in-municipal-elections.html>

¹³ <http://alkhaleejonline.net/articles/1495430640868083400>

¹⁴ <http://alwatannews.net/article/715936/>

¹⁵ <http://www.ahwaznews.tv/2013/06/election-report-vote-fraud-in-ahwaz.html>

¹⁶ <http://www.ahwazmonitor.info/new/ahwazis-protest-at-rigged-local-elections/attachment/protest-against-ahwaz-local-election-2017-iran-2/>

¹⁷ [http://www.hurriyetdailynews.com/football-riots-reflect-discontent-in-irans-predominantly-arab-](http://www.hurriyetdailynews.com/football-riots-reflect-discontent-in-irans-predominantly-arab-khuzestan.aspx?pageID=238&nID=80019&NewsCatID=364)

[khuzestan.aspx?pageID=238&nID=80019&NewsCatID=364](http://www.hurriyetdailynews.com/football-riots-reflect-discontent-in-irans-predominantly-arab-khuzestan.aspx?pageID=238&nID=80019&NewsCatID=364)

¹⁸ <http://www.ncr-iran.org/en/news/protests/18119-iran-funeral-for-street-vendor-turns-into-anti-regime-protest>

¹⁹ <http://www.alriyadh.com/1503508>

²⁰ http://www.alwatan.com.sa/Sports/News_Detail.aspx?ArticleID=263725&CategoryID=6

²¹ <http://almezmaah.com/2016/05/16/صورة-توم-قومات-ها-الأدوازي-ة-ال-قضية-16/05/2016>

²² <https://english.aawsat.com/adil-alsalmi/news-middle-east/liberation-of-ahwaz-movement-leader-the-deceive-strom-restored-faith-to-our-hearts>

²³ <http://ahwazona.net/new/s/253/>

²⁴ <http://islammemo.cc/akhbar/arab/2015/04/18/241413.html>

²⁵ http://ahwazna.net/index.php?page=com_gallery&album=17&lang=2

²⁶ http://ahwazna.net/en-513_Tunis_conference_shows_Arab_solidarity_with_Ahwaz_growing_steadily_.html

²⁷ <http://okaz.com.sa/article/1512702/>

²⁸ Щегловин Ю.Б. Саудовская Аравия и террористическая активность этнических арабов в иранской провинции Хузестан. М.: Институт Ближне-

- го Востока, 17.01.2017. См.: <https://www.intelligenceonline.com/government-intelligence/2017/01/11/ahwaz-riyadh-s-new-pressure-point,108196423-ART>
- ²⁹ <http://www.an7a.com/268237/>
- ³⁰ <http://www.elbalad.news/2630377>
- ³¹ Peter Chalk. Encyclopedia of Terrorism. Volume 2, Abs-Clio, 2013, p. 323.
- ³² http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4646864.stm
- ³³ <http://www.alahwaz.info/en/?p=4642>
- ³⁴ http://www.huffingtonpost.com/james-dorsey/soccer-riots-reflect-long_b_6917642.html
- ³⁵ <http://www.albawaba.com/news/ahwazi-arab-resistance-blow-iranian-pipeline-863908>
- ³⁶ <http://jcpa.org/article/ethnic-opposition-to-irans-regime-is-on-the-rise/>
- ³⁷ <http://arabi21.com/story/919480>
- ³⁸ <https://www.algemeiner.com/2016/07/27/mideast-analyst-iran-in-throes-of-domestic-battle-as-ethnic-groups-carry-out-attacks-against-regime-targets/>
- ³⁹ <http://english.aawsat.com/theaawsat/world-news/two-bombings-target-irans-second-major-oil-pipeline>
- ⁴⁰ http://ahwazna.net/en520_Ahwazna_Ahwazi_resistance_target_Revolutionary_Guards_regional_HQ_in_Ahwaz_many_.html
- ⁴¹ <http://www.alriyadh.com/1029236>
- ⁴² <https://www.almowaten.net/2016/08>
- ⁴³ http://ahwazna.net/ar-2175_
- ⁴⁴ http://www.economist.com/node/3924598?story_id=E1_PJNQVJR
- ⁴⁵ <https://english.aawsat.com/adil-alsalmi/news-middle-east/bahraini-parliament-seeks-recognition-of-ahwazs-occupation>
- ⁴⁶ <http://www.presstv.ir/Detail/2015/12/30/443820/Bahrain-Iran-secessionist-Ahwaz>
- ⁴⁷ <http://www.presstv.ir/Detail/2015/12/30/443820/Bahrain-Iran-secessionist-Ahwaz>
- ⁴⁸ <https://www.memri.org/reports/mps-gulf-countries-urge-recognition-ahwaz-province-iran-occupied-arab-country>
- ⁴⁹ <http://alwatannews.net/article/704588/>
- ⁵⁰ <http://www.alarabiya.net/ar/iran/2016/05/09/>
- ⁵¹ <https://www.middleeastmonitor.com/20161217-kuwait-summons-iran-ambassador-for-detaining-its-nationals/>
- ⁵² <http://www.presstv.ir/Detail/2016/05/09/464736/Iran-Kuwait-Foreign-Ministry-Saudi-Arabia-charge-daffaires/>
- ⁵³ <https://www.memri.org/reports/mps-gulf-countries-urge-recognition-ahwaz-province-iran-occupied-arab-country>

⁵⁴ William M. Habeeb. *The Middle East in Turmoil: Conflict, Revolution, and Change* (Hot Spot Histories), Greenwood, 2002, p. 47. См. также: Щегловин Ю.Б. Саудовская Аравия и террористическая активность этнических арабов в иранской провинции Хузестан. М.: Институт Ближнего Востока, 17.01.2017.

⁵⁵ <http://www.alhayat.com/Opinion/Jameel-Al-Doiabi/3021251>

⁵⁶ <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2015/03/29/Arab-Ahwaz-must-be-liberated-from-Iran.html>

⁵⁷ <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2015/03/29/Arab-Ahwaz-must-be-liberated-from-Iran.html>

⁵⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=p0ePkoqgWuc>

⁵⁹ <http://www.alriyadh.com/111891>, <http://www.alriyadh.com/224810>

⁶⁰ <http://www.alriyadh.com/1587609>

⁶¹ <http://www.alriyadh.com/1587609>

⁶² <http://q8-2009.blogspot.com/2014/11/2.html>

⁶³ <http://www.thesaudi.info/2016/03/19/>

⁶⁴ <http://www.alriyadh.com/1137547>

⁶⁵ <http://ahwazstat.org/ar/news/ي-ان-الأدواز-دولة-توريد-ت-خاص-ت-صريد-ح-ف-ي>

⁶⁶ <https://www.ft.com/content/190e854e-4b58-11e7-919a-1e14ce4af89b>

⁶⁷ <http://www.ahwazstat.org/ar/news/بد-ن-لدعوة-ت-سد-تجيب-الممد-تلة-الأدواز-دولة>

⁶⁸ https://www.nytimes.com/2017/06/02/world/middleeast/cia-iran-dark-prince-michael-dandrea.html?smprod=nytcore-ipad&smid=nytcore-ipad-share&_r=0

⁶⁹ <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/06/21/promotion-of-saudi-arabias-mohammed-bin-salman-dubbed-a-soft-coup-by-iranian-state-news/>

⁷⁰ Jennifer Speake. *Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press, 2015, p. 127.

**НОВЫЙ ОБЛИК ВС РФ С УЧЕТОМ ОПЕРАЦИИ
В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
ОЦЕНКИ КИТАЙСКИХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ**

Общая оценка

Известно, что руководство КНР не озвучивает публично свое отношение к операции ВС РФ в Сирийской Арабской Республике (САР). В то же время военные специалисты из Поднебесной в своих публикациях отмечают значительные результаты модернизации российской армии, называют ВС РФ единственной реальной силой, способной эффективно бороться с терроризмом практически в любой точке земного шара. Интерес китайских аналитиков к действиям российской армии в Сирии обусловлен следующими причинами:

– опасением террористических актов, которые могут провести члены «Исламского спорта Восточного Туркестана» (боевое крыло «Исламского движения Восточного Туркестана») на территории КНР;

– необходимостью получения информации о тактике борьбы с боевиками, процессе организации взаимодействия в межвидовых группировках войск, об эксплуатации вооружения и военной техники в реальных боевых условиях для последующего внесения корректив в наставления по боевой подготовке, проведению совместных операций и разработки ВВТ.

Представители НОАК полагают, что сирийская операция ВС РФ в определенной мере имеет целью продвижение разработок предприятий российского ОПК на рынке вооружения.

Китайские специалисты отмечают, что в целом управление действиями разнородных подразделений ВС РФ в САР было организовано благодаря сосредоточению к декабрю 2015 г. группировки из 12 космических аппаратов и развертыванию автоматической системы управления войсками «Андромеда-Д».

Как отмечают преподаватели Чунцинского и Сианьского институтов связи СВ НОАК, эффективное радиоэлектронное прикрытие российских объектов и части побережья Сирии обеспечивают системы «Красуха-2», «Красуха-4», при этом на случай активизации действий авиации западной коалиции, в том числе появления в регионе палубных самолетов РЭБ E/A-18G Growler ВМС США, российские военные могут доставить более мощные системы типа «Москва-1» или «Мурманск-БН»¹.

Преподаватели Сианьского и Нанкинских политических институтов НОАК положительно оценивают опыт «психологических операций» ВС РФ, которые ведут активную переговорную работу с местными жителями, достигают договоренностей о прекращении огня и даже соглашаются предоставить коридоры для выхода боевиков в определенные районы Сирии. Очевидно, что подобная работа требует большого количества специалистов со знанием арабского языка².

Оценка действий Сил специальных операций

Предмет скрупулезного изучения офицерами Управления военной подготовки Объединенного оперативного штаба НОАК при Центральном военном совете – фото и видеоматериалы о деятельности подразделений Сил специальных операций (ССО) ВС РФ в Сирии. Профессорско-преподавательский состав института физической культуры НОАК, в котором организована подготовка офицеров подразделений морской пехоты ВМС НОАК, отмечает высокий уровень готовности военнослужащих подразделений ССО, позволяющий группе численностью в 16 человек успешно противостоять атакам противника и наносить ему ощутимые потери за счет грамотного применения вооружения и учета местности. Китайские специалисты отмечают особое внимание российских военных вопросам маскировки.

Операторы ССО ВС РФ используют следующий тактический прием: применение беспилотных боевых машин типа «Платформа» для получения информации о противнике и передачи ее артиллеристским расчетам. Активно в ходе операций применяются и беспилотные колесные платформы (восьмиколесные компактные вездеходы типа «Арго» – средство для перевозки боеприпасов)³.

Оценка действий ВМФ РФ

В части применения ВМФ РФ в сирийском конфликте китайские специалисты обратили внимание на следующие моменты.

Во-первых, с начала военной операции ведется постоянная модернизация 720-го пункта материально-технического обслуживания (ПМТО) ВМФ РФ в сирийском порту Тартус, который к настоящему моменту позволяет принимать корабли первого и второго ранга. Увеличена до 1700 человек численность военнослужащих ВМФ РФ, которые выполняют технические работы и, главное, обеспечивают безопасность базы от угроз с моря, суши и воздуха. Именно 720-й ПМТО обеспечивает прием тяжелой военной техники (основных боевых танков Т-90А, бронетранспортеров БТР-82А, боевых машин пехоты БМП-3, тяжелых огнеметных систем ТОС-1А, реактивных систем залпового огня БМ-30, орудий калибра 152-мм 2С19, бронемашин «Тигр», «Рысь», «Тайфун-К»).

Во-вторых, формирование благодаря большим десантным кораблям всех четырех флотов ВМФ РФ «восточного экспресса» – маршрута материально-технического снабжения ВС САР и российского контингента. Однако отсутствие достаточного количества вместительных транспортных судов в распоряжении ВМФ РФ сдерживает развитие операций по ликвидации террористов, поскольку с увеличением площади, подконтрольной законному сирийскому правительству, необходимо больше топлива и сменно-запасных частей. Необходимо максимальное снабжение подразделений ССО в Сирии, поскольку они зачастую действуют без поддержки сирийских военных.

В-третьих, экипажи надводных кораблей и ДЭПЛ ВМФ РФ освоили применение крылатых ракет морского базирования (КРМБ) типа «Калибр-НК», которые при дальности пуска 1500 км имеют коэффициент вероятного отклонения всего три метра, а, по мнению некоторых китайских специалистов, точность их попадания достигает одного метра – это беспрецедентный показатель для КР. Китайские военные обозреватели считают КР «Калибр», запущенные с фрегата «Адмирал Эссен» и ДЭПЛ «Краснодар» Черноморского флота по объектам террористов, самым современным образцом ракетного вооружения, который

по таким характеристикам, как надежность и точность, серьезно превосходит американский Tomahawk и французскую КР воздушного базирования (ВБ) Scalp-EG.

Регулярные и точные пуски КР «Калибр-НК» свидетельствуют о выработке специалистами ВМФ РФ новой тактики применения ракетного оружия. Большинство случаев применения «Калибров» зафиксировано на малых ракетных кораблях типа «Буян-М», которые представляют собой новое поколение «москитных сил» флота, способных наносить непредсказуемые удары как по кораблям, так и наземным объектам противника. Эта возможность обусловлена универсальным размером ракет и компоновкой корабельного стрельбового комплекса⁴.

В-четвертых, экипажи надводных кораблей первого ранга – крейсеров проекта 1164 «Атлант» – получают регулярную практику в ходе продолжительных боевых походов от мест постоянной дислокации к берегам Сирии. Важным компонентом морской операции стал поход корабельной группы авианесущего крейсера «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», в рамках которого экипаж единственного (но требующего серьезной модернизации крупнейшего боевого корабля российского флота) получил некоторый боевой опыт, а также были выявлены проблемы корабля (качество узлов и агрегатов).

Китайские военные специалисты отмечают необходимость для российской стороны решения следующих задач:

- модернизировать ПМТО Тартус с учетом перспектив постоянного базирования;
- принять на вооружение универсальные морские транспорты снабжения;
- дислоцировать на постоянной основе в Сирии усиленную корабельную поисково-ударную группу для сдерживания амбиций США и их союзников по региону.

Оценка действий ВКС РФ

Специалисты Командного института ВВС НОАК отмечают, что российские летчики подошли к военной операции в Сирии в хорошем психологическом настрое, пилоты и техники практически сразу продемонстрировали высокую выучку. Это особенно значимо с учетом того обстоятельства, что в 2008 г. во время операции по «принуждению Грузии к миру» ВВС РФ потеряли

от четырех до восьми штурмовиков Су-25 и бомбардировщик Ту-22М3.

За годы после грузинской операции Командование ВВС РФ провело реформу организационно-штатной структуры, благодаря активной позиции министра обороны С.К.Шойгу стали регулярно проводиться соревнования между экипажами боевой авиации «Авиадартс». Именно такие мероприятия, построенные по принципу спортивных состязаний, позволили подготовить личный состав подразделений ВКС РФ к сирийской кампании.

Как отмечают китайские военные обозреватели в публикациях специализированных китайских изданий «Мир Авиации», «Авиационное знание», «Наука и техника оборонно-промышленного комплекса», в рамках первого периода операции в Сирии (с 30 сентября 2015 г. по 15 марта 2016 г.) летчики сводной бригады ВКС РФ выполняли до 96 вылетов в сутки. За указанный период самолеты Су-24, Су-25, Су-34, Ту-22М3, Ту-95МС и Ту-160 в совокупности совершили около 9000 боевых вылетов⁵.

Точность авиационных ракетно-бомбовых ударов составила около 96%, что недостижимо, как показывает практика, для ВВС США. Именно высокая точность авиаударов ВКС РФ и их своевременность дали возможность подразделениям ССО выполнить задачи по ликвидации полевых командиров и блокированию попыток наступлений противника.

В то же время некоторые из российских самолетов типа Су-24 и Су-25 выполнили уже более 1000 вылетов, что свидетельствует о недостаточном количестве авиационной техники, а подобная интенсивность полетов определяет повышенное внимание технического состава к состоянию узлов и агрегатов самолетов, действующих в сложных климатических условиях. Конечно, износ авиационной техники потребует в ближайшее время замены устаревших машин на более современные истребители Су-30СМ, Су-35 и истребители-бомбардировщики Су-34⁶. Очевидным плюсом применения таких боевых машин является их оснащение самыми современными системами РЭБ, это должно обеспечить невозможность повторения ситуации, подобной уничтожению турецким самолетом российского бомбардировщика Су-24 в небе Сирии в ноябре 2015 г.

Стратегические бомбардировщики Ту-160 успешно выполнили пуски КРВБ по целям в Сирии. В этой связи преподаватели Авиационного университета НОАК отмечают сохранение летного и технического состава даже в условиях многолетнего отсутствия ста-

бильного финансирования, что позволило военно-политическому руководству России продемонстрировать реальные возможности неядерного вооружения в вооруженном конфликте⁷.

Не укрылось от внимания китайских наблюдателей и появление в Сирии таких самолетов, как Ту-214ОР, А-50 и Ту-22ПП, которые активно выполняли поставленные задачи, однако вследствие небольшого количества их присутствие в САР не оказывает серьезного влияния на обстановку в целом. Очевидно, что сирийские командировки этих самолетов и экипажей предназначены для проверки работы техники и доводки ее до необходимого уровня⁸.

По словам офицеров 7-го испытательного летного отряда ВВС НОАК, строевым китайским летчикам есть чему поучиться у пилотов российских Су-35 и Су-30 СМ. Российские военные летчики получили серьезный опыт и уже интуитивно понимают, в какой момент необходимо выполнять бомбометание, применять неуправляемые авиационные ракеты и свободнопадающие бомбы, выполнять боевой разворот и ставить инфракрасные помехи, а также как действовать при обнаружении беспилотного летательного аппарата НАТО, осуществляющего разведку. Сотрудники Цзялиньского института ВВС НОАК отмечают, что хотя отряды исламистов не обеспечены серьезными системами противовоздушной обороны, российские летчики сохраняют собранность, поскольку в воздушном пространстве Сирии регулярно присутствуют самолеты ВВС стран-членов НАТО, Израиля, при этом последние являются самыми опытными пилотами на Ближнем Востоке, и допускать потери среди личного состава по причине халатного отношения к противнику нельзя – слишком высоки репутационные риски⁹.

Как сообщают китайские источники, в программы подготовки в летных военных учебных заведениях РФ уже внесены корректировки с учетом опыта боевого применения авиации в Сирии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Безусловно, военная операция ВС РФ в Сирии требует значительных финансовых средств, но при этом российские военные получают бесценный боевой опыт, хотя и несут некоторые потери. Военнослужащие НОАК в настоящее время и в обозримом будущем лишены возможности участия в боевых действиях на территории иностранного государства, поскольку подобное прямо запрещено Конституцией КНР. Единственное исключение сделано для подразделений Народной вооруженной поли-

ции (НВП) КНР, для применения которой за рубежом принят специальный закон. Однако подразделения НВП в силу особенностей оснащения и вооружения могут выполнять только охранные функции или проводить отдельные антитеррористические операции.

¹ Эцзюнь цзайсуюй цэши гэлэй синьчжуанбэй (ВС РФ проверили много новой техники в сирийском конфликте) [Электронный ресурс]. Xinhua Net. URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2017-03/21/c_129514788.htm (дата обращения: 01.04.2017).

² Сюйлия: эцзюнь гайгэ чэнго шицзиньши (Сирия – это инструмент для огранки ВС РФ в рамках реформы) [Электронный ресурс]. Huanqiu Net. URL: <http://world.huanqiu.com/hot/2016-03/8751409.html> (дата обращения: 30.05.2017).

³ Элосы цзай сюйлия хэй дачжань цюаньцзю (РФ демонстрирует в Сирии свои военные возможности) [Электронный ресурс]. Chuansongmen. URL: <http://chuansong.me/n/1218234052254> (дата обращения: 28.05.2017).

⁴ Элосы цзай цзао даго лицзянь (Россия снова создает большой и острый меч) [Электронный ресурс]. China Net. URL: http://military.china.com.cn/2016-02/20/content_37832852.htm (дата обращения: 22.02.2016).

⁵ Эцзюнь цзай сюй шицжань бяосянь паньдянь (ВС РФ демонстрируют свои реальные возможности в Сирии) [Электронный ресурс]. Sina Corporation. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/china/2016-03-16/doc-ifyxqhmvc2516873.shtml> (дата обращения: 30.05.2017).

⁶ Эцзюнь бинци цзити лянсян (ВС РФ продемонстрировали возможности своего вооружения) [Электронный ресурс]. China Military Net. URL: http://www.81.cn/jmywyl/2017-02/03/content_7473259.htm (дата обращения: 30.05.2017).

⁷ Эцзюньцзи цзаньсюйлия дуйкан бэйюэ (Российские военные летчики противостоят НАТО в Сирии) [Электронный ресурс]. Sina Corporation. URL: <http://mil.news.sina.com.cn/jssd/2017-05-24/doc-ifyfkqwe0975713.shtml> (дата обращения: 24.05.2017).

⁸ Эцзюнь цзай сюй Шицзай чжэншу ши цзуйхао гуангао (ВС РФ в Сирии: реальная проверка вооружения – это лучшая реклама) [Электронный ресурс]. Military China. URL: <http://mil.eastday.com/a/170321002912144.html> (дата обращения: 22.05.2017.)

⁹ Дуцзя цземи сюйлия чжаньчжэн эцзюнь (Отдельные китайские специалисты раскрывают некоторые тайны российской операции в Сирии) [Электронный ресурс]. Sina Corporation. URL: http://k.sina.cn/article_5952916730_162d24cfa0190021yl.html?cre=aspect&mod=r&loc=2&r=9&doct=0&rfunc=0 (дата обращения: 05.06.2017).

ПЕРСПЕКТИВЫ «ТУРЕЦКОГО ПОТОКА»

«Турецкий поток» – проект экспортного газопровода из России в Турцию через Черное море и далее до границы Турции с сопредельными странами. Первая нитка газопровода будет предназначена для турецкого рынка, вторая – для газоснабжения стран Южной и Юго-Восточной Европы.

Между тем реализация европейской части газопровода находится под вопросом, поскольку четкая позиция Европейской комиссии по этому поводу до сих пор не озвучена.

«Нас не могут не беспокоить попытки ряда институтов Европейского союза торпедировать энергетические проекты в Европе с российским участием, речь в первую очередь идет о проекте “Северный поток – 2”. Неясности со стороны Еврокомиссии в отношении второй нитки газопровода “Турецкий поток”, которая будет ориентирована на потребителей Южной и Юго-Восточной Европы. Чтобы не повторялся печальный опыт “Южного потока”, мы ожидаем от Брюсселя железобетонных гарантий реализации этого проекта»¹, – заявил заместитель министра иностранных дел России А.Ю.Мешков.

Весной 2017 года Д.А.Медведев сообщил, что Москва обсуждает с Грецией и Болгарией, в какой из этих двух стран будет точка входа второй нитки газопровода «Турецкий поток» в европейскую газотранспортную систему. Он отметил, что не исключена возможность подключения к «Турецкому потоку» и других государств. «И сейчас мы в рамках переговоров, которые ведутся с рядом европейских стран, определяем, где лучше установить точку входа в Европу. Есть разные предложения. Переговоры ведутся с целым рядом европейских стран – это и Греция, и Болгария»², – подчеркнул Д.А.Медведев.

Греция весьма заинтересована в строительстве «Турецкого потока» по ряду причин. Во-первых, страна получит бесперебойные поставки «голубого топлива». Во-вторых, государство сможет неплохо заработать на транзите российского при-

родного газа через свою территорию. В-третьих, Греция станет газовым хабом (газораспределительным центром, торговой площадкой).

Между тем есть два камня преткновения, которые могут воспрепятствовать реализации «греческой мечты»: дефицит финансовых ресурсов для строительства комплексной газовой системы и узкий внутренний рынок газа.

По поводу переговоров России с Болгарией министр энергетики России А.В.Новак пояснил следующее: «Пока переговоры не формализованы, речь идет о маршруте со стороны Турции, не с морского участка Болгарии, а со стороны Турции»³.

Когда газ пойдет по первой нитке магистрали, Болгария лишится транзита российского топлива. «Газпром» прекратит поставки природного газа в Турцию по Трансбалканскому трубопроводу, который проходит через Украину, Молдавию, Румынию, Болгарию.

В ст. 11 подписанного осенью 2016 года межправительственного соглашения по проекту газопровода «Турецкий поток» закреплено: «Стороны исходят из того, что газ из Российской Федерации, который поставляется в Турецкую Республику на границе Турецкой Республики с Республикой Болгарией, с даты ввода в эксплуатацию морского участка 1 будет поставляться по морскому участку 1».

Согласно ст. 1 документа, «морской участок 1» – участок газопровода «Турецкий поток», создаваемый для осуществления поставок природного газа из России в Турцию и проходящий от побережья России через акваторию Черного моря до первого по ходу движения газа сварного шва после ограждения на выходе приемного терминала. Подробный анализ ключевых положений межправительственного соглашения приведен в *Приложении 1*.

Важно понимать: если в рамках реализации проекта «Турецкий поток» будет построена лишь одна нитка, имеющая относительно небольшую пропускную мощность, то это будет не так выгодно нашему государству, как строительство двух ниток. С помощью ввода в строй новой газотранспортной магистрали стране необходимо удовлетворить растущие потребности в энергоносителях турецкого рынка, а также добросовестно выполнить обязательства по бесперебойным долгосрочным поставкам сырья покупателям государств Европейского союза⁴.

По словам Д.А.Медведева, реализация планов «Газпрома» на территории Европейского союза зависит от государств Европы. «Прежде всего при принятии решений по вопросу по точке входа в Европу должны быть проанализированы экономические факторы, потому что газопровод, мы об этом неоднократно говорили, – это не политический проект, это сугубо экономический проект. А после этого уже, соответственно, будут подключаться и возможности других европейских стран. Мы никому не хотим навязываться. Мы исходим из того, что это интересный взаимовыгодный проект, и по нему должны быть приняты необходимые решения»⁵, – заявил российский политик.

«Газпром» и власти нашего государства неоднократно подчеркивали, что вторая нитка газопровода «Турецкий поток» появится только в случае заинтересованности со стороны Европейского союза.

7 мая 2017 года «Газпром» начал строительство морского участка газопровода «Турецкий поток» у российского побережья Черного моря. В апреле 2017 года «Газпром» опубликовал финансовую отчетность по Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО), в которой было отмечено, что укладкой труб для «Турецкого потока» займется подрядчик Allseas Group, выигравший международный тендер. Эта швейцарская компания специализируется на укладке подводных трубопроводов, монтаже и демонтаже морских платформ, подводном строительстве. Как ожидается, в 2017 году «Газпром» инвестирует в строительство «Турецкого потока» около 42 млрд рублей. Хронология реализации проекта приведена в *Приложении 2*.

Экспорт российского газа в Турцию в январе – апреле 2017 года увеличился на 26%. В материалах, подготовленных к визиту Д.А.Медведева для участия в саммите Организации черноморского экономического сотрудничества (Стамбул, 22 мая 2017 года), отмечено, что за указанный период объем поставок достиг 10,5 млрд куб. м.

В материалах также указано, что в будущем объем поставок российского «голубого топлива» турецким потребителям может вырасти почти до 40 млрд куб. м в год. Это станет возможным благодаря запуску газопровода «Турецкий поток».

В период с 1 января 2017 года по 15 мая 2017 года «Газпром» экспортировал в дальнее зарубежье (Европа+Турция)

73,6 млрд куб. м газа. Это на 14% превышает показатель первых 4,5 месяцев 2016 года. В абсолютных цифрах прирост объема экспорта составил 9,1 млрд куб. м.

Показатели экспорта в отдельные страны за отчетный период изменились неравномерно. Так, объем трубопроводных поставок газа в Австрию вырос в годовом соотношении на 78,4%, в Венгрию – на 44,1%. Среди лидеров по приросту поставок – Сербия (+37,7%), Турция (+24,8%), Дания (+20,3%), Германия (+16,5%).

Заместитель председателя правления «Газпрома» А.И.Медведев проинформировал, что в 2017 году ожидает увеличения экспорта газа в страны дальнего зарубежья по сравнению с 2016 годом. Таким образом, экспортные показатели первого квартала 2017 года в целом подтвердили оптимистичный прогноз топ-менеджера.

В 2016 году наше государство экспортировало в дальнее зарубежье 178,3 млрд куб. м газа, в том числе 24,76 млрд куб. м на турецкий рынок⁶.

Президент Сербии А.Вучич отметил необходимость увеличения поставок российского газа сербским клиентам до 4–5 млрд куб. м, в том числе по строящемуся газопроводу «Турецкий поток».

«И сегодня, выступая на форуме (“Один пояс – один путь”), Пекин, 14–15 мая 2017 года), я говорил о необходимости строительства газового интерконнектора с Болгарией, чтобы мы могли получать российский газ. Уверен, он из Турции одним рукавом пойдет к Болгарии. Если мы хотим быть промышленно развитой страной, мы должны увеличить наше годовое потребление с 2 млрд куб. м до 4–5 млрд куб. м в год. Столько газа у нас нет и откуда его взять? Уже пять лет меня убеждают, что есть где-то в другом месте, но нет его. Он есть в России, и дайте нам его через Турцию, Болгарию, любым другим путем, только дайте нам возможность не дожидаться 2019 года без газопровода и газовых соединений»⁷, – подчеркнул А.Вучич.

В середине января 2016 года Сербия и Болгария подписали меморандум о строительстве интерконнектора (соединительного газопровода между двумя государствами). Согласно плану, газотранспортную магистраль из Болгарии в Сербию протяженностью 105 км начнут строить в 2018 году, а в 2020 году труба должна быть запущена в эксплуатацию. Ранее

сообщалось, что мощность интерконнектора составит свыше 1,8 млрд куб. м газа в год, что сопоставимо с нынешним сербским годовым потреблением «голубого топлива».

«Турецкий поток» – конкурент проекта под названием «Южный газовый коридор», который уже строится и в котором активно задействован Азербайджан. Ввод в эксплуатацию российско-турецкой трубы понизит конкурентоспособность азербайджанского сырья на европейском рынке.

Европейский союз будет делать ставку на газотранспортные проекты, которые помогут потребителям частично заместить объемы российского «голубого топлива» азербайджанским сырьем. В перспективе ресурсной базой «Южного газового коридора» вполне могут стать иранские месторождения, что необходимо принимать во внимание нашему государству при двустороннем сотрудничестве с Исламской Республикой.

Проект «Южный газовый коридор» пришел на смену проекту Nabucco, который не был реализован и принес убытки его участникам. В рамках «Южного газового коридора» должны быть построены вышеупомянутые TANAP (Трансатоллийский трубопровод), TAP (Трансадриатический трубопровод); расширен существующий Южнокавказский трубопровод «Баку – Тбилиси – Эрзурум»; завершена вторая стадия разработки месторождения «Шах-Дениз» на шельфе Каспийского моря.

На начальном этапе проект «Южный газовый коридор» предусматривает транспортировку азербайджанского газа через Грузию и Турцию в Европу.

В начале 2017 года поступила информация, что Европейская комиссия выделит 14,018 млн евро для проекта строительства газопровода TAP, по которому «голубое топливо» будет транспортироваться из Азербайджана в Европу. Эти средства предполагается потратить на археологические исследования и охранные раскопки.

Европейский союз ранее одобрил предложение Европейской комиссии инвестировать 444 млн евро в приоритетные для европейцев проекты по развитию энергетической инфраструктуры. Газопровод TAP является одним из 18 проектов, выбранных для финансирования.

Президент Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) С.Чакрабартти сообщил, что банк собирается оказать финансовую поддержку проекту TAP, поскольку он представ-

ляет большой интерес для Европы и будет способствовать энергетической безопасности региона, который в настоящее время сильно зависит от поставок российских энергоносителей. Сообщалось, что ЕБРР ведет переговоры по выделению 500 млн евро в качестве прямого финансирования проекта и планирует привлечь еще столько же в рамках синдицированного кредита с коммерческими банками.

Предполагается, что газопровод ТАР соединится с газопроводом TANAP на турецко-греческой границе. Магистраль ТАР длиной около 871 км должна пройти через Грецию, Албанию, Адриатическое море, Италию.

Акционерами консорциума ТАР являются британская компания BP (20%), Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (20%), итальянская Snam (20%), бельгийская Fluxys (19%), испанская Enagas (16%), швейцарский энергетический холдинг Axpo (5%).

Американский президент Д.Трамп в своем письменном обращении к участникам ежегодной Международной выставки и конференции «Нефть и газ Каспия – 2017», которая прошла в Баку, заявил, что Соединенные Штаты поддерживают реализацию проекта «Южный газовый коридор».

В своем послании президент отметил, что ценит партнерство между Азербайджаном и США, а также роль Азербайджана в глобальной энергетической безопасности, включая развитие и экспорт энергоносителей из Каспийского региона. «Я ценю партнерство, которое США и Азербайджан построили в течение последней четверти века, и ожидаю его дальнейшего роста»⁸, – отмечено в обращении американского лидера, которое зачитал заместитель помощника по энергетической дипломатии госсекретаря США Р.Данниган.

Д.Трамп указал, что США по-прежнему приветствуют усилия Азербайджана и его международных партнеров по реализации «Южного газового коридора». «Я высоко ценю важную роль Азербайджана в глобальной энергетической безопасности, включая развитие и экспорт энергоносителей из Каспийского региона. США готовы работать с вами, в то время когда вы продолжаете проводить экономические и правительственные реформы»⁹, – сказано в послании американского президента.

По его словам, Соединенные Штаты надеются, что процветание и стабильность в Азербайджане будут расти, и

проект «Южный газовый коридор» важен для достижения этого.

Ранее посол США в Азербайджане Р.Секута сообщил, что Соединенные Штаты будут и дальше активно поддерживать проект «Южный газовый коридор», взаимодействуя с азербайджанской стороной в вопросах, связанных с его инвестированием.

Эксперт по международным отношениям американского Университета Маркетт П.Тейс выразил мнение, что «Турецкий поток» дополнит «Южный газовый коридор» и еще больше увеличит значимость Каспийского региона для Европы. По его словам, не стоит забывать о том, что «Южный газовый коридор» является самым большим континентальным энергетическим проектом, который поддерживается Европейским союзом. П.Тейс убежден, что «Южный газовый коридор» снизит зависимость европейского рынка от российского «голубого топлива»¹⁰.

Соединенные Штаты, которые активно поддерживают развитие «Южного газового коридора», параллельно вносят свою лепту в частичное понижение конкурентоспособности российских углеводородов на традиционном экспортном рынке.

По мнению аналитиков Оксфордского института энергетических исследований, «Турецкий поток» рискует остаться недозагруженным. «Из-за политики Турции по снижению удельного веса газа в энергобалансе страны мы ожидаем, что до 2025 года потребность государства не составит больше 56 млрд куб. м в год, что на 10 млрд куб. м превышает показатель 2016 года. Таким образом, часть мощностей одного из газопроводов (либо «Турецкого потока», либо TANAP) может остаться незадействованной», – отмечено в докладе зарубежных аналитиков.

Турция действительно пытается снизить удельный вес импортного «голубого топлива» в энергобалансе. В 2016 году впервые с 2009 года страна снизила газовое потребление с 49 млрд куб. м до 46 млрд куб. м сырья. В 2017 году оксфордские аналитики ожидают, что спрос сохранится на уровне 2016 года.

Независимый аналитик из Польши А.Щесняк отметил следующее: «Если Турция и дальше продолжит свою политику по снижению газовой генерации, единственным драйвером

роста останется частный сектор. Учитывая, что сейчас российский газ дешевле азербайджанского примерно на 10–15 долларов за 1 тыс. куб. м, вероятность того, что “Турецкий поток” останется недозагруженным, довольно низка»¹¹.

Перспективы российско-турецких газовых отношений во многом зависят от исхода разбирательств «Газпрома» с государственной компанией Botas и другими турецкими импортерами в Стокгольмском арбитраже. Иностранные предприятия через суд требуют снижения цен на импортируемый российский газ.

По мнению польского эксперта, если судебные разбирательства окончатся не в пользу турецких компаний, они могут обратиться к Азербайджану и тем самым оставить российскую трубу без «голубого топлива».

Аналитик турецкого Центра стратегических исследований Kafkassam Ч.Балчи уверен, что реализация проекта «Турецкий поток» укрепит российско-турецкие отношения, сблизит позиции обеих стран. По его словам, подобное сближение России и Турции станет своего рода «месседжем» для Европы. Эксперт также заявил, что проект укрепит позиции Анкары (сильная Турция всегда выгодна и Азербайджану) и снизит возможности Ирана в роли поставщика, создав конкуренцию на потребительском рынке.

По справедливому мнению Ч.Балчи, проекты «Турецкий поток» и «Южный газовый коридор» станут ключевыми для энергоснабжения Европы, которая нуждается в выгодных ценах на газ. Эту позицию разделяет украинский эксперт Д.Марунич, подчеркнувший, что оба газотранспортных проекта дополняют друг друга: «При ожидаемых объемах поставок по первой линии газопровода “Турецкий поток”, реализация проекта позитивно скажется на реализации “Южного газового коридора”»¹².

В рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ – 2017, Санкт-Петербург, 1–3 июня 2017 года) состоялась рабочая встреча председателя правления «Газпрома» А.Б.Миллера и генерального секретаря по международным делам и экономике Министерства иностранных дел Греции Г.Ципраса. Участники встречи рассмотрели вопросы поставок природного газа в Грецию.

Было отмечено, что в 2016 году «Газпром» экспортировал греческим потребителям 2,7 млрд куб. м сырья, что на 35%

больше, чем в 2015 году. В этом году продолжается положительная динамика, например, в мае 2017 года. Греция импортировала российского газа на 49% больше, чем в мае прошлого года. На встрече были рассмотрены вопросы развития сотрудничества в энергетической сфере, в том числе организация южного маршрута поставок российского газа в Европу по территории Греции с учетом начала строительства газопровода «Турецкий поток».

Также состоялась рабочая встреча А.Б.Миллера и главного исполнительного директора компании Edison, вице-президента группы EDF М.Бенайуна. Участники переговоров отметили прогресс, достигнутый в работе над созданием южного маршрута поставок российского газа в Европу и обсудили вопросы реализации соглашения о сотрудничестве, подписанного компаниями «Газпром», Edison (Италия) и DEPA (Греция).

Документ предусматривает совместную работу по организации южного маршрута поставок российского газа в Европу из России через Турцию в Грецию и далее в Италию. Компании будут координировать работу по реализации проекта «Турецкий поток» и проекта Poseidon от турецко-греческой границы до границы Италии в полном соответствии с применимой законодательной базой. Кроме того, документ фиксирует договоренности по развитию сотрудничества в области поставок российского газа.

Проект газопровода Poseidon был разработан и утвержден с целью соединения газотранспортных систем Греции и Италии. Планируется расширение газопровода для обеспечения прямых поставок сырья с турецко-греческой границы в Италию, что существенно упростит процесс достижения целей ЕС, касающихся надежности поставок энергоносителей.

В ходе переговоров А.Б.Миллера и М.Бенайуна речь шла о газопроводах «Турецкий поток» и Poseidon. Стороны подчеркнули важность реализации проекта Poseidon для своевременного создания соответствующей приемной инфраструктуры на территории Европы¹³.

Стоит особо отметить, что первоначально этот газопровод задумывался для транспортировки «голубого топлива» из Азербайджана по маршруту Турция – Греция – Италия, но позже «Газпром», Edison и DEPA подписали меморандум

о взаимопонимании по поставкам газа из России по дну Черного моря в Грецию, а оттуда в Италию.

Примечательно, что в 2012 году Европейская комиссия забраковала Poseidon, так как приоритетным был признан TAP.

А.В.Новак ранее заявил, что наше государство рассчитывает на обеспечение итальянской стороной активного продвижения реализации проектов по строительству всей газотранспортной инфраструктуры, необходимой для организации поставок газа от российского побережья Черного моря в Италию, как на уровне органов власти Европейского союза, так и в отношениях с третьими странами, чью территорию газопровод Poseidon может пересекать¹⁴.

В теории Poseidon может стать продолжением «Турецкого потока», но на практике...

Говоря о перспективах «Турецкого потока», следует напомнить, что он возник в декабре 2014 года, когда из-за неконструктивной позиции Европейского союза, надавившего на Болгарию, был сорван его предшественник под названием «Южный поток», который планировалось проложить по дну Черного моря из Анапского района в Варну, один из крупнейших болгарских портов.

Планируемая газовая магистраль из России в Турцию первоначально должна была состоять из четырех веток (как и «Южный поток») пропускной мощностью до 63 млрд куб. м газа в год. Четверть предназначалась Турции, оставшийся объем предполагалось доставлять на турецко-греческую границу, откуда его должны были забирать потребители из Южной Европы. По оценке «Газпрома», суммарные затраты на прокладку четырех веток должны были составить более 11 млрд евро. Однако проект был заморожен после размолвки между Москвой и Анкарой из-за сбитаго в ноябре 2015 года турецкими военно-воздушными силами российского бомбардировщика Су-24 в небе над Сирией.

В период напряженных политических отношений Анкара даже делала официальные заявления о том, что готова обойтись без российского «голубого топлива», хотя поставки «Газпрома» покрывают более половины потребностей турецкого рынка в природном газе.

Летом 2016 года президент Турции Р.Т.Эрдоган официально извинился за произошедший инцидент. После этого Анкара осторожно заговорила о возобновлении проекта. Приме-

чательно, что проект межправительственного соглашения российская сторона направила Анкаре еще до политического обострения.

Газотранспортный проект «Турецкий поток» весьма активно обсуждается представителями Украины, Белоруссии, Грузии.

Откровенно против строительства трубы выступает Украина, заявившая, что Россия хочет обойти Украину и создать газовый хаб на территории Турции, который не будет подпадать под европейские требования. Через украинскую территорию на турецкий рынок идут достаточно существенные объемы российского «голубого топлива» по Трансбалканскому газопроводу.

Примечательно, что Украина весьма активно выступает не только против «Турецкого потока», но и против газотранспортного проекта «Северный поток–2», по которому российский газ предполагается транспортировать в обход территории Украины по дну Балтийского моря сначала в Германию, а оттуда в другие страны Европы.

Украинская сторона даже подала иск в суд в связи с возможным началом строительства «Северного потока–2», заодно попросив Еврокомиссию начать расследование по поводу этого проекта. Украина настаивает, чтобы проект был отменен. Киев заявил, что Европа должна использовать уже имеющиеся газовые магистрали именно украинской газотранспортной системы (ГТС), которая якобы еще может долго проработать, обеспечивая прокачку российского «голубого топлива» европейским потребителям.

В вопросе транзита газа политика первостепенна по отношению к экономике. Стало уже привычным, что украинские политики не понимают реалии газового рынка. Например, автору запомнилось еще одно громкое заявление Киева, что Украина в одностороннем порядке поднимает ставку на транзит российского газа. Это недопустимо с точки зрения международного права, поскольку нарушает нормы, закрепленные в договоре.

Киев серьезно беспокоит, что в конце 2019 года истекает транзитный договор с Россией о поставках нашего газа в Европу через украинскую территорию. Между прочим, Украина имеет возможности ежегодно получать весьма солидные транзитные средства за прокачку российского сырья.

Если украинская сторона лишится денег за транзит, то ситуация в экономике страны может усугубиться. Кроме того, у Киева не будет средств гасить кредиты, взятые у западных финансовых структур.

Таким образом, если будет запущен «Турецкий поток», полностью загружен «Северный поток» и построен «Северный поток–2», то Украина окончательно лишится своего транзитного статуса, чего ей – особенно в сегодняшних условиях развала украинского хозяйства – очень бы не хотелось. Те объемы «голубого топлива», которые добываются внутри страны, крайне малы и не в состоянии обеспечить внутренние потребности украинского рынка.

Помимо этого, в случае нехватки нашего же газа, купленного у европейцев по реверсу, украинская сторона не сможет, как неоднократно было в прошлом, незаконно отбирать российское сырье из трубопроводной системы.

Нет ни малейшего сомнения, что провокационные заявления украинской стороны рассчитаны на Еврокомиссию, которая настроена против того, чтобы Россия укреплялась. Кстати, и проблемы европейских государств еврокомиссаров по большому счету не волнуют, несмотря на все красноречивые декларации. Европейская комиссия, несмотря на название, отстаивает интересы не Европы, а Вашингтона. Надавив в свое время на Болгарию, Еврокомиссия наглядно это продемонстрировала. Пойдя на поводу у Еврокомиссии, Болгария потеряла около 400 млн евро в год, которые могла бы получать за транзит российского сырья по «Южному потоку». Добровольно страна не стала бы лишать себя таких солидных доходов.

Украина пытается всеми силами не позволить нашему государству диверсифицировать источники поставки газа европейским клиентам, которые, кстати, весьма нуждаются в российском топливе. По прогнозам, к 2030 году потребность Европы в природном газе возрастет примерно на 150 млрд куб. м.

Как заявил председатель правления национальной акционерной компании «Нафтогаз Украины» А.В.Коболев, Европейский союз сможет заблокировать строительство магистрали «Турецкий поток», если на то будет его политическая воля. Обеспокоенность главы украинской газовой компании возможным возобновлением проекта строительства трансчерно-

морского газопровода вполне понятна. Как отметил А.В.Коболев, появление «Турецкого потока» несет для Украины риск сокращения транзита российского газа через ее территорию.

В Белоруссии, например, эксперты назвали отказ от «Южного потока» поражением России в Европе, а проект «Турецкий поток» – лишь инструментом для шантажа транзитных стран. По убеждению белорусских аналитиков, в условиях противостояния России с Западом посредническая роль Белоруссии будет востребована. Последняя станет центром принятия решений в Восточной Европе, значимость белорусского транзита возрастет и появляется надежда на строительство второй очереди газопровода «Ямал–Европа».

Президент Белоруссии А.Г.Лукашенко предлагал «Газпрому» увеличить объемы транзита сырья, уверяя, что его страна – «это не чужая вам территория». Он, конечно, заинтересован в том, чтобы перетянуть на себя объемы украинского транзита, если Москва вдруг откажется продлевать с Киевом транзитный договор, построив новые газотранспортные магистрали.

В 2013 году президент России В.В.Путин говорил о возможном строительстве газопровода «Ямал–Европа–2» через белорусскую территорию, но позже «Газпром» официально заявил, что не планирует строить вторую очередь магистрали «Ямал–Европа».

Новая газовая инфраструктура, построенная за счет российского финансирования, обеспечила бы Белоруссии не только дополнительные налоговые поступления в бюджет, но и инвестиции в экономику страны, а также возможность использовать газопровод как рычаг давления на наше государство (по примеру Украины). В этой связи российская сторона не горит желанием строить проект «Ямал–Европа–2» и отдавать Белоруссии украинские объемы транзита. Никто не может дать Москве гарантии, что если придать белорусскому транзиту такую важность, Белоруссия не станет пользоваться этим в своих целях, игнорируя интересы нашего государства.

Двусторонний газотранспортный проект России и Турции явно не в интересах Грузии, поскольку она остается в стороне от транзита «голубого топлива», а значит, и от солидных доходов, что важно в условиях ухудшающегося экономического и социального положения страны.

Так, экс-председатель грузинского парламента Н.Бурджанадзе давно предупреждала, что реализация этого проекта в случае подключения к нему Грузии на порядок увеличит стратегическое значение этой страны, в том числе для Европы. По ее словам, Турция, будучи членом НАТО и кандидатом в ЕС, продемонстрировала, что собственные государственные интересы для нее превыше интересов какой-либо организации или других государств. Н.Бурджанадзе заявила, что власти Грузии должны, не опасаясь критики извне, работать с Россией и Турцией по этому проекту.

С ней согласилась сопредседатель Института европейских ценностей Х.Лагазидзе, заявившая, что Грузия не должна оставаться в стороне от таких глобальных региональных проектов, как «Турецкий поток».

В свою очередь, профессор грузино-американского университета С.Цинцадзе подчеркнул следующее: «Если бы Грузия своевременно включилась в этот проект, это стало бы основой для строительства нормальных добрососедских отношений с Россией. Если бы у наших властей был бы внешнеполитический интеллект, это стало бы возможно». По его словам, если нынешние грузинские власти действительно решили улучшить отношения с Россией, то «Турецкий поток» с участием Грузии мог бы стать прорывом на этом направлении. «Не стоит думать, что мы с Россией сразу бы стали друзьями, но нормальными соседями – да», – отметил С.Цинцадзе.

Руководитель Центра глобальных исследований Н.Девдариани сообщила, что строительство газопровода через территорию Грузии обойдется намного дешевле, чем по дну Черного моря. Она убеждена, что с технической и технологической точки зрения строительство такого газопровода не является проблемой и оно абсолютно реально. «Какую выгоду может от этого получить Грузия? Во-первых, будут созданы новые рабочие места, и они не будут временными. Кроме того, транзит газа всегда означает, что определенное количество газа остается в стране, через которую проходит транзит. Это низкие тарифы из-за того, что транзит будет через нашу территорию. Плюс политическая составляющая вопроса, что очень важно, – это дополнительные гарантии безопасности. Самое главное – Грузия сможет вернуть себе геополитическую стратегическую функцию, если она будет участвовать

в таком серьезном энергетическом проекте», – подчеркнула Н.Девдариани.

Резюмируя мнения постсоветских политиков и экспертов, стоит заметить, что реакция руководства Украины на возобновление российско-турецких переговоров по проекту «Турецкий поток» оказалась ожидаемо нервной. Хотя Киев надеется, что Европейский союз не допустит потери Украиной статуса транзитного государства. Во-первых, Украина станет менее интересна и для Евросоюза, и для иностранных инвесторов. Во-вторых, в случае резкого сокращения или даже прекращения транзита газа через украинскую газотранспортную систему возникнут финансовые и технические проблемы для самой системы.

С помощью «Турецкого потока» Россия будет стараться обходить Украину, но компромисс с ней возможен, и украинская газотранспортная система все-таки будет использована в качестве аварийного запасного варианта транзита газа в Европу. Скорее всего, Украина сама будет настаивать на продлении транзитного контракта с «Газпромом», рассчитывая на платежи за транзит сырья.

Белоруссия вряд ли сможет убедить Россию, что необходимо расширение имеющихся на белорусской территории газотранспортных мощностей, и потому вряд ли получит возможность укрепить статус транзитного государства. Учитывая тот факт, что Белоруссия активно идет на сближение с Западом, в случае расширения экспортной инфраструктуры через ее территорию риски для «Газпрома» могут оказаться весьма существенными.

Грузия с момента первых новостей о возможном строительстве «Турецкого потока» осознавала политическую и экономическую целесообразность собственного участия в его реализации, совершенно справедливо заявив, что дешевле прокладывать трубу по суше, чем под водой. Однако вероятность того, что грузинская сторона окажется надежным партнером для России, невелика. Уровень взаимоотношений Москвы и Тбилиси не способствует тому, чтобы Грузия прикнула к магистральному проекту, потеснив Турцию.

«Турецкий поток» способен разбалансировать сложившуюся за последние 20 лет архитектуру газовых маршрутов через территорию Турции. С одной стороны, новая труба осложнит Ирану задачу выхода на европейский рынок газа.

С другой – может усилить заинтересованность западных государств в иранском сырье как альтернативе российскому топливу.

Власти Европейского союза начали еще с 2014 года высказывать заинтересованность в иранском газе как альтернативе российскому. За полгода до смены «Южного потока» на «Турецкий поток» Иран заявлял о готовности экспортировать газ в Европу по трубопроводу Nabucco.

Несмотря на огромные залежи «голубого топлива», Иран добывает и экспортирует его лишь в весьма небольших объемах. По прогнозу иранских властей, в обозримой перспективе появится возможность увеличить поставки на внешние рынки. Как ожидается, экспортный потенциал Ирана в будущем будет расти, так как в стране теряется около 200 млн куб. м газа в сутки. В ближайшие несколько лет будет реализован ряд проектов общей стоимостью 20 млрд долларов для повышения эффективности использования топлива и предотвращения его потерь.

Ранее действовавшие в отношении Исламской Республики западные санкции, которые отменили лишь в начале 2016 года, привели к тому, что большинство экспортных проектов было заморожено и развитие иранской газовой отрасли было ориентировано на внутренний рынок. На «голубое топливо» перевели большинство тепловых электростанций (ТЭС), осуществлена почти полностью газификация не только городского, но и сельского населения.

Иранский газ весьма конкурентоспособен, поскольку себестоимость его добычи невелика. Так как сжиженный природный газ Иран пока не производит, основной выход для наращивания добычи – экспортные поставки сырья через трубопроводную систему. Турецкое направление всегда рассматривалось в качестве одного из приоритетных и как рынок сбыта, и как возможность выхода на европейский рынок.

Ранее в Иране заявляли, что к 2021 году смогут сбывать 80 млрд куб. м газа, из которых 50 млрд куб. м пойдут в соседние страны и азиатский регион, а 30 млрд куб. м – в Европу. Однако соответствующая инфраструктура для реализации этих амбициозных планов пока отсутствует.

Несмотря на громкие заявления, в краткосрочной перспективе Иран не сможет предложить Турции серьезное увеличение поставок «голубого топлива», не говоря уже об экспорте газа европейцам. Почему?

Не стоит забывать, что большинство месторождений газа в Иране находится на юге страны и необходимо строительство дополнительной инфраструктуры. При этом существующая система газопроводов не всегда может обеспечить поставки даже контрактных объемов, что уже не раз случалось, когда в самой Исламской Республике росло потребление.

Кроме того, мощность магистрали Иран–Турция ограничена и составляет 14 млрд куб. м в год. На ее расширение необходимых денежных средств ни у Тегерана, ни у Анкары нет. К тому же весьма высоки логистические риски, поскольку труба пролегает через территорию, подконтрольную курдам, что не исключает теракты с их стороны. В этой связи предполагаемый маршрут «Турецкого потока» не будет пролегать через курдскую зону, что весьма выигрышно и для России, и для Турции.

В 2015 году Исламская Республика вновь выступила с проектом транспортировки азербайджанского и туркменского газа через иранскую территорию в Турцию и дальше в Европу, что могло бы повысить транзитный потенциал Ирана. Однако этот проект вряд ли поддержит Азербайджан из-за иранской позиции в отношении Армении.

Азербайджан в рамках освоения газового месторождения «Шах-Дениз–2» является одним из основных инвесторов и крупнейшим участником в строительстве транспортной инфраструктуры для экспорта сырья в страны Европейского союза. Руководство Азербайджана не рассматривает проект «Турецкий поток» в качестве существенной помехи на пути реализации своей газовой стратегии. Хотя появление на рынке Турции и стран Южной Европы дополнительных объемов российского топлива может снизить рентабельность азербайджанских проектов.

Как заявил директор по международным связям Иранской национальной газовой компании А.Рамезани, Исламская Республика могла бы использовать «Турецкий поток» для поставок газа в Европу, если этот маршрут в Тегеране сочтут наиболее подходящим.

Этот сценарий малореализуем, поскольку доставлять сырье в магистраль, пролегающую сначала по дну Черного моря, а затем по суше до границы Турции с Грецией, нецелесообразно с географической точки зрения и в силу логистических трудностей экономически нерентабельно.

Приложение 1

Анализ основных положений межправительственного соглашения по проекту «Турецкий поток»

20-страничный российско-турецкий документ включает 15 статей.

В ст. 1, посвященной используемым в тексте соглашения терминам, закреплено, что новая газопроводная система с максимальной технической проектной производительностью 31,5 млрд куб. м газа в год предусматривает прокладку двух ниток «Турецкого потока» мощностью 15,75 млрд куб. м газа в год каждая. Обе нитки вместе пройдут из России (от компрессорной станции «Русская» в Краснодарском крае) по дну Черного моря до побережья Турции, а затем разделятся. Одна будет снабжать природным газом турецкий рынок, а вторая протянется по суше до границы с Грецией.

Что касается владения трубопроводами, то в ст. 4 закреплено, что вся морская часть газопровода останется под российским контролем. Сухопутным участком «турецкой» нитки будет владеть местная компания, а «экспортная» часть – совместное предприятие.

А.В.Новак пояснил, что «Газпром» будет строить и владеть морским участком газопровода. Первой ниткой сухопутного участка для доставки газа в Турцию будут распоряжаться турецкие потребители. Для эксплуатации второй нитки, по которой будет осуществляться транзит газа в Европу, Россия и Турция создадут совместное предприятие.

В свою очередь, А.Б.Миллер пояснил, что «Газпром» полностью профинансирует строительство морской части газопровода «Турецкий поток». «Что касается строительства газотранспортной инфраструктуры для первой нитки, для поставки газа на турецкий рынок от приемного терминала до врезки в газотранспортную систему Турции мощности будут создаваться компанией Botas и будут ею на 100% финансироваться», – отметил он.

В ст. 8, ч. 8 документа указано, что «Газпром» или его аффилированная структура заключит с совместным предпри-

ятием долгосрочное соглашение на транспортировку газа с условием «транспортируй или плати».

После ввода первой нитки «Газпром» перенаправит в нее объемы газа, которые поставлялись транзитом через Украину по Трансбалканскому газопроводу, следует из ст. 11, ч. 1 документа.

Межправительственное соглашение в ст. 4, ч. 3 и 4 не исключает привлечения других партнеров в совместное предприятие и к строительству морской части проекта.

Итальянский концерн Eni, давний партнер «Газпрома», как оказалось, не заинтересован в строительстве газопровода «Турецкий поток». С того момента, как Eni собиралась вместе с «Газпромом» строить «Южный поток», прошло много времени, и стратегия итальянской компании изменилась. «Мы не компания по транспортировке, и мы больше не занимаемся перекачкой нефти и газа, которые нам не принадлежат. Тогда были другие времена, а теперь все изменилось, изменился рынок, изменились стратегические цели и условия контрактов на долгосрочную перспективу», – пояснил главный управляющий Eni К.Дескальци.

Однако «Турецкий поток» интересен французским компаниям. В ходе визита во Францию А.Б.Миллер встретился с генеральным директором французской компании EDF Ж-Б.Леви. Топ-менеджеры обсудили изменения в структуре газоснабжения Европы, которые произойдут после введения в строй магистрала «Турецкий поток».

Пожалуй, одна из самых заинтересованных в этом газопроводе стран – Греция. Афины уже начали осаждать Европейскую комиссию просьбами разрешить строительство Южно-Европейского газопровода, который станет продолжением «Турецкого потока». Причем, как заявил министр окружающей среды и энергетики Греции П.Скурлетис, этот вопрос интересует также Италию и Австрию.

Маршрут обоих газопроводов выглядит так. «Турецкий поток», начавшись от компрессорной станции «Русская» возле Анапы пройдет 660 км по дну Черного моря в коридоре, подготовленном еще для «Южного потока». Потом он повернет к берегам Турции и через 250 км выйдет на берег возле поселения Люлебургаз. Следующие 180 км сухопутного участка выведут газопровод к району Ипсала на границе Турции и Греции. Оттуда Южно-Европейский трубопровод, который

проляжет по территории континентальной Греции, принесет российский газ в страны Южной, Юго-Восточной и Центральной Европы.

Важно подчеркнуть, что для морского участка и второй (транзитной) сухопутной ветки газопровода «Турецкий поток» предусмотрены налоговые льготы. В частности, предполагается, что Москва и Анкара освободят от налогов работы компаний над строительством трансчерноморского участка газопровода. Льготный фискальный режим действует в пределах исключительных экономических зон и континентальных шельфов двух стран. Не подлежат налогообложению в Турции доходы «Газпрома» от эксплуатации морского участка.

Кроме того, согласно ст. 9 межправсоглашения, турецкая сторона освобождает от налога на добавленную стоимость (НДС) консультационные, юридические, бухгалтерские и другие сопутствующие услуги, оказываемые российской газовой компании при прокладке трубопровода по дну Черного моря. Ввоз и перемещение транспортных и технических средств, оборудования, комплектующих и прочих необходимых материалов освобождаются от уплаты таможенных сборов как в Турции, так и в России.

«Обложение налогом на добавленную стоимость при реализации услуг по транспортировке природного газа по морскому участку производится в России по ставке 0%. Турецкая сторона освобождает от налога на добавленную стоимость услуги по транспортировке газа», – сказано в распоряжении российского правительства и закреплено в ст. 9, п. «ж», «з» межправительственного соглашения.

В то же время для первого сухопутного участка трубопровода, по которому газ будет доставляться турецким потребителям, налоговых льгот не предусмотрено.

Ст. 10 и 12 документа подробно регламентируют процедуру разрешения любых споров, которые могут возникнуть между сторонами в процессе реализации проекта.

Наиболее любопытное и весьма важное положение содержится в ст. 11, части 3 и 4. Там разъясняется, что Россия вправе отказаться от строительства второй морской нитки «Турецкого потока». То есть той ветки, которая нужна для транспортировки газа через территорию Турции дальше в Южную Европу. Правда, об отказе от своих намерений

Москва должна уведомить турецкую сторону. «По решению российского участника компании по морскому участку, производительность морского участка может быть сокращена за счет отмены реализации морского участка 2, о чем российская сторона официально уведомит турецкую сторону. При этом российский участник компании по сухопутному участку 2 будет иметь право выйти из капитала компании по сухопутному участку 2», – прописано в вышеуказанных частях ст. 11.

Разумеется, если Россия отменит строительство второй морской нитки газопровода, турецкой стороне должны быть компенсированы все деньги, потраченные на этот отрезок магистрали.

Приложение 2

Хронология реализации проекта «Турецкий поток»

1 декабря 2014 года в ходе государственного визита В.В.Путина в Анкару «Газпром» и турецкая компания Botas подписали меморандум о взаимопонимании по строительству газопровода через Черное море в направлении Турции.

27 января 2015 года на встрече А.Б.Миллера и министра энергетики и природных ресурсов Турции Т.Йылдыза были рассмотрены предварительные результаты технико-экономического расчета по новому газопроводу и принято решение о его маршруте.

7 февраля 2015 года А.Б.Миллер и Т.Йылдыз определили ключевые, реперные точки маршрута и технические решения газопровода на территории Турции.

18 июня 2015 года А.В.Новак и П.Лафазанис, министр производственной реконструкции, охраны окружающей среды и энергетики Греции, подписали меморандум о сотрудничестве при строительстве и эксплуатации газопровода «Турецкий поток» на территории Греции.

22 июня 2015 года Турция выдала разрешение на инженерные изыскания по морскому участку «Турецкого потока». Документ предусматривает проведение исследований по первой нитке газопровода в исключительной экономической зоне, а также в территориальных водах Турции.

В сентябре 2016 года «Газпром» получил серию разрешений от турецких властей, в том числе на строительство морского участка газопровода и на проведение изыскательских работ по двум ниткам морского участка газопровода в территориальных водах Турции.

10 октября 2016 года в Стамбуле состоялось подписание Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики по проекту «Турецкий поток», которое предусматривает строительство двух ниток газопровода по дну Черного моря из России в Турцию, а также сухопутной транзитной нитки до границы Турции с сопредельными странами.

29 ноября 2016 года Комиссия по международным делам парламента Турции одобрила законопроект о ратификации межправительственного соглашения по проекту «Турецкий поток». 2 декабря межправительственное соглашение было ратифицировано в рамках пленарной сессии парламента Турции. 6 декабря Закон о ратификации межправительственного соглашения вступил в силу после подписания Р.Т.Эрдоганом и публикации в официальном издании «Ресми Газете».

8 декабря 2016 года был подписан контракт между South Stream Transport (100-процентное дочернее общество «Газпрома») и Allseas Group на строительство первой нитки морского участка газопровода «Турецкий поток» с опционом на укладку второй нитки.

20 января 2017 года межправительственное соглашение по проекту газопровода «Турецкий поток» было ратифицировано Государственной Думой России, а 1 февраля 2017 года – Советом Федерации России.

20 февраля 2017 года компания South Stream Transport заключила с компанией Allseas Group контракт на строительство второй нитки морского участка газопровода «Турецкий поток». Документ подписан в рамках реализации опциона, предусмотренного контрактом на укладку первой нитки газопровода, заключенным в 2016 году.

4 мая 2017 года А.Б.Миллер на встрече с В.В.Путиным сообщил, что «Газпром» готов начать укладку морского участка «Турецкого потока» в ближайшие несколько дней.

7 мая 2017 года в Черном море началось строительство газопровода «Турецкий поток».

---

¹ РИА Новости, 30.05.2017.

² РИА Новости, 22.05.2017.

³ ТАСС, 22.05.2017.

⁴ См. подробнее: *Касаев Э.О.* «Турецкий поток»: pro et contra // Стратегия России. 2016. № 9. С. 53–66.

⁵ РИА Новости, 22.05.2017.

⁶ Статистика поставок компании «Газпром экспорт».

⁷ РИА Новости, 15.05.2017.

⁸ Вестник Кавказа, 31.05.2017.

⁹ Там же.

¹⁰ Day.Az (со ссылкой на Trend), 15.05.2017.

¹¹ Лайф, 11.05.2017.

¹² Day.Az (со ссылкой на Trend), 10.05.2017.

¹³ Пресс-служба компании «Газпром», 03.06.2017.

¹⁴ Ansa, 15.04.2016.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ В ФОРМАТЕ ОПЕК+

Договоренности о снижении добычи сырья, достигнутые между участниками Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) и государствами, не входящими в картель, стали одним из самых значимых событий 2016 года. Впервые в истории в выработке единой позиции по добыче «черного золота» участвовали 13 членов ОПЕК и 11 сторонних государств, включая Россию.

Подписание соглашения в формате ОПЕК+ стало возможным только после того, как цены на нефть упали ниже 30 долларов за баррель (начало 2016 года), а инвестиции в нефтяную отрасль после двух лет кризиса сократились примерно на 500 млрд долларов. Тогда участникам рынка стало понятно, что государства ОПЕК не смогут сами решить эту проблему.

Тем не менее основным нефтепроизводителям не сразу удалось найти общий язык. «Переговоры далеко не всегда шли гладко. В апреле 2016 года из-за разногласий внутри ОПЕК достичь договоренностей о “заморозке” добычи не удалось. Для нас это стало своеобразным шоком, особенно после того, как была проведена огромная предварительная работа»¹, – подчеркнул министр энергетики России А.В.Новак.

Глобальный нефтяной рынок с замиранием сердца ожидал результатов встречи основных экспортеров «черного золота», которая прошла 17 апреля 2016 года в Дохе, столице Катара. Накануне встречи у многих представителей экспертного сообщества и нефтяных трейдеров были позитивные настроения. Первые ожидали подписания (пускай и без Ирана) соглашения о «заморозке» производства сырья на уровне января 2016 года, предложенной Дохой. Вторые надеялись на стремительный рост цены барреля после пафосного объявления участниками переговоров о достигнутом соглашении, способном стабилизировать обстановку на рынке.

Примечательно, что о «судьбоносной» роли встречи заговорили сразу после первых переговоров в Дохе, которые состоялись 16 февраля 2016 года. Тогда вопрос «заморозки» предварительно обсудили Саудовская Аравия, Катар, Венесуэла (все входят в ОПЕК) и Россия, договорившиеся о сохранении среднего объема добычи в 2016 году на уровне января для поддержки мировых цен на нефть. Правда, была одна важная оговорка: только если другие производители присоединятся к этой инициативе, которая первоначально была предложена Катаром.

После февральской встречи «квартет» нефтепроизводителей договорился повторно собраться в расширенном формате, с привлечением остальных участников ОПЕК и крупных поставщиков, не входящих в картель. Новую встречу наметили на 20 марта 2016 года в Москве, но в итоге ее перенесли на 17 апреля того же года в Доху.

В течение двух месяцев, с середины февраля по середину апреля 2016 года, в ожидании этой встречи цены поднялись почти на 15 долларов, примерно с 30 до 44 долларов за баррель. За несколько дней до встречи котировки достигли 44,6 долларов за баррель, чего не случалось с конца ноября 2015 года. На этом фоне А.В.Новак заявил, что ожидает встречи в Дохе с оптимизмом.

Более того, при позитивном исходе переговоров аналитики прогнозировали стремительный рост котировок до 50 долларов за баррель и выше. Столь оптимистичные прогнозы делались даже с учетом того, что Иран, который быстро наращивает производство сырья, тем самым еще больше увеличивая предложение, и без того превышающее спрос на глобальном рынке, задолго до апрельской встречи заявлял о неготовности «заморозить» добычу нефти.

Так, министр нефти Исламской Республики Б.Н.Зангане назвал «смешной» перспективу того, что государство согласится с «инициативой Дохи» и «заморозит» добычу на уровне, который в несколько раз ниже, чем у основных конкурентов – Саудовской Аравии и России. Иранский чиновник пояснил, что поскольку на встрече будет обсуждаться вопрос «заморозки» добычи нефти, которую его страна не поддерживает, то участие в ней «не является обязательным».

Тем не менее министр заявил, что Иран приветствует предложение о «заморозке» добычи нефти на уровне января

2016 года, но сохраняет намерение восстановить свою долю рынка после снятия санкций в начале этого года. «Впервые за много лет ОПЕК и производители, не входящие в организацию, собрались для того, чтобы серьезно и эффективно сотрудничать», – подчеркнул он.

Б.Н.Зангане добавил, что присоединиться к «заморозке» добычи сейчас для Ирана означало бы «самому наложить на себя санкции». При этом он сообщил, что Исламская Республика подписала контракт на поставку 700 тыс. баррелей нефти в сутки в Европу.

Напомним, что до введения западных санкций Иран поставлял европейцам около 500–600 тыс. баррелей нефти в сутки.

В итоге Иран решил не посылать своего представителя в Доху. «Наша позиция ясна: добыча в стране должна выйти на досанкционный уровень, прежде чем мы сможем присоединиться к таким договоренностям», – заявил накануне встречи заместитель министра нефти Ирана А.Х.Заманиния, при этом подтвердив, что страна не будет участвовать в переговорах в Катаре.

Эр-Рияд не остался в долгу, акцентировав внимание на том, что если все остальные государства – экспортеры нефти не согласятся сократить производство, у Саудовской Аравии будут развязаны руки. По словам наследника наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Сальмана (летом 2017 года он стал наследным принцем), королевство поддержит предварительные договоренности и ограничит добычу нефти примерно до 10,3–10,4 млн баррелей в сутки только в случае согласия всех участников картеля, включая Иран.

Если же консолидированного решения не будет (помимо «иранского фактора», способность нового ливийского правительства контролировать уровень нефтедобычи в стране также вызывает большие сомнения), то, по заявлению Мухаммеда бен Сальмана, Саудовская Аравия продолжит беспрепятственно производить и сбывать «черное золото» при любой возможности (читай: на всех возможных рынках и в любых объемах).

По оценкам наследника наследного принца, Саудовская Аравия, добыча нефти в которой составляет порядка 10 млн баррелей в сутки, при желании может оперативно увеличить этот показатель до 11,5 млн баррелей в сутки и до 12,5 млн баррелей в сутки в течение 6–9 месяцев. При условии увели-

чения инвестиции в нефтяную индустрию ежесуточное производство сырья в Саудовской Аравии может вообще достичь отметки в 20 млн баррелей.

Наследник наследного принца также отметил, что для успешного развития нефтяного сектора королевство не нуждается в высоких ценах на сырье. Он не стал отрицать, что рост цен до 60 или 70 долларов за баррель станет сильным толчком для развития отрасли, но это прежде всего касается тех игроков, кто страдает от низких цен на нефть. При этом Мухаммед бен Сальман подчеркнул, что у государства есть «свои программы, для которых высокая цена на нефть не нужна».

Глава управления Международного энергетического агентства по рынкам нефти Н.Аткинсон, выразив свое мнение о предстоящей 17 апреля 2016 года встрече в Катаре, отметил следующее: «Из всех стран, которые будут присутствовать на этой встрече, только Саудовская Аравия имеет возможность существенно увеличить свое производство. Поэтому без нее “заморозка” добычи, скорее всего, не возымеет большого значения. Это будет больше символический жест, призванный показать настрой на поддержание стабильности нефтяных цен».

После падения цен многие компании рекордно сократили инвестиции в добычу. «Есть риск того, что будут сокращены инвестиции в добычу ниже минимально необходимого уровня. И если в 2017–2018 годах инвестиционные программы нельзя будет возобновить, то может произойти резкий рост цен на нефть, поскольку предложение не будет успевать за спросом», – с таким прогнозом выступил представитель МЭА.

Накануне встречи в Дохе весьма оптимистично о будущем ценообразовании на глобальном рынке высказался и генеральный секретарь ОПЕК А.аль-Бадри. По его мнению, небольшое восстановление цен на нефть (достигнутое благодаря февральским договоренностям, позволяющим сдерживать рост производства) предполагает, что 20-месячный обвал на рынке «черного золота», вероятно, приближается ко дну на фоне общемировых усилий по сокращению перепроизводства нефти.

В числе позитивных признаков глава картеля назвал сокращение числа буровых установок в США и, соответственно, уменьшившиеся ожидания добычи нефти в этой стране.

Таким образом, на фоне позитивных для ОПЕК новостей, прозвучавших из уст представителя Саудовской Аравии и ге-

нерального секретаря организации, интерес к «расширенной» встрече основных нефтеэкспортеров был высоким.

За день до долгожданного мероприятия произошла утечка информации из уст министра энергетики Азербайджана Н.Алиева (летом 2017 года он скончался), сообщившего о планах участников переговоров в Катаре подписать соглашение о «заморозке» добычи на полугодовой период. «Черновик соглашения небольшой. Звучит он следующим образом: страны, собравшиеся в Дохе, пришли к заключению, что для приведения в порядок цен на нефть они согласились удерживать добычу до октября на уровне января 2016 года», – заявил министр.

Помимо этого, черновик соглашения содержал пункт о том, что нефтепроизводители, принимающие участие в переговорах в Дохе, планируют повторно встретиться в России в октябре 2016 года, чтобы изучить свои успехи в «постепенном восстановлении рынка нефти». В документе также указывалось, что производители планируют в дальнейшем развивать совместные консультации, чтобы поддержать рынок. Предположительно, к договоренностям, которые будут достигнуты в Дохе, смогут присоединиться и другие государства.

За день до встречи ведущие СМИ со ссылкой на доверительные источники подчеркивали, что окончательное соглашение о «заморозке» добычи нефти пока не достигнуто, но несколько высокопоставленных чиновников в профильных министерствах стран – участниц встречи настроены оптимистично.

В частности, исполняющий обязанности министра энергетики Кувейта А.Салех не скрывал уверенности в том, что на предстоящей встрече добывающих стран решение о «заморозке» производства будет принято. Ранее Кувейт заявлял, что намерен воспользоваться низкой себестоимостью добычи «черного золота» на своей территории и к началу 2017 года нарастить производство углеводородов до рекордных уровней.

Министр энергетики Эквадора К.Пареха сообщил, что участники встречи планируют создать специальный комитет, который будет следить за исполнением обязательств по «заморозке» добычи.

Министр нефти Омана (не входит в ОПЕК) М.Румхи заявил, что решение о «заморозке» добычи нефти поможет сбалансировать рынок до конца текущего года. Он подтвердил слова Н.Алиева о том, что проект соглашения, обсуждаемого

на встрече в Дохе, предполагает «заморозку» добычи производства до 1 октября 2016 года. Такой вариант соглашения, по словам М.Румхи, поддерживают Саудовская Аравия и Россия. Министр особо отметил, что проект этого документа не содержит каких-либо принудительных механизмов и обязательств поддержания добычи нефти на уровне января 2016 года, но, по его мнению, все участники встречи присоединятся к нему.

Между тем А.В.Новак, в отличие от коллег, был более осторожен в прогнозах. «Заранее ничего не могу сказать, давайте проведем встречу. Сейчас проект резолюции посмотрят все страны. Пока окончательных решений нет», – заявил он до начала переговоров.

Согласно предварительной программе встреча должна была начаться в 8:30 (время в Москве и Дохе совпадает) и продлиться около 2 часов. Затем у министров назначены краткий обед и протокольные мероприятия, а уже к середине дня некоторые участники встречи смогут покинуть Доху. Длительной дискуссии не было предусмотрено, что позволяло надеяться на то, что участники встречи не сомневаются в достижении договоренности.

«Однако рынок будет внимательно следить за формулировками итогового документа и прежде всего за последующими высказываниями участников. Эти высказывания могут нивелировать эффект договоренности (*значение которой и так вызывало у автора серьезные сомнения.* – Э.К.), либо увеличить его вес», – писали журналисты.

При этом динамика цен зависит от того, как рынок воспримет детали будущей договоренности, которые пока окончательно не согласованы.

Первоначально предполагалось, что страны согласятся не поднимать добычу выше уровня января (Россия тогда добывала около 10,9 млн баррелей в сутки). Это ограничило бы возможности Саудовской Аравии и Ирака, которые могут добывать больше, и не сказалось бы на российских интересах (январский уровень означает потолок годовой добычи 545 млн т при прогнозе не выше 540 млн т; в 2015 году в России добыто 534 млн т).

Однако, несмотря на предварительный анонс, встреча не началась вовремя. Переговоры сначала были перенесены на 12:00. После полудня министр энергетики Казахстана К.Бозумбаев сообщил, что было решено устроить перерыв

до 15.00. В итоге переговоры начались почти на 6,5 часов позже запланированного времени.

За круглым столом собрались представители 18 стран: государств – членов ОПЕК (кроме Ирана и Ливии, что накануне встречи прогнозировал автор), России, Казахстана, Азербайджана, Мексики, Колумбии, Омана, Бахрейна.

Примечательно, что причина столь длительной задержки сразу не была озвучена. Позднее стало известно, что главы делегаций Саудовской Аравии, России и Венесуэлы, покинув отель «Шератон» (место проведения встречи нефтеэкспортеров), встретились с эмиром Катара в его дворце. Ранее переговоры с главой государства планировались после основной встречи всех участников. В чем же причина столь оперативных и кардинальных изменений, не свойственных арабскому менталитету (*особенности которого автор имел возможность хорошо изучить за время дипломатической службы в Катаре*), произошедших в расписании мероприятия?

Встреча по «заморозке» добычи была сдвинута на более поздний срок из-за принципиальной позиции Саудовской Аравии, в последний момент решившей внести изменения в проект соглашения, который был уже подготовлен и согласован с ней (на экспертном уровне) и остальными участниками. По словам А.В. Новака, за день до встречи эксперты четырех стран подготовили соответствующий документ, он был согласован экспертами Саудовской Аравии, Катара, России, Венесуэлы и предусматривал «заморозку» добычи на уровне января 2016 года в период до октября 2016 года.

Накануне встречи автор предсказал, что Саудовская Аравия не намерена ограничивать рост добычи сырья, если остальные производители, в том числе Иран, не согласятся на «заморозку» производства.

Эр-Рияд вдруг решил внести пункт о том, что все члены ОПЕК (а не только присутствовавшие на мероприятии) должны принять участие в исполнении «инициативы Дохи». Это изменение в проекте документа о «заморозке» стало главным препятствием на пути к успешному исходу переговоров, учитывая, что Иран, по названным выше причинам, отказался посылать своего представителя в Доху.

В итоге соглашение, носящее декларативный (не императивный!) характер, все равно стало настоящим камнем преткновения для участников переговоров.

В первоначальном черновом варианте оно предполагало, что все участники ОПЕК, кроме Ирана и Ливии (которые не прибыли в Катар), а также не входящие в картель государства готовы «заморозить» добычу нефти на уровне января 2016 года в среднем по году, чтобы поддержать нефтяные котировки.

Именно такой вариант подготовили за день до встречи группы экспертов государств – инициаторов соглашения (России, Саудовской Аравии, Венесуэлы, Катара). По итогам переговоров теоретически допускалось внесение изменений в документ (присоединение Ирана не являлось условием заключения соглашения!).

Справедливости ради отметим, что А.В.Новак ранее заявил, что Ирану могут быть предоставлены «особые условия» в случае, если он пойдет на ограничение добычи. При этом российский министр подчеркнул, что «заморозка» имеет смысл и без участия Ирана, так как инициативу поддержали страны, обеспечивающие около 73% мировой добычи.

По информации доверительных источников, переговоры в Дохе проходили напряженно. В кулуарах участниками встречи высказывались мнения (впервые за два месяца!) о том, что соглашение вообще не будет достигнуто.

Переговоры, которые изначально предполагалось завершить не позднее 10:30–11:00, совершенно выбились из графика. Представители 18 государств несколько часов дискутировали после того, как Россия, Саудовская Аравия, Венесуэла и Катар пытались достичь соглашения во время визита во дворец эмира Тамима.

Как сообщали по горячим следам СМИ, «в условиях недостатка информации любой слух или полутон мгновенно превращается в очередную версию, поскольку большая часть делегаций знает немногим больше журналистов: основные переговоры идут между представителями четырех государств-инициаторов абсолютно закрыто».

Некоторые делегаты были уверены в том, что Эр-Рияд специально повышает ставки, чтобы добиться более выгодных условий соглашения. Такие условия могли бы, например, отменять действие документа, если бы Иран наращивал добычу быстрее безопасных для рынка темпов.

От полной уверенности в заключении соглашения, которая была у ряда участников накануне встречи, не осталось и следа. В процессе переговоров они убедились: итоговый документ

будет достаточно слабым и обремененным множеством оговорок, что вообще ставит под вопрос его подписание.

Тем не менее некоторые делегаты до последнего полагали, что участники встречи все же постараются избежать фиаско, при котором никакого документа вообще не будет подписано.

По словам посла Эквадора в Катаре К.А.Неме, вероятность заключения соглашения о «заморозке» уровня добычи высока, поскольку Саудовская Аравия попросила все страны – участницы картеля поддержать решение о «заморозке» уровня производства еще перед началом встречи в Дохе. Ожидания от встречи были не менее радужными. Так, эквадорский министр К.Парехо перед началом переговоров в Дохе заявил, что после достигнутой договоренности о «заморозке» добычи страны ОПЕК могут предпринять дополнительные меры на плановом заседании в июне 2016 года.

Он добавил, что текущие цены на нефть не позволяют окупать инвестиции даже странам с низкой себестоимостью добычи нефти. «До переговоров об этой встрече цены на нефть находились на уровне ниже 30 долларов за баррель. Нам (участникам встречи. – Э.К.) необходимо сегодня одобрить соглашение», – отметил министр.

Однако ожидания и оптимистичные прогнозы большого количества аналитиков не оправдались: после многочасовых напряженных переговоров Россия отказалась подписывать итоговый документ дохийской встречи, поскольку Саудовская Аравия настаивала на новых условиях соглашения, которые не отвечали российским интересам.

«Очень долго мы дискутировали, и это было связано с тем, что утром ряд стран перед самым началом встречи изменили свою позицию и фактически предложили, чтобы это соглашение выполнялось при участии всех членов ОПЕК и крупных экспортеров, не входящих в ОПЕК, которых сегодня не было на встрече», – прокомментировал А.В.Новак.

В СМИ оперативно появились справедливые сообщения о том, что «провал переговоров в Дохе важен не только своими последствиями в виде снижения цены на нефть, но и тем, что рынок утратит доверие к возможным согласованным действиям России и ОПЕК и уже не отреагирует ростом цены на словесные интервенции, как в первые месяцы текущего года».

Любопытны заявления участников мероприятия, сделанные по его итогам.

Например, по убеждению А.В.Новака, отсутствие соглашения о «заморозке» нефтедобычи не создаст проблем для России. Он подчеркнул, что с учетом позиций государств ОПЕК Москва будет не так оптимистично смотреть на возможность договориться по данному вопросу в будущем.

Министр также заявил, что Россия на встрече выступала за подписание соглашения о «заморозке» добычи нефти присутствовавшими странами, однако с пониманием относится к позиции участников, которые выдвинули дополнительные требования. При этом он сообщил, что общая идея «заморозки» была всеми одобрена.

В свою очередь, постоянный представитель России при международных организациях в Вене В.И.Воронков отметил, что переговоры в таком формате, возможно, могут продолжиться в будущем. Однако, по его словам, необходимо время для обсуждения позиций Саудовской Аравии и Ирана.

С российским дипломатом солидарен министр нефти Катара М.Сада, заявивший по итогам встречи, что странам-участницам нужно время для проведения дополнительных консультаций. «Встреча завершилась на том, что мы все нуждаемся в дополнительном времени для проведения дополнительных консультаций и обсуждений с сегодняшнего дня до июня 2016 года, когда пройдет заседание ОПЕК», – отметил чиновник. Он также добавил, что переговоры по вопросу «заморозки» добычи нефти будут продолжены, при этом подчеркнув, что включение всех членов картеля в переговорный процесс поможет прийти к соглашению.

Министр энергетики Нигерии Э.И.Качикву сообщил, что представители нефтедобывающих стран действительно обсуждают вопрос о «заморозке» добычи нефти на следующей встрече, которая пройдет в Вене летом 2016 года.

Все же самым оптимистичным даже после переговорного фиаско остался глава российской делегации. «В целом мы ожидали, что мы договоримся, и мне казалось, что те страны, которые приехали сюда, приехали договариваться, а не обсуждать необходимость участия в этом процессе игроков, которые сегодня не принимали участия. Тем не менее государства, не входящие в ОПЕК, в том числе Россия, готовы рассмотреть возможность участия в очередной встрече, если такие договоренности будут достигнуты», – сказал А.В.Новак.

2 июня 2016 года в Вене прошла 169-я конференция (министерская встреча) ОПЕК, по итогам которой участники не пришли к соглашению по изменению политики картеля в области нефтепроизводства и не смогли установить новую квоту на добычу «черного золота».

В лучшую сторону ситуация стала меняться после того, как министром энергетики, промышленности и минеральных ресурсов Саудовской Аравии был назначен Х.аль-Фалих (сменивший на этом посту А.аль-Наими). С новым главой ведомства А.В.Новаку сразу удалось наладить конструктивный диалог. В результате 5 сентября 2016 года «на полях» саммита «Группы двадцати» в китайском Ханчжоу Россия и Саудовская Аравия подписали заявление о совместных действиях, целью которого является поддержание стабильности на мировом рынке нефти и обеспечение устойчивого уровня капиталовложений в отрасль в долгосрочной перспективе.

После этого участники ОПЕК стали сговорчивее и 28 сентября 2016 года в ходе неформальных консультаций в рамках Международного энергетического форума в Алжире предварительно договорились снизить максимальный уровень добычи нефти с текущих 33,24 млн баррелей в сутки до 32,5–33 млн баррелей в сутки. Сообщалось, что окончательные письменные подтвержденные договоренности должны быть достигнуты на официальном заседании ОПЕК 30 ноября 2016 года в Вене. Там же должны быть распределены персональные добычные квоты внутри организации и определены сроки сокращения производства сырья.

В октябре 2016 года переговоры ОПЕК и России имели место в ходе работы Всемирного энергетического конгресса в Стамбуле. Однако ажиотаж вокруг этого мероприятия был вызван отнюдь не этим, а присутствием на конгрессе президента России В.В.Путина, который впервые после начала политико-экономического кризиса в отношениях с Турцией, начавшегося в ноябре 2015 года, прибыл в это государство.

Через непродолжительное время после посещения стамбульского мероприятия А.В.Новак прибыл с рабочим визитом в Саудовскую Аравию. «Я рад возможности посетить Саудовскую Аравию. Открытый диалог и взаимовыгодное сотрудничество между нашими странами в энергетическом секторе продолжают развиваться в конструктивном ключе и способствуют стабилизации рынка»², – подчеркнул он. В свою очередь Х.аль-

Фалих отметил: «Наша встреча – продолжение очень продуктивного диалога, который мы ведем последние несколько недель».

24 октября 2016 года под председательством А.В.Новака и генерального секретаря ОПЕК М.Баркиндо состоялось 5-е заседание Энергодialogа Россия – ОПЕК. Основной темой заседания стал анализ ситуации на нефтяном рынке, а также средне- и долгосрочные прогнозы ее развития. В ходе обсуждения участники отметили влияние, которое оказали на нефтяную промышленность наблюдавшиеся в последнее время волатильность цен на нефть и высокий уровень запасов.

«Самое сильное и продолжительное падение цен на рынке за последние 45 лет в условиях нехватки финансирования рискует обернуться дефицитом ресурсов, который приведет к непредсказуемым скачкам цен и в конечном счете сильно ударит по потребителям. В текущей ситуации “заморозка” или даже сокращение добычи на определенное время – правильное решение для мировой энергетики»³, – подчеркнул российский министр.

По его словам, Россия, являясь крупнейшим производителем нефти, рассматривает достижение договоренностей внутри ОПЕК как новую возможность для запуска широкомасштабных консультаций по вариантам устранения кризисных явлений на рынке с участием входящих в ОПЕК государств и независимых экспортеров.

18 ноября 2016 года А.В.Новак принял участие во встрече нефтедобывающих государств, входящих и не входящих в ОПЕК, которая прошла на полях 18-й министерской встречи Форума стран – экспортеров газа (ФСЭГ). Основной задачей переговоров стало определение позиций государств в преддверии предстоящего планового заседания картеля, на котором ожидалось принятие решения об ограничении добычи нефти.

«Стороны очень активно выступали, информировали друг друга о позициях, и, на мой взгляд, возможность достижения соглашений обретает реальный характер. Во всяком случае, сегодняшнее обсуждение добавило оптимизма. Надеемся, что к 30 ноября 2016 года экспертам удастся окончательно обсудить варианты соглашения. Важно, чтобы другие страны присоединились к этому соглашению»⁴, – прокомментировал итоги переговоров российский министр.

Накануне в интервью саудовскому телеканалу Al-Arabiya Х.аль-Фалих заявил, что рынок нефти был на пути к балансу и принятие решения ОПЕК о потолке ежедневной добычи в 32,5 млн баррелей в сутки ускорит процесс восстановления рынка, принесет пользу производителям и потребителям. Кроме того, саудовский министр особо подчеркнул, что надеется на присоединение к соглашению России.

Алжир также выступил за снижение суммарной добычи нефти картелем до 32,5 млн баррелей в сутки. Так, алжирский министр энергетики Н.Бутерфа допустил такое сокращение производства в рамках картеля: «Очень оптимистичен в отношении достижения соглашения ОПЕК в Вене о сокращении добычи на уровне 32,5 млн баррелей в сутки. И даже на уровне ниже этого». По окончании встречи представителей нефтедобывающих стран, входящих и не входящих в картель (которая прошла в Дохе), он подчеркнул, что участники переговоров подтвердили приверженность ранее достигнутым договоренностям в Алжире о сокращении добычи на вышеуказанном уровне.

Между тем в октябре 2016 года, по данным ОПЕК, государства картеля совокупно добывали в среднем 33,64 млн баррелей в сутки. При этом сторонние наблюдатели, отслеживающие показатели производства нефти, сообщили, что его уровень в странах организации на деле был еще выше – 34,02 млн баррелей в сутки.

28–29 октября 2016 года в Вене состоялось 1-е заседание специально созданного технического комитета ОПЕК по реализации алжирских договоренностей. Встреча экспертов членов ОПЕК прошла в первый день. Она продлилась более 11 (по некоторым данным, более 12) часов. Ее сценарий, кстати, сильно напомнил переговоры 18 нефтеэкспортирующих государств, состоявшиеся 17 апреля 2016 года в Дохе. Заседание в австрийской столице проходило в закрытом режиме.

По некоторым данным, переговоры затянулись из-за возражений представителей Ирана и Ирака, которые считают, что картель неверно оценивает объемы добычи этих стран⁵.

Во второй день к венским переговорам специального комитета ОПЕК присоединились эксперты шести стран, не входящих в картель. Азербайджан был представлен министром энергетики. Казахстан – заместителем министра энергетики. Россию, Оман, Мексику, Бразилию представляли главы соот-

ветствующих департаментов профильных министерств. На этот раз консультации продлились 7 часов с непродолжительными перерывами.

С российской стороны присутствовал директор департамента международного сотрудничества Министерства энергетики Р.А.Маршавин.

Как заявил генеральный секретарь ОПЕК, обсуждение ситуации на нефтяном рынке и возможностей реализации алжирских решений участников картеля с государствами, не входящими в организацию, могут иметь фундаментальные последствия для мирового рынка.

«Рынки все еще находятся под давлением избыточного предложения, вызванного избыточными запасами сырья. Процесс восстановления занял слишком много времени, и мы не можем рисковать дальше.

Алжирские договоренности создали общую платформу для эффективных действий, и они должны быть реализованы своевременно. Затяжка может привести к удлинению процесса балансировки рынка с дальнейшим ухудшением финансовых и инвестиционных условий.

Заседание специального комитета проходит в критический момент для мирового рынка нефти.

Надеюсь, деятельность комитета, который объединяет входящих и не входящих в ОПЕК участников, приведет к принятию скоординированных и своевременных мер в качестве ответа на вызовы для нефтяной отрасли»⁶, – подчеркнул М.Баркиндо.

Он особо отметил, что Россия играет активную роль в переговорном процессе с целью стабилизации ситуации на глобальном нефтяном рынке со стороны государств, не входящих в картель. Такое тесное взаимодействие является примером сотрудничества и совместных действий, которые ОПЕК хотела бы видеть среди независимых производителей. «Я бы хотел отметить ту ведущую роль, которую играют некоторые государства, которые не являются членами ОПЕК. Заявления лидеров таких стран, как Оман и Россия, например, продемонстрировали свою поддержку этим переговорам», – заявил М.Баркиндо.

Он также акцентировал внимание на выступлении В.В.Путина в Стамбуле, заявившего, что Россия готова присоединиться к совместным мерам по сокращению нефтедобычи и

приглашает других экспортеров сырья сделать это. Генеральный секретарь картеля подчеркнул, что такая поддержка с российской стороны очень важна в критические моменты и это служит примером готовности не входящих в ОПЕК производителей повышать эффективность процесса ребалансировки рынка.

Накануне заседания Н.Алиев заявил, что принятие дорожной карты по алжирским решениям по результатам экспертной встречи государств, входящих и не входящих в ОПЕК, будет зависеть от того, какую позицию займут Ирак и Иран, прежде возражавшие против снижения добычи. Глава ведомства справедливо подчеркнул, что если даже большинство членов картеля в какой-то степени подвержены тем настроениям, которые существуют, и тем надеждам, которые питают все производящие страны (речь идет о скорейшей стабилизации ситуации на рынке), то Иран и Ирак больше заинтересованы в увеличении добычи собственной нефти и выходе на те позиции, которые они всегда занимали в ОПЕК⁷.

По мнению М.Баркиндо, сам факт существования предварительной договоренности о снижении добычи уже привел к ряду положительных факторов на нефтяном рынке. «Это решение уже обратило рыночный тренд в положительную сторону и сократило относительную волатильность на рынке», – подчеркнул он.

В ходе двухдневных дискуссий участники переговоров обсудили не только текущее состояние нефтяного рынка, но и его перспективы в следующем году. Было отмечено, что, несмотря на сохраняющуюся неопределенность, мировую экономику ждут улучшения. В 2016 году имело место увеличение роста спроса на нефть как в государствах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), так и в других странах. При этом, по прогнозу участников переговоров, потенциал роста спроса сохранится и в 2017 году⁸.

30 ноября 2016 года в Вене прошла министерская встреча (конференция) ОПЕК, в которой приняли участие профильные министры государств-членов. Без преувеличения можно сказать, что этого мероприятия почти полгода с нетерпением ждали участники нефтяного рынка по двум причинам.

Во-первых, министры стран картеля планировали утвердить персональные добычные квоты для большей части государств-членов.

Во-вторых, ожидалось подписание соглашения, которое бы де-юре официально закрепило договоренности (о суммарном сокращении нефтепроизводства до 32,5–33 млн баррелей в сутки), ранее достигнутые на неформальных консультациях ОПЕК в Алжире.

Интерес к ноябрьскому заседанию особо подогрела 2-я техническая встреча экспертов картеля, состоявшаяся в австрийской столице накануне⁹. Любопытно, что по итогам длительных и напряженных переговоров представители картеля не дали никаких официальных комментариев, но и не рассказали об итогах этих консультаций. Правда, осведомленный источник из делегации ОАЭ отметил, что некие предложения одобрены, но какие именно, не уточнил.

Можно предположить, что либо предложения экспертов ОПЕК были слишком радикальными (как следствие, члены картеля хотели избежать бурной реакции рынка), либо в ходе технических консультаций ни о чем существенном договориться так и не удалось.

Кстати, аналогичного мнения накануне планового заседания министров ОПЕК придерживался Б.Н.Зангане. Он выразил опасения, что в случае, если участники министерской встречи слишком увлекутся решением политических проблем, то никакого соглашения о «заморозке» добычи подписано не будет¹⁰. Б.Н.Зангане был убежден, что необходим исключительно деловой подход к обсуждению чисто экономических вопросов и по итогам министерской встречи прежде всего следует формально закрепить договоренности, достигнутые в Алжире. Причем сокращать добычу нефти должны в большей степени те страны, которые в последние годы активно ее наращивали.

Тем временем президент Ирана Х.Роухани провел телефонный разговор с В.В.Путиным, в ходе которого лидеры государств обсудили ситуацию на рынке нефти и договорились о координации своих действий в этой сфере. Как сообщила пресс-служба Кремля, телефонный разговор состоялся по инициативе иранской стороны. Президенты договорились и далее координировать шаги на международных рынках, в том числе в рамках энергетического диалога России и ОПЕК. Участниками беседы была отмечена принципиальная важность предпринимаемых по линии ОПЕК мер по ограничению добычи сырья как ключевого фактора стабилизации глобального нефтяного рынка.

В то же время министр нефти и горнорудной промышленности Венесуэлы Э.Пино и Н.Бутерфа 29 ноября 2016 года в Москве провели переговоры с А.В.Новаком¹¹. Однако в российском ведомстве не прокомментировали итоги этой встречи.

В свою очередь, министр энергетики и минеральных ресурсов Индонезии И.Джонан заявил, что разногласия ОПЕК по вопросу «заморозки» объемов добычи нефти трудноразрешимы и он не думает, что они могут разрешиться относительно «малой кровью».

Накануне, до поздней ночи 29 ноября и утром 30 ноября 2016 года в рамках предварительного заседания, профильные министры государств, входящих в картель, долго друг с другом консультировались, пытаясь обогнуть острые углы перед началом официальной министерской встречи. В ходе прошедших аналогичных встреч ОПЕК основные разногласия были между Саудовской Аравией и Ираном, не желавшим «замораживать» или сокращать нефтедобычу.

Стоит отметить, что к началу официального совещания министров ОПЕК со своим отношением к сокращению добычи не определилась лишь Индонезия. Не определилась она и к его концу. В итоге государство решило приостановить свое членство в картеле.

В итоге соглашение ОПЕК о снижении уровня производства сырья начиная с января 2017 года было подписано. Однако, как ранее прогнозировал автор, Иран, Ливия, Нигерия не будут «замораживать» и тем более сокращать нефтедобычу, что оставляет большой вопрос в добросовестности других участников картеля.

Ливия остро нуждается в зарубежных инвестициях – необходимо порядка 100–120 млрд долларов, причем их большая часть должна пойти в нефтяной сектор. Участники картеля согласились не вводить для этого североафриканского государства квоты на добычу из-за внутренних конфликтов в стране, сочтя, что в сложившихся условиях она не в силах стремительно интенсифицировать производство сырья.

Однако National Oil Corporation смогла договориться с повстанцами, блокировавшими ключевые объекты нефтяной инфраструктуры, что позволило возобновить добычу на ряде крупных месторождений. Вооруженные группировки, контролирующие нефтепромыслы, начали заключать соглашения с государственной компанией Ливии.

Как следствие, в начале 2017 года добыча ливийской нефти достигла 708 тыс. баррелей в сутки. Для сравнения: в первой половине 2016 года объем нефтепроизводства в стране опускался ниже 200 тыс. баррелей в сутки. Рост добычи в государстве может стать помехой для существенного повышения нефтяных котировок, которого рассчитывают добиться нефтедобывающие страны, сокращая производство.

В ноябре 2016 года, когда государства ОПЕК заключили соглашение о сокращении производства, Ливия добывала порядка 575 тыс. баррелей в сутки. Как заявил глава ливийской National Oil Company М.Саналла, страна планирует в 2017 году увеличить нефтедобычу до 1,25 млн баррелей в сутки¹².

Еще один важный момент: Россию вполне можно назвать серым кардиналом ОПЕК, поскольку без личного участия президента нашего государства достижение долгожданного соглашения так и осталось бы неосуществимой мечтой картеля. Авторитет России позволил хотя бы на бумаге примирить Эр-Рияд и Тегеран, которые весьма антагонистически настроены друг к другу.

10 декабря 2016 года в Вене прошли переговоры профильных министров государств ОПЕК, а также стран, не входящих в картель. По итогам и было подписано соглашение в формате ОПЕК+. России и Саудовской Аравии как двум крупнейшим нефтедобывающим государствам мира удалось договориться об участии в соглашении о сокращении нефтедобычи максимального количества государств.

«Работа над документом проводилась в течение августа и всей осени 2016 года. Россия с несколькими другими странами взяла на себя координирующую роль в подготовке соглашения, но я бы не стал специально никого выделять: все страны внесли свой вклад в реализацию сделки. Это было коллегиальное и добровольное решение. Скажу лишь, что без России такая сделка вряд ли бы состоялась. Да и ОПЕК вряд ли бы пошла на сокращение без участия других нефтедобывающих стран»¹³, – отметил А.В.Новак.

* * *

Примечательно, что резолюцию о продолжении финансирования текущих государственных расходов, разрешающую продажу части стратегических нефтяных резервов, Конгресс США принял в декабре 2016 года (именно в этом месяце было

подписано соглашение о снижении нефтедобычи в формате ОПЕК+).

Резолюция предусматривает, что за четыре года (2017–2020 годы) из американских стратегических резервов может быть продано топлива на 2 млрд долларов. Кроме того, если реализуются предвыборные декларации президента США Д.Трампа (в частности, заявления о планах по освоению шельфа), на глобальном рынке вероятно появление избыточных объемов сырья, способных понизить котировки «черного золота».

Таким образом, США (которые не являются подписантами соглашения в формате ОПЕК+), умело пользуясь немного возросшими ценами на сырье, интенсифицировали добычу сланцевой нефти.

Конечно, на равных конкурировать с картелем США тяжело, но сам факт роста добычи и сбыта американской нефти частично понижает эффективность реализации соглашения в формате ОПЕК+.

По глубокому убеждению автора, договоренности о снижении производства нефти хороши, когда параллельно сокращается и объем поставок. Баланс спроса и предложения, который может повлечь за собой увеличение мировых цен на «черное золото», невозможен, если основные поставщики не снизят объем экспорта нефти и нефтепродуктов.

Однако участникам картеля, России и другим нефтеэкспортерам отнюдь не выгодно сильно взвинчивать цены на сырье, поскольку стремительный рост котировок сразу же позитивно отразится на добычном секторе США, которые после подписания (конец 2016 года) и начала действия соглашения в формате ОПЕК+ (январь 2017 года) «реанимировали» сланцевую индустрию.

---

¹ Интерфакс, 16.02.2017.

² Министерство энергетики России, 22.10.2016.

³ Министерство энергетики России, 24.10.2016.

⁴ Министерство энергетики России, 18.11.2016.

⁵ The Wall Street Journal, 29.10.2016.

⁶ Opening Remarks by OPEC Secretary General // OPEC. URL: http://www.opec.org/opec_web/en/3813.htm

⁷ РИА Новости, 29.10.2016.

⁸ ОПЕС, 29.10.2016.

⁹ Первоначально было намечено заседание с привлечением экспертов из государств, не входящих в картель. Россия, Азербайджан, Казахстан, Мексика планировали прибыть в Вену для второго технического заседания специального комитета, но после отказа Саудовской Аравии участвовать в мероприятии, оно было отменено. Вместо этого было решено ограничиться внутренними переговорами картеля. Х.аль-Фалих заявил, что представители королевства решили не принимать участие в предварительной встрече 28 ноября 2016 года по причине отсутствия консенсуса между участниками ОПЕК. Тем не менее саудовский министр энергетики, промышленности и минеральных ресурсов призвал государства, не являющиеся членами картеля, придерживаться курса на снижение объемов добычи «черного золота».

¹⁰ Shana, 29.11.2016.

¹¹ Синьхуа Новости, 29.11.2016 ; РИА Новости/Прайм, 29.11.2016.

¹² The Wall Street Journal, 24.01.2017.

¹³ Интерфакс, 16.02.2017.

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В ТУРЦИИ, КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В ИСТОРИИ СТРАНЫ

16 апреля 2017 года – когда большинство избирателей в ходе всенародного волеизъявления проголосовало за переход Турецкой Республики от парламентской к президентской форме правления, – вне всякого сомнения, историческая дата в турецком календаре.

Тот факт, что, согласно данным, официально обнародованным Высшей избирательной комиссией (Yüksek Seçim Kurulu или YSK), разрыв между сторонниками и противниками реформы оказался минимальным – 51,41% против 48,59% – по сравнению с произошедшим, не имеет ровно никакого значения после того, как бурные, но без эксцессов, протесты оппозиции были отклонены, а результаты голосования утверждены и опубликованы в законодательном бюллетене страны – так называемой «Официальной газете» (Resmî Gazete)¹. Впрочем, в преддверии полноценной имплементации конституционных поправок, которая должна состояться в 2019 году, после однодневных президентских и парламентских выборов, предпочтения избирателей представляют для ведущих политических игроков несомненный интерес в плане выстраивания своих предвыборных кампаний, о чем будет сказано чуть ниже.

Впрочем, начнём с того, что скажем в основных чертах о сути той реформы, которая после прошедшего референдума уже начата и будет окончательно завершена в 2019 году².

1. Численность депутатов, заседающих в Великом Национальном Собрании (Меджлисе) Турции, будет увеличена с 550 до 600 человек.

2. Выборный возраст народных избранников будет снижен с 25 до 18 лет, что может существенно омолодить турецкий парламент. Впрочем, скорее теоретически, само это положение следует воспринимать в качестве «мотиватора» для молодежного электората.

3. Президентские и парламентские выборы будут проходить раз в пять лет – в один и тот же день (первые в рамках новой системы выборы намечены на 3 ноября 2019 года). Выборы президента будут проходить, при необходимости, в два тура.

4. Одним из принципиальных изменений прошлой структуры власти стала отмена положения об обязанности президента в момент заступления на пост отказываться от своей партийности, становясь таким способом равноудаленным представителем всех избирателей и политических движений страны. Таким образом, президент Турции может быть партийным. Кроме партийной линии, предусматривается возможность выдвижения кандидата в президенты гражданами страны в случае сбора более 100 тыс. подписей в его поддержку.

5. Должность премьер-министра страны отменяется. Президент становится во главе исполнительной власти с введением института помощников (вице-президентов), число которых, как можно заключить, остается на его усмотрение. При этом важнейшие кадровые назначения и увольнения в стране, включая членов Кабинета министров, закреплены за президентом. С целью осуществления своих полномочий президент сможет издавать указы. Один из вице-президентов страны будет замещать президента на его посту в период отсутствия (поездка, болезнь и т.д.).

6. Если в предыдущем варианте Конституции юридическая ответственность президента ограничивалась «изменой родине», то после принятия конституционных поправок он получает полную юридическую ответственность. Вопрос может быть внесен в Меджлис простым большинством голосов депутатов. Решение же о начале расследования принимается в результате тайного голосования в Меджлисе – числом голосов, равным или более $\frac{3}{5}$ (то есть, в новом парламенте с 600 депутатами потребуется 360 голосов).

7. Меджлис может принять решение о досрочных перевыборах квалифицированным большинством в $\frac{3}{5}$ голосов. В таком случае, одновременно назначаются выборы президента и депутатов Меджлиса. Аналогичное право, т.е. назначения досрочных выборов, закреплено и за президентом страны. При этом если решение о перевыборах принято в стенах парламента и в период второго президентского срока, то президент смо-

жет выдвинуть свою кандидатуру и на предстоящих досрочных выборах.

8. Существенным образом расширяется перечень причин для объявления в стране режима чрезвычайного положения (ЧП). Полномочия по объявлению режима ЧП, сроком до 6 месяцев (ранее было до 3 месяцев), передаются президенту как главе исполнительной власти страны. В день принятия президентом своего решения оно передается для публикации в законодательный бюллетень страны – «Официальную газету» и на утверждение в Меджлис, который имеет право продлевать и сокращать срок ЧП, а также отменять его.

9. Полностью отменяется военное судопроизводство (за исключением дисциплинарных судов и за исключением ситуации военного времени) – гражданские и военные суды объединяются. В рамках судебной реформы претерпевает изменения структура высшего органа судебной власти страны – Высшего совета судей и прокуроров, начиная с названия (убирается слово «высший») и заканчивая количественным составом: число в его управляющем органе, во главе с министром юстиции, снижается до 13. Из них 4 человека назначаются президентом, а 7 – Меджлисом страны. Срок полномочий членов Совета судей и прокуроров – 4 года, и по его истечении они вновь могут переизбираться на свой пост без ограничений.

10. Президент не принимает участия в законотворческой деятельности. Единственным, впрочем имеющим жизненную важность, законом, который он готовит и передает на рассмотрение в Меджлис, является закон о бюджете страны. В случае, если Меджлис отвергнет проект бюджета – это не будет приводить к отставке правительства. До принятия нового бюджета будет действовать временный вариант предыдущего года, с поправкой на инфляцию.

11. Полноценная имплементация нового варианта Конституции начнется с совместного проведения президентских и парламентских выборов 3 ноября 2019 года. До тех пор действует переходный период, что подразумевает продолжение исполнения своих обязанностей действующими президентом, Кабинетом министров и Меджлисом страны.

Вынесение пакета конституционных поправок на всенародное голосование в Турции стало возможным после достижения стратегического альянса между правящей Партией

справедливости и развития (ПСР) во главе со своим, формальным, лидером премьер-министром страны Бинали Йылдырымом (имея в виду фактическое лидерство президента Реджепа Тайипа Эрдогана) и правой Партией националистического движения (ПНД) – точнее её ядра, возглавляемого Девлетом Бахчели, которому уже на протяжении ряда месяцев противостоит сильная внутрипартийная оппозиция, грозящая ему смещением со своего поста. Без альянса ПСР – ПНД как наиболее идеологически близких сил на турецкой внутривластной арене наличие лишь 317 депутатских мандатов (при нужных 330) лишало Эрдогана и ПСР всяческих надежд на конституционную реформу не только в парламенте текущего созыва, но и, можно с уверенностью считать, что всех последующих.

Многие недели вязких переговоров привели ПСР к желаемому результату – удалось сформировать альянс с националистами и выработать устраивающий обе стороны пакет конституционных поправок.

10 декабря 2016 года с соответствующим заявлением об официальном внесении пакета поправок на рассмотрение в Меджлис на совместной пресс-конференции выступили Б. Йылдырым и Д. Бахчели. Кроме видимых глазу уступок, на которые пошла ПСР (в первую очередь, в виде окончательного отказа от мирного процесса с курдами в пользу силового метода решения вопроса), разумеется, должны наличествовать и «подковёрные» договоренности. Думается, что многое станет ясно уже в 2019 году, в случае победы президента Р.Т. Эрдогана – при назначении вице-президентов и формировании кабинета министров страны. Куда с большой долей вероятности будут интегрированы представители со стороны Д. Бахчели и его сторонников из рядов ПНД.

Тот факт, что Д. Бахчели контролирует далеко не всю свою фракцию, стал очевиден из результатов голосования в Меджлисе 20 января 2017 года, когда в пользу вынесения конституционного пакета на референдум высказалось 339 депутатов³. При том, что в 550-местном Меджлисе за ПСР – 317 кресел, а за ПНД – 36. Впрочем, простой операции сложения понятно, что 317 и 36 никак не могли превратиться в 367 (2/3) голосов «за», что означало бы немедленное, прямо в стенах парламента, принятие конституционных поправок. Зато такое распределение с самого начала практически

гарантированно давало результат в 330 голосов, позволяющий «отпасовать» вопрос для решения избирателям в ходе всенародного волеизъявления.

Что характерно, официальный старт агитационной кампании ПСР, абсолютно не смущаясь положениями Основного закона страны, дал формально беспартийный президент Реджеп Тайип Эрдоган 25 февраля 2017 года в ходе своего выступления в Мерсине. Заметим достаточно типичный для современных политтехнологов власти Турции приём, который был использован и на этот раз: попытку превратить все подобные волеизъявления в выражение вотума доверия к национальному лидеру с расчётом на личный рейтинг президента Эрдогана, в самом худшем случае колеблющийся в районе 50% избирателей.

Иными словами, турецкому обществу в очередной раз был отправлен сигнал, что «вы голосуете не за конкретные предложения широкой группы народных депутатов, а за то, доверяете ли вы или нет их “духовному лидеру” – президенту Реджепу Тайипу Эрдогану». При этом понятно, что если ответ – «доверяете», то доверять надо всецело и беззаветно, некритически поддерживая 100% инициатив руководства страны, включая и поступившую.

Прочитируем мерсинское выступление турецкого президента⁴:

«Дорогие братья, они говорят: “Меняется режим”. Оставьте смену режима, вы свою голову поменяйте. Куда идет мир и где остались вы? Нет никакой смены режима и прочего. То, что неизменно, – это сами изменения /прим.: сложно сказать, что имел в виду турецкий президент/. Турция уверенно зашагает тем путём, которого она заслуживает – по пути мировых цивилизаций».

По тексту своего выступления Эрдоган не раз и не два говорил о том, что в Турции устанавливается подлинное народовластие, когда народ прямо выбирает руководство всех уровней исполнительной и законодательной власти, и получается, что опосредованно и судебной тоже. И далее, Эрдоган призвал сторонников ПСР буквально «взорвать» своим решительным «да» избирательные урны.

Вообще, надо сказать, что ПСР и её руководство за более чем десятилетие своего пребывания во власти изрядно «поднаторели» в том, что касается работы с электоратом – будь то

избирательная кампания, кампания в рамках всенародного волеизъявления, партийный съезд или просто народный митинг, к примеру, излюбленный вариант – открытие «оптом» нескольких, иногда до нескольких десятков, инфраструктурных объектов. Чтобы народ мог воочию лицезреть практические результаты работы действующей власти.

Достаточно отметить тот показательный факт, что вплоть до настоящего времени Эрдоган и ПСР не потерпели на внутривнутриполитической арене от своих оппонентов ни одного серьёзного поражения. Лишь только однажды у них случилась осечка – в ходе парламентских выборов 7 июня 2015 года, когда партия набрала лишь 40,87% голосов. Этот результат был конвертирован в 258 депутатских мандатов, что означало необходимость формирования коалиционного правительства с одним из оппозиционных движений – сценарий для партии власти, прочно сросшейся с мыслью о единовластии, абсолютно неприемлемый.

Ценой колоссальных усилий Эрдогану и его сторонникам удалось сначала завести в тупик переговоры с потенциальными партнёрами по коалиции, а потом на повторных парламентских выборах, состоявшихся 1 ноября 2015 года, резко увеличить свою «популярность» до 49,5% голосов с 317 креслами в Меджлисе. Каким образом была обеспечена столь успешная мобилизация – это отдельный и комплексный вопрос, который должен представлять интерес в качестве практического примера на будущее не только для турецких, но и для зарубежных политтехнологов.

Аналогично, с заметным преимуществом в классе и в инициативе по сравнению со своим главным противником – оппозиционной Народно-республиканской партией (НРП) во главе с Кемалем Кылычдароглу проводила ПСР свою агитационную кампанию в рамках референдума, назначенного после голосования в Меджлисе на 16 апреля 2017 года.

Оппозиции, наблюдающей за тем, как партия власти бросила на подготовку к референдуму все имеющиеся у неё ресурсы, оставалось лишь жаловаться на притеснения и ограничения освещения её позиции в средствах массовой информации. Сразу скажем, что после того, как президентские выборы в США показали эффективность альтернативных каналов доступа к избирателю – социальных сетей, апеллировать в сторону «конвенциональных» телевидения и радио выглядит до-

статочно несерьезно. Впрочем, как и привлечение к работе своего избирательного штаба Эухенио Гарсии – одного из организаторов кампании «Нет» в рамках чилийского референдума 1988 года.⁵ Конечно, понятна задумка оппозиции провести параллели между «диктаторами» Пиночетом и Эрдоганом, однако, совершенно было упущено из виду, что устроители той кампании были уже на 30 лет старше, да и технологии продвинулись на столько же лет вперёд.

С другой стороны, партия власти привычно на высоком уровне делала свою работу. Об этом можно судить, хотя бы исходя из разницы в качестве агитационных материалов, подготовленных в преддверии часа «X» всеми парламентскими движениями. На фоне своих аналогов именно брошюра Партии справедливости и развития выделялась своей продуманностью и тезисами, отвечающими главным запросам голосующих. Приведем несколько характерных примеров.

Понятно, что партия власти в ходе своей кампании достаточно привычно ссылалась на то, что её единоличное пребывание во власти дало стране внутривластную стабильность, которая была эффективно конвертирована в экономические успехи. Контртезисом же является та угроза, которую несут стране коалиционные правительства, о негативных итогах правления которых так хорошо помнит старшее поколение.

На щит был поднят тезис о возникшем после первых всенародных президентских выборов в 2014 году «двоевластии» – между избранным и уполномоченным напрямую народом президентом и премьер-министром, выдвинутым на свой пост главной парламентской партией, а посему не являющимся непосредственным ставленником избирателей. Слово «сильный» применительно к различным институтам новой турецкой власти повторяется буквально в каждом пункте – «сильные» президент, правительство, Меджлис, исполнительная, законодательная и судебная власть и прочее. Очевидно, с апелляцией к турецкому коллективному подсознательному, питающему «слабость к силе».

А это единство и сила власти будут, как утверждала ПСР, неизбежно обращены в повышение эффективности руководства страной и в новые реформы, которые вернут страну на траекторию экономического роста – по пути к целям и задачам плана «Турция 2023» (с вхождением в десятку крупнейших мировых экономик). И было бы странно, если бы после неудачной

попытки военного переворота 15 июля 2016 года не прозвучал тезис о борьбе с терроризмом во всех его проявлениях (от ФЕТО до «Исламского государства») и о необходимости решительных мер для повышения безопасности страны и тотального искоренения этого зла.

И, как зонтик, всё это венчает идея о построении современного гражданского государства (к вопросу о ликвидации военного судопроизводства) по всем самым лучшим и современным демократическим стандартам с дорогами, открытыми для молодежи страны (претензии о молодежной безработице отбиваются их правом «трудоустроиться» с 18 лет в турецкий парламент в качестве народных избранников).

Можно с той или иной степенью критичности относиться к тезисам Эрдогана и его сторонников, однако их отличает одно качество, которого не наблюдается не только у нынешней внутритурецкой оппозиции, но и вообще во многих других зарубежных странах, – способность предложить народу и зажечь его искрой положительной повестки дня. При этом, понятно, что повестка эта представляет собой смесь практических шагов с изрядной долей популизма. Но в том и состоит искусство политиков, как иллюзионистов, чтобы отвлекать внимание публики и демонстрировать себя в самом выгодном свете.

В то время, как у главной оппозиционной Народно-республиканской партии, невзирая на все её старания, сформировать из желаемого от избирателей «нет» положительной повестки дня так не получилось: «Нет режиму одного человека!», «Нет партийному государству!», «Нет роспуску парламента!», «Нет безответственному руководству!», «Нет капитулировавшему судопроизводству!», «Нет экономическому кризису!», «Нет террору!», «Нет уничтожению универсальных ценностей!», «Нет распаду!», «Нет “выборному королевству”!»⁶. В погоне за краткостью из поля зрения была совершенно упущена необходимость формирования, кроме негативного образа будущего (в случае, если прозвучит «да»), ещё и позитивной повестки (в случае, если избиратели проголосуют против пакета конституционных поправок).

В итоге результат голосования 16 апреля 2017 выглядел следующим образом: 51,41% избирателей проголосовали за президентскую республику, 48,59% – против при явке в 85,32%. Отрыв между теми и другими, согласно официально обнародованным данным, составил 1 379 934 голоса⁷. Разумеется, не-

мало слов прозвучало в адрес партии власти со стороны оппозиции, с обвинениями в нарушениях и подтасовках. Особенно широко тиражировался тезис о вбросах непроштампованных бюллетеней.

Что не имеет ровно никакого значения. Вряд ли главная оппозиционная партия испытала чувство глубокого удовлетворения от того, что ей, как сразу начали говорить, по сути в одиночку (ибо сопредседатели курдской Партии демократии народов находились и на момент написания статьи продолжают оставаться в тюремном заключении), удалось добиться столь заметного «нет».

Впрочем, для партии власти, в очередной раз отстоявшей свой «ноль» в графе поражений на различных волеизъявлениях, всё же прозвучал тревожный звонок. И заключается он даже не в минимальной полученной разнице, на уровне «погрешности» подсчётов, а в том, как голоса «да» и «нет» распределились в итоге по территории страны.

Так вот, сторонники конституционной реформы не добились поддержки, по сути, ни в одном крупном городе страны: Стамбул (48,8% – «за», 51,2% – «против»), Анкара (49,0% – 51,0% соответственно), Измир (31,4% – 68,6%), Адана (42,4% – 57,6%), Анталья (41,0% – 59,0%), Диярбакыр (32,5% – 67,5%), Мерсин (36,6% – 63,4%). Единственное, где из числа крупных городов ПСР-овцам удалось выглядеть убедительно, – это в самом, пожалуй, консервативном городе страны Конье (73,1% против 26,9%) и в Газиантепе (62,5% против 37,5%).

Фиксируем, что Эрдоган и его сторонники проиграли схватку в крупнейших городах страны, включая три столицы – официальную (Анкара), финансово-промышленную (Стамбул) и туристическую (Анталья). Никто не ожидал победы на Эгейском побережье, традиционно довольно прозападном, но весьма интересным образом сложилась ситуация на Средиземноморском побережье, где оказались проиграны главные туристические центры страны – Анталья и Мерсин. Очевидно, это прямым образом связано с теми плачевными результатами для турецких отельеров, которых добилась турецкая внешняя политика в последние годы. Таким образом, Эрдоган и ПСР окончательно стали партией провинций и простых людей.

Понятно, что после оглашения результата главы крупнейших деловых объединений страны сразу выступили с заявлениями о полной поддержке референдума, который «знаменует

новую страницу» в истории страны, позволив ей «многократно ускориться» на пути к достижению поставленных перед собой целей – в экономической, социальной, внутри- и внешнеполитической сферах.

Итак, подводим итог: Эрдоган и Партия справедливости и развития добились своей многолетней цели, сформировав в стране принципиально новую систему власти. Эта система власти в подавляющей мере основана на рейтинге личной популярности президента Эрдогана и будет устойчива ровно до тех пор, пока он не проиграет какому-либо альтернативному кандидату в очной схватке на президентских выборах.

До тех пор президент будет самостоятельно формировать правительство, которое, вне зависимости от итогов парламентских выборов, уже ни при каких обстоятельствах не будет коалиционным. При этом президент Эрдоган, который, разумеется, в кратчайший срок, 2 мая 2017 года, вновь вернулся в партию в ранге её официального лидера, будет осуществлять контроль и над законотворческой деятельностью через партию большинства.

Результаты парламентских выборов теперь уже не будут иметь прежнего для страны значения – ПСР будет, по-прежнему, самой крупной силой в Меджлисе, что в совокупности с правом президента распускать парламент, даёт большое преимущество Эрдогану на случай, пока лишь в теории возможного, лобового столкновения с Великим Национальным Собранием (Меджлисом) Турции.

Таким образом, оппозиция потерпела сокрушительное поражение, которое ознаменовало необратимость последствий для Турции, окончательно зафиксировавшейся на нынешней траектории своего движения в сторону реализации «плана Эрдогана». Единственным шансом теперь что-то изменить является победа альтернативного кандидата на президентских выборах 2019 года – сценарий абсолютно сюрреалистический с учётом отсутствия на турецкой внутривнутриполитической площадке даже близко политика с рейтингом, приближающимся к рейтингу президента Эрдогана, всего лишь за два года до ноября 2019 года. В этом смысле Эрдоган получил конструкцию, которая обрела устойчивость, как минимум, до 2024 года (выборы 2019 года плюс пятилетняя каденция) на случай практически любых потрясений, включая снижение популярности у населения правящей Партии справедливости и развития.

¹ <http://www.resmigazete.gov.tr/main.aspx?home=http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2017/04/20170427m1.htm&main=http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2017/04/20170427m1.htm>

² <http://www.akparti.org.tr/kararimizevet/>

³ <https://tr.sputniknews.com/turkiye/201701201026863804-anayasa-degisiklik-teklifinin-12maddesi-kabul-edildi/>

⁴ <http://t24.com.tr/haber/erdogan-referandum-kampanyasini-baslatti-o-sisteme-evet-mi-hayir-mi-sandiklari-patlatacak-misiniz,386839>

⁵ <http://www.diken.com.tr/silideki-hayirin-yaraticisi-turkiyede-chpnin-kampanyasini-inceleyecek/>

⁶ <https://www.chp.org.tr/Haberler/53/chp-10-maddede-anlatti-neden-hayir-53136.aspx>

⁷ <http://www.sabah.com.tr/secim/16-nisan-2017-referandum/>

А.Д. Манафова

**ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ
ТРАНСПОРТИРОВКИ УГЛЕВОДОРОДОВ
В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

География залегания углеводородных ресурсов предопределяет необходимость их транспортировки на дальние расстояния. Подавляющий процент нефти, газа и нефтепродуктов транспортируется между производителями и потребителями посредством трубопроводного или морского транспорта. Это касается и стран Ближнего и Среднего Востока. Учитывая сохраняющуюся в регионе нестабильность, в особенности эскалацию противостояния Саудовской Аравии и Ирана, а также войну в Сирии, Ливии, Йемене и сложную ситуацию в Ираке, Судане и Южном Судане, на мировом нефтегазовом рынке появляется все больше опасений по поводу возможных угроз стабильности поставок нефти и газа из региона. В данной статье речь пойдет об основных маршрутах экспорта ближневосточных углеводородов на внешние рынки, о том, какие существуют угрозы безопасности поставок и какова вероятность, что эти угрозы воплотятся в жизнь.

«Бутылочные горлышки» морских путей

Танкерные перевозки остаются приоритетным вариантом экспорта нефти на дальние расстояния. Именно танкеры обеспечивают 60% мировых поставок нефти. Морские перевозки также являются главным способом экспорта сжиженного природного газа.

Наиболее важным рынком для нефти и сжиженного природного газа (СПГ) ближневосточных стран является Азия. Со-

---

* В рамках данной статьи регион БСВ будет ограничен Марокко на западе, Ираном на востоке, Турцией на севере, Йеменом и Южным Суданом на юге.

гласно статистике ОПЕК¹, государства картеля направляют азиатским покупателям 61,5% экспортируемой нефти, 17,8% покупают европейцы, 12% получает Северная Америка. На азиатские страны приходится чуть более 60% экспорта Саудовской Аравии и Ирака, порядка 80% экспорта Кувейта и более 90% экспорта нефти из Ирана и ОАЭ, а также весь экспорт СПГ из Катара².

По данным аналитического центра «Стрэтфор», 90% нефтяного экспорта стран Персидского залива осуществляется через Ормузский пролив³. Всего через него в 2012 г. проходило около 30% всей транспортируемой танкерами нефти в мире⁴. Через Ормузский пролив углеводороды указанных выше стран Персидского залива направляются азиатским покупателям. Другими важными коридорами являются Баб-эль-Мандебский пролив, Суэцкий канал, Малаккский пролив, Босфор и Дарданеллы, Гибралтарский пролив.

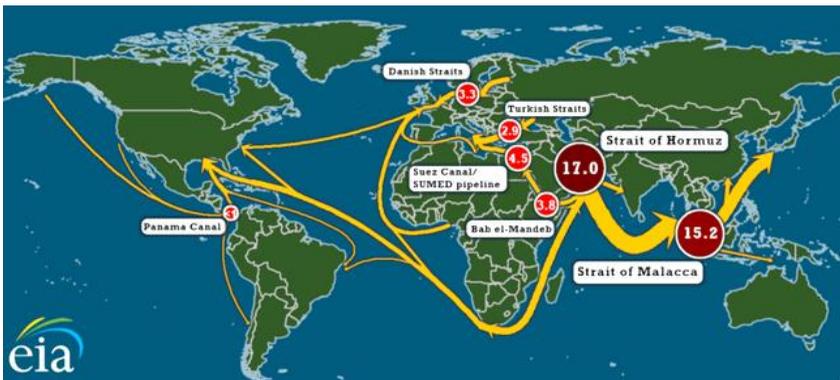

Рис. 1. Основные проливы и предполагаемый объем ежедневного транзита нефти (млн барр./день).

Источник: U.S. Energy Information Agency, 2014.

Основные угрозы для морской транспортировки сырья связаны с возможной террористической активностью или геополитической напряженностью в районе этих «бутылочных горлышек». Направленное давление на любой из этих стратегических пунктов может нанести серьезный вред мировой торговле нефтью и сжиженным природным газом и вызвать шок на сырьевых рынках. Именно поэтому крайне важным является обеспечение безопасности этих маршрутов морской торговли.

Наиболее значимым с точки зрения объемов нефтяной торговли заслуженно считается Ормузский пролив. Этот статус достался ему как благодаря самой высокой в мире загруженности, так и из-за состава стран, использующих его для экспорта углеводородов. Иран, Саудовская Аравия и Катар – крупнейшие игроки региона, которые по сути находятся в конфронтации.

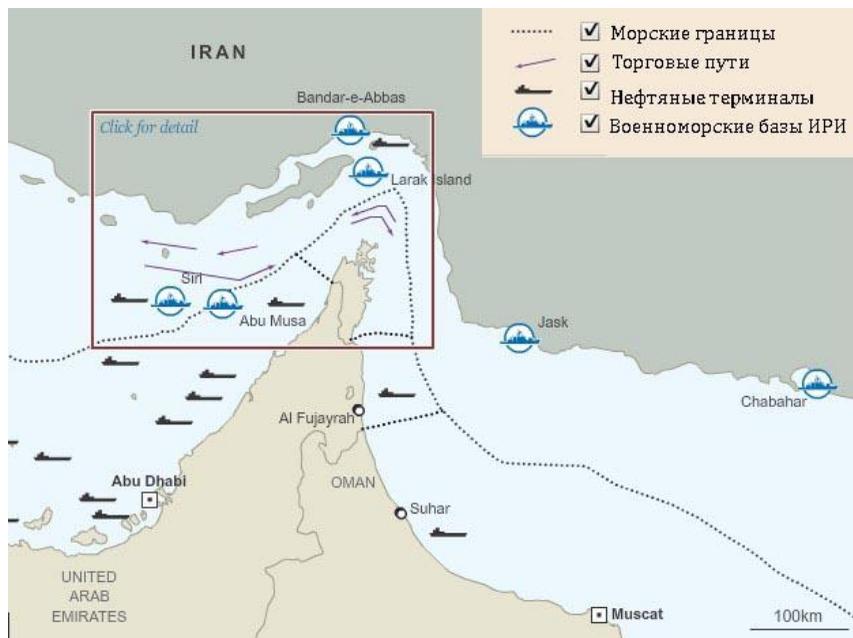

Рис. 2. Ормузский пролив.

Источник: IHS Janes, Petroleum Economist, Center for Strategic and International Studies, Flanders Marine Institute, National Geospatial-Intelligence Agency.

Более того, маршрут через Ормузский пролив является не просто наиболее удобным, а практически незаменимым для всех указанных выше стран. Альтернативные танкерные и трубопроводные экспортные пути не смогут обеспечить прокачку и половины объема экспортируемого через пролив сырья. Несмотря на прогнозы экспертов, государства Персидского залива не сумели развить альтернативные «ормузскому» маршруты.

Только у Саудовской Аравии, Ирака и ОАЭ есть возможность продавать часть своего сырья в обход Ормузского пролива. В Саудовской Аравии функционирует нефтепровод Восток – Запад, по которому часть ее «черного золота» поступает на запад страны к портам Красного моря. Протяженность трубопровода Восток-Запад составляет около 1170 км. Его мощность – 5 млн барр./день. Расположенный на Красном море порт Ямбу способен экспортировать не более 4,5 млн барр./день, что равняется 59% общего ежедневного экспорта королевства⁵. Кроме того, путь через Красное море в Азию оказывается на 4–5 дней дольше для танкеров, чем напрямую из Персидского залива через Ормузский пролив.

Рис. 3. Действующие нефтепроводы для экспорта нефти в обход Ормузского пролива.

Источник: Mitchell J. *Asia's Oil Supply: Risks and Pragmatic Remedies* // Chatham House, May 2014.

За последнее десятилетие Саудовская Аравия пыталась увеличить мощность альтернативных экспортных маршрутов. В том числе, в 2012 г. был введен в эксплуатацию нефтепро-

вод в ОАЭ, способный транспортировать 1,5 млн баррелей «черного золота» в день в эмиратский порт Фуджейра в Индийском океане⁶. По некоторым данным, в 2006 г. саудиты вели переговоры о строительстве трубопровода из саудовского г. Абкейк в оманский порт Аль-Фахаль на Аравийском море, однако проект так и не сдвинулся с начальных этапов.

Второй экспортер нефти ОПЕК и ближневосточного региона – Ирак способен экспортировать порядка 600 тыс. барр./день по трубопроводу в турецкий порт Джейхан, т.е. около 15% от своей экспортной мощности. Более того, состояние трубопровода, постоянные террористические атаки на него, а также проблемы во взаимоотношениях иракского Региона Курдистан (контролирует нефтепровод) с федеральным правительством в Багдаде не позволяют рассчитывать на этот маршрут.

В этих условиях главные опасения по поводу угроз танкерам в Ормузском проливе связаны с эскалацией напряженности между странами Персидского залива, в особенности с Ираном и Саудовской Аравией. Начало прямого противостояния двух стран может привести к попыткам перекрытия пролива. Кроме того, стороны могут нанести военный удар по нефтеэкспортной, да и добывающей инфраструктуре друг друга, так как значимая ее часть расположена вдоль берегов Персидского залива.

Иран не раз угрожал закрыть Ормузский пролив. Например, в 2011 г. первый вице-президент Мохаммад Реза Рахими заявил о том, что в случае ужесточения санкций со стороны США, Тегеран организует полную блокаду Ормузского пролива⁷. За этими, как за предыдущими и последующими угрозами, никаких действий не последовало, хотя новость и привлекла внимание СМИ, а также дала повод антагонистам Исламской Республики кинуть еще один камушек в иранский огород.

Отметим, однако, что скорее всего подобные высказывания являются частью популистской риторики иранских властей, и блокада пролива вряд ли возможна. Ведь если Иран закроет Ормузский пролив, больше всего он навредит самому себе. Во-первых, он сиюминутно лишит себя основного дохода. Во-вторых, Иран таким образом потеряет доверие покупателей в Азии, а также окажется под жесточайшим давлением мирового сообщества, начиная с Персидских монархий, заканчивая странами-потребителями нефти. Все это будет означать рез-

кое снижение конкурентоспособности иранского сырья на мировом рынке, т.е. среднесрочные и долгосрочные финансовые потери. Наконец, сам Иран активно импортирует нефтепродукты, продукты питания и прочие жизненно важные товары через Персидский залив.

Кроме того, история говорит о том, что закрытие пролива устроить крайне сложно даже при сильном желании. «Танкерная война», которую вели Иран и Ирак в ходе войны 1980–1988 гг. показала, насколько надежны и непотопляемы крупные нефтяные суда. Тогда Иран пообещал перекрыть пролив, затопив в нем крупнотоннажные танкеры. В 1983 г. по танкерам, проходящим по Ормузскому проливу, нанесли более 500 ударов, пострадало 400 моряков, но снизить объемы перевозок в момент самого высокого накала удалось менее чем на 2%⁸.

Если все же рассматривать варианты блокировки Ормузского пролива, можно выделить три метода, позволяющих это сделать: 1) установление военной артиллерии на одном из островов в районе пролива; 2) использование подводных мин; 3) затопление кораблей в проливе. Этим методам легко находится противодействие. Подводные мины не могут нанести достаточный ущерб танкерам и от них сравнительно легко избавиться. Затопить корабли, как уже говорилось выше, крайне сложно. Что же касается установки артиллерии, то тут стоит остановиться отдельно на факторе, который игнорировать невозможно: военные базы и флот США и НАТО в регионе.

Безопасность морских перевозок на Ближнем Востоке и в Северной Африке обеспечивается, в том числе, благодаря присутствию американских военных. Военные базы США расположены в Бахрейне, Омане, Кувейте, ОАЭ, Ираке (контролируют Ормузский пролив). Американские военные присутствуют в Джибути (Баб-эль-Мандебский пролив). Турция является членом НАТО (Черноморские проливы), как и Испания (Гибралтарский пролив). То есть фактор военного присутствия США как представителя стран-потребителей или стран Запада необходимо учитывать, говоря о потенциальной угрозе всем важным проливам. Персидский залив является зоной ответственности Пятого флота США. По подсчетам экспертов Брукингского исследовательского института, США в 2012 г. ежегодно тратили порядка \$50 млрд на обеспечение безопасности морских нефтеперевозок⁹.

Поэтому самовольно перекрыть движение торговых судов по указанным «узким местам» расположенные у проливов страны не смогут. Особенно если принять за аксиому, что перекрытие проливов не выгодно странам Запада во главе с США.

Возвращаясь к саудовско-иранскому противостоянию в Персидском заливе, отметим, что в случае начала прямого вооруженного конфликта намного более вероятными кажутся удары сторон по нефтегазовой инфраструктуре противника.

В октябре 1987 г. в ходе ирано-иракской войны иранцы нанесли ракетный удар по находящемуся в главном кувейтском нефтеэкспортном порту танкеру. Одна ракета не нанесла значимого ущерба инфраструктуре, однако суть в том, что она достигла Кувейта, что стало возможным благодаря сравнительно небольшому расстоянию между иранскими и кувейтскими берегами¹⁰. Серия подобных ударов может резко лишит государство – будь то Кувейт, либо Саудовская Аравия – значимых экспортных мощностей. С другой стороны, можно найти веские причины считать сценарий атаки на нефтегазовые объекты маловероятным. Отношения между саудовским королевством и Исламской Республикой отчасти можно сравнить с холодной войной. Понимание того, что обе стороны способны нанести серьезный вред жизненно важной инфраструктуре противника, до поры до времени может служить сдерживающим фактором. Кроме того, некоторые эксперты говорят о том, что иранские ракеты недостаточно точны для поражения конкретных объектов нефтегазовой инфраструктуры¹¹.

Что касается Черноморских проливов, о перекрытии которых ходили слухи после осложнения российско-турецких отношений в 2015 – 2016 гг., то угроза их блокады также слаба, хотя и из-за других факторов. Согласно Конвенции Монтрё о статусе проливов, торговые суда имеют право прохода через Босфор и Дарданеллы в мирное и военное время¹². Закрытие прохода для всех кораблей или кораблей любой одной страны, таким образом, будет грубым нарушением международного права. Кроме того, здесь снова стоит вспомнить, что Турция – член НАТО, и это означает многое, в том числе ответственность за свои действия перед западными партнерами. Закрытие проливов повлечет жесткую реакцию всех стран, использующих этот морской путь, в том числе остальных членов НАТО и важных европейских партнеров Турции.

Однако это не значит, что остановка движения по проливам не реальна. Ситуация с танкерными перевозками такова, что возможность их нарушения крайне мала. Но эта возможность сохраняется до тех пор, пока остается хоть малая вероятность крупномасштабного конфликта в регионе (конфликта, в котором напрямую друг против друга выступают какие-либо региональные или мировые державы). И в случае такого конфликта угроза кратковременного сокращения объемов торговли нефтью и СПГ сразу становится очень серьезной.

Стоит также оговориться, что опасения по поводу возможности таких негативных сценариев постоянно оказывают влияние на фондовые рынки и стоимость нефти (хотя и незначительно). Это неудивительно, учитывая, что настроениями инвесторов на рынке в основном управляют ожидания и опасения, а каждая сенсационная новость средств массовой информации используется как шанс заработать на движении рынка.

Менее серьезной, но более вероятной перманентной угрозой для танкерных перевозок является пиратство. Чаще и громче, чем где-либо, пираты проявляли себя в Аденском заливе. С начала 2000-х гг. уровень пиратства у берегов Сомали рос. Пираты захватывали суда, требуя выкуп. В мае 2010 г. в Аденском заливе был захвачен танкер «Московский университет», перевозивший 86 тонн нефти. На его борту были россияне. Обеспечением безопасности торговли у берегов Сомали в Аденском заливе занимаются военно-морские силы России, НАТО, ЕС, Индии и других стран.

Были и случаи террористических атак на нефтяные танкеры. Так, в 2002 г. в Баб-эль-Мандебском заливе близ берегов Йемена была осуществлена атака на французский супертанкер *Limburg*¹³. Позже власти Кувейта задержали члена запрещенной в России группировки «Аль-Каида», который сознался в подготовке диверсии.

Надежны ли трубопроводы?

Гражданские войны, терроризм и конфликты между поставщиками и потребителями – так можно кратко обозначить основные угрозы срыва поставок сырья по налаженным трубопроводным маршрутам.

Разразившиеся внутренние конфликты в Ливии (с 2011 г.) и Йемене (с 2014 г.) и вооруженные столкновения в Южном Судане привели к резкому падению добычи сырья в этих странах, а также ознаменовали начало борьбы различных группировок за ресурсы, в том числе нефте- и газозэкспортную инфраструктуру. В большинстве случаев при развитии внутренних конфликтов нефтегазовые объекты, в том числе нефтеэкспортные порты и трубопроводы, являются одной из важнейших целей для воюющих группировок¹⁴.

До событий «арабской весны» Ливия поставляла в Европу порядка 8 млрд куб. м природного газа в год (около 22 млн куб. м/день)¹⁵. Экспорт осуществляли по газопроводу «Зеленый Поток» (Greenstream), который протянулся на более чем 500 км по дну Средиземного моря с запада Ливии к итальянской Сицилии. Ливийские поставки составляли 12% всего импортируемого Италией природного газа¹⁶. После начала политической нестабильности в Ливии функционирование газопровода постоянно нарушалось. В 2013 г. экспорт газа по трубопроводу был остановлен в связи с протестами местного берберского населения. Экспорт затем возобновился, однако общие его объемы снижались. Представители ливийской Национальной нефтяной компании сообщали, что не смогут поставить в Италию обещанные объемы газа. Район порта Милита, откуда протянут трубопровод, стал местом столкновения различных группировок¹⁷. При этом о том, что морской участок газопровода был поврежден, не сообщалось. Проблемы с экспортом стали результатом повреждений наземной инфраструктуры, а также забастовок рабочих нефтегазовых терминалов и месторождений. В 2015 г. экспорт в определенные месяцы удалось увеличить до 20 млн куб. м/день¹⁸.

Кроме того, до войны Ливия экспортировала в Европу СПГ, однако уже в начале 2011 г. потеряла статус нетто-экспортера¹⁹. Ее единственный СПГ-завод был серьезно поврежден. Объект находится в районе Эль-Бурайка (Марса эль-Брега). Стоит отметить, что завод был запущен в далеком по меркам СПГ-индустрии 1971 г. и считался одним из первых крупных СПГ-заводов в мире.

Похожая судьба постигла инфраструктуру Йемена. Разгоревшийся в 2014 г. конфликт в этой стране привел к остановке функционирования ее нового СПГ-завода Бальхаф (находится на юго-востоке). Объект прекратил работу в апреле 2014 г. Он

был способен перерабатывать 6,7 млн т газа в год²⁰. В районе завода на протяжении последующих двух лет происходили столкновения. Летом 2015 г. СМИ сообщали об обстреле нефтехранилищ, сожжении нефтепродуктов и захвате хуситами цистерн и оборудования завода²¹.

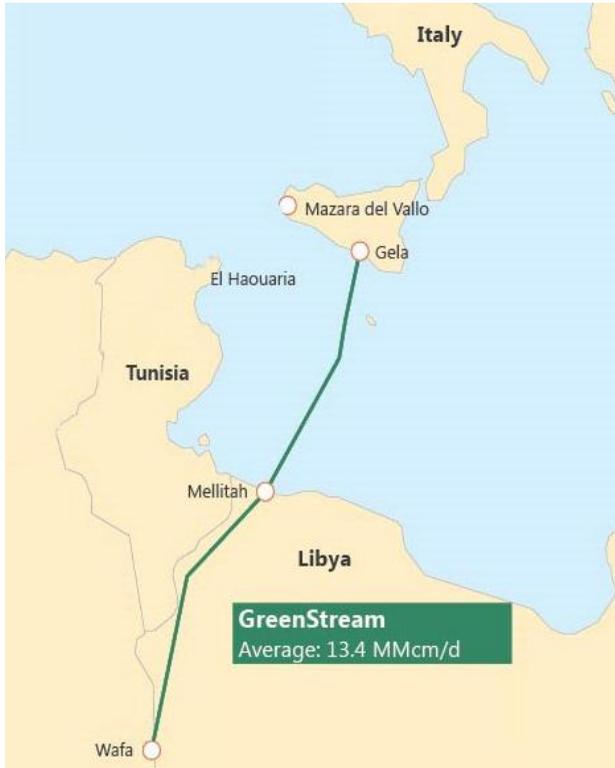

Рис. 4. Газопровод «Зеленый поток» (объемы прокачки газа 15–21 мая 2017 г.)

Источник: Interfax Energy.

Сырье на СПГ-заводе Бальхаф поступало по трубопроводу длиной 320 км, протянутому из провинции Мариб. Так как объекты нефте- и газодобычи в этой провинции подвергались серьезным бомбардировкам со стороны коалиции во главе с Саудовской Аравией, можно сделать вывод, что и инфраструктура для доставки сырья на завод Бальхаф пострадала и будет нуждаться

в значительных инвестициях для восстановления работы. Йеменский СПГ-завод был запущен в эксплуатацию сравнительно недавно – в 2009 г. Таким образом, объект, обошедшийся когда-то стране в \$4,5 млрд, проработал лишь пять лет²².

В йеменской прессе осенью 2015 г. сообщалось, что военные возглавляемой Саудовской Аравией коалиции направили дополнительные силы в район СПГ-завод Бальхаф, а также установили охрану вдоль 300-километрового нефтепровода из Бальхафа к НПЗ Сафир.

Без стабилизации военно-политической ситуации в Ливии и Йемене ожидать восстановления функционирования экспортных систем не приходится. Более того, борьба за власть и борьба за ресурсы в обоих случаях являются параллельными взаимозависимыми явлениями, причинно-следственную связь между которыми определить крайне сложно.

Южный Судан и Судан находятся в не менее сложной ситуации: в период с 2010 по 2015 гг. объемы добычи нефти на территории двух стран упали с почти 500 тыс. барр./день до порядка 150 тыс. барр./день. Автор одной из публикаций в журнале «Energy Policy» П. Тофт проанализировал перебои с поставками нефти в ходе 39 военных конфликтов, разгоревшихся в нефтедобывающих странах в период с 1967 г. по 2007 г., и пришел к выводу, что гражданские войны в 50% случаев привели к перебоям в поставках сырья²³. Что еще интереснее, следовавший за конфликтами период нормализации ситуации оказался, по мнению П. Тофта, более губительным для нефтегазового сектора в долгосрочной перспективе. Ситуация, в которой оказались Судан и Южный Судан, полностью подпадает под выводы автора «Energy Policy».

Нефтегазовый сектор этой африканской страны на протяжении последнего десятилетия находится в центре водоворота проблем, которые особенно обострились в период до и после отделения Южного Судана. Ведь 75% нефти, которую добывал ранее единый Судан, достались Южному Судану, в то время как два существующих нефтепровода, доставляющих ресурсы в экспортный порт, проходят по территории северной республики. Два трубопровода протянуты от месторождений в провинциях Верхний Нил, Юнити (Западный Верхний Нил) и Вараб до Хартума, а оттуда до Порт-Судана на Красном море. Нефтепровод от месторождения Бентиу был построен в 1999 г., его мощность – 250 тыс. барр./день²⁴.

Рис. 5. Нефтепроводы Судана и Южного Судана.
 Источник: Drilling Info International.

Борьба за контроль над нефтепроводом продолжалась до объявления независимости на юге. Затем стороны начали спорить о стоимости транзита. В 2012 г. Южный Судан, несогласный с требованиями за транзит своего северного соседа, вообще прекратил добычу нефти²⁵. После возобновления добычи уже северная республика начала угрожать перекрыть трубопровод.

По сути, нефтяная отрасль постоянно используется каждой стороной для давления на другую. Это касается как военно-политической борьбы (Север требует от Юга прекращения финансирования повстанцев в Судане), так и чисто экономического распределения нефтяных доходов. А Судан хочет полу-

чать треть стоимости нефти, которая проходит по его территории. О том, что стороны достигли договоренности по условиям транзита, сообщалось еще в августе 2012. Но на деле проблемы решены так и не были.

Другая группа угроз для трубопроводной транспортировки сырья – террористические атаки – также связана с военно-политической нестабильностью и зачастую является отзвуком старых войн и конфликтов в регионе. Вспомним частые взрывы на трубопроводах в Ираке в первые пять лет после американской операции 2003 г. или постоянно происходившие в 2014–2016 гг. взрывы на нефтепроводах из Ирака в Турцию. Другой пример – подрывы на «Арабском трубопроводе» из Египта в Сирию, Ливан и Израиль.

С одной стороны, длинная протяженность трубопроводов осложняет обеспечение безопасности вдоль всего маршрута. Особенно сложно обеспечить сохранность трубопроводов, пролегающих вдоль трасс и вблизи крупных населенных пунктов, например, сеть нефтепроводов Абкейк – Рас Таннура в Саудовской Аравии.

С другой стороны, нельзя сказать, что террористические атаки на эти объекты грозят резким срывом поставок нефти или газа. Безусловно, на восстановление инфраструктуры приходится тратить время и средства, но эффект от таких подрывов длится недолго: его последствия ощущают непосредственные участники сделки по купле-продаже сырья, но не мировой рынок (за редким исключением).

Показательна ситуация с трубопроводом Киркук – Джейхан между Ираком и Турцией. В 2015–2016 гг.²⁶ этот нефтепровод подрывали с завидной регулярностью, чаще всего на турецком участке. Только в августе 2015 г. показатели экспорта курдской нефти упали на 30% по сравнению с июлем в связи с тем, что трубопровод был закрыт на 9 дней. По подсчетам Министерства природных ресурсов Региона Курдистан, в период с июля по сентябрь курдская автономия недополучила порядка \$500 млн из-за проблем с турецкими нефтепроводами²⁷.

В данном случае диверсии проводят для достижения политических целей, связанных с борьбой за влияние в курдских районах на севере Ирака и на юге Турции. Правительство Турции возлагает вину за взрывы на Рабочую Партию Курдистана, хотя та иногда опровергает свою причастность. Дело в том, что трубопровод Киркук – Джейхан иракский Регион Курдистан по-

строил самостоятельно. После введения нефтепровода в строй в мае 2014 г. Эрбиль начал самостоятельные поставки углеводородов в Турцию в обход Багдада. С тех пор курдская автономия постоянно наращивала объем экспорта нефти по своему трубопроводу, и в сентябре 2015 г. этот показатель достиг 602 тыс. барр./день. Вслед за усилением экономической самостоятельности Региона, а также спорной провинции Киркук усиливалась и борьба за экономические интересы.

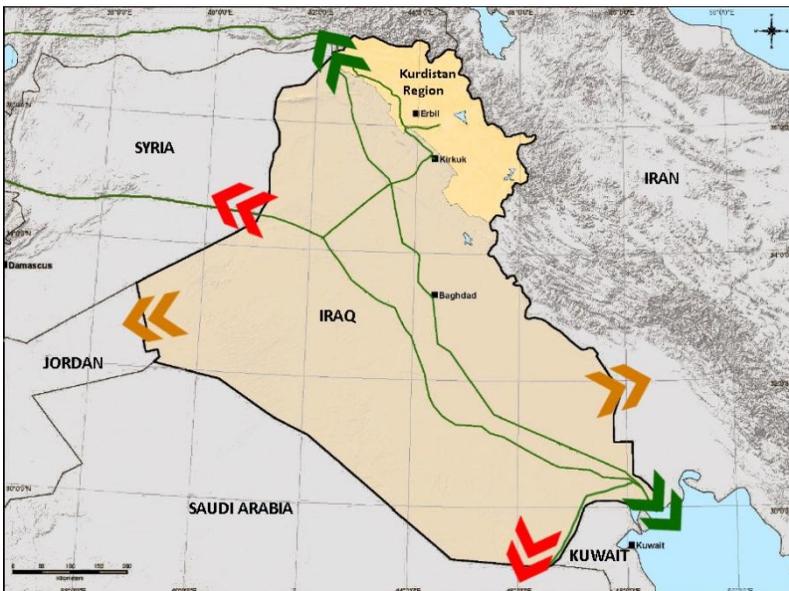

Рис. 6. Экспортные трубопроводы Ирака и направления экспорта (зеленым – функционирующие, красным – нефункционирующие, оранжевым – планируемые).
Источник: Genel Energy, EIA.

Только постоянная террористическая деятельность на территории стран или районов с низким уровнем обеспечения безопасности может привести к остановке функционирования трубопроводного сообщения между странами. Один из ярких примеров таких неудачных трубопроводов – уже упомянутый выше «Арабский газопровод».

Арабский газопровод проходит по маршруту Аль-Ариш – Таба – Акаба – Амман – Дамаск – Хомс, в Израиль он протянут

под водой от Эль-Ариша. Его пропускная способность – 7 млрд куб. м/год²⁸. Египетский участок трубы практически перестал функционировать после падения правительства Х.Мубарака, когда свою подрывную деятельность на Синайском полуострове начали исламисты. Наиболее серьезный ущерб трубопроводу нанесли взрывы в июле 2011 г., декабре 2013 г. и январе 2014 г. Всего количество взрывов исчислялось десятками²⁹.

Рис. 7. Арабский газопровод.
Источник: U.S. Energy Information Agency.

В более безопасных и стабильных странах региона были случаи террористических атак на нефтеэкспортную инфраструктуру. В сентябре 2006 г. один из лидеров запрещенной в РФ организации «Аль-Каида» А. Аз-Завахири призвал своих последователей организовать атаку на «экономические интересы» Запада³⁰, под которыми в первую очередь подразумевались поставки «ворованной у исламских стран» нефти. Тогда,

в 2006 г., «Аль-Каида» действительно нанесла удар по нефтегазовым объектам³¹. Был подорван саудовский трубопровод близ г. Абкейк на востоке страны. После атаки один из представителей организации шейх Абдель Азиз аль-Анзи призвал соратников совершать атаки на газопроводы, объясняя такие действия высокой эффективностью. Причем в Саудовской Аравии атаки на нефтепроводы совершали члены влиятельных семей королевства. В 2007 г. в стране прошла серия арестов лиц, причастных к подготовке этих терактов.

Во второй половине 2000-х гг. Саудовская Аравия предприняла серьезные меры для усиления безопасности на трубопроводах:

- через каждый километр на трубах были установлены перекрывающие клапаны для того, чтобы минимизировать объемы утечки сырья в случае разрыва трубопровода;
- вдоль маршрута газопроводов были расположены группы быстрого реагирования, способные добраться до места повреждения за 36 часов;
- также вдоль трубопроводов расположены хранилища с инструментами и материалами для экспресс-ремонта;
- были установлены камеры на определенных участках трубопроводов³².

Такие меры безопасности вполне оправданы, ведь ситуация в Саудовской Аравии и ее энергетике является одним из важных факторов «морального спокойствия» нефтяного рынка, особенно биржевых игроков, от настроений которых зависят цены на сырье. Саудовская Аравия и ее нефтегазовая инфраструктура – это тот редкий случай, когда даже новости о подрыве трубопровода могут вызвать реакцию нефтяных бирж. Подтверждением тому служит случай 2012 г., когда после показанных на иранском ТВ новостей о подрыве трубопровода на востоке Саудовской Аравии цены на «черное золото» на бирже поднялись на \$1,77/барр³³.

Наконец, последняя группа угроз стабильному трубопроводному экспорту возникает из-за эскалации отношений стран. Такое случается нечасто, однако есть несколько примеров.

С 1990 г. не работает иракско-саудовский нефтепровод IPSA (Iraq Pipeline through Saudi Arabia). Он был предназначен для транспортировки иракского сырья в саудовский порт Муаззин на Красном море. Транспортировка нефти по нему была приостановлена после войны в Персидском заливе³⁴.

Другой пример – Трансаравийский нефтепровод (Trans-Arabian Pipeline или Tapline), который соединял расположенную на востоке КСА Аль-Кайсуму с портом Сидон в Ливане (транзитом через Иорданию и Голанские высоты, которые тогда являлись частью Сирии). Его пропускная способность – 500 тыс. барр./день, длина – порядка 1200 км³⁵. Трубопровод начал функционировать в 1950 г., однако после 1967 г., когда в ходе Шестидневной войны контроль над Голанскими высотами перешел к Израилю, объект постоянно подвергался атакам. В итоге к 1976 году участок севернее Иордании был выведен из строя. Полностью нефтепровод перестал функционировать в 1990 г. после начала войны в Кувейте (Иордания не встала на сторону Кувейта и Саудовской Аравии). С тех пор периодически появляются сообщения о возможной реставрации и восстановлении трубопровода, в основном они приходят из Иордании, которой необходимо удовлетворять рост спроса на энергоресурсы.

Рис. 8. Нефтегазовая инфраструктура Саудовской Аравии: Трансаравийский нефтепровод, нефтепровод ИПСА, нефтепровод Абкейк – Янбу.

Источник: U.S. Energy Information Agency.

С точки зрения масштабов потенциального ущерба для импортеров или экспортеров нефти и газа, намного более опасными являются нападения на нефтегазовые месторождения (например, поджоги скважин в Кувейте в 1991 г.) или нефтеперерабатывающие заводы. Однако подрывы трубопроводов организовать намного легче, да и охраняются они недостаточно тщательно.

* * *

Таким образом, основной угрозой для морских перевозок сырья – нефти и СПГ – является попытка перекрытия наиболее загруженных проливов. В особенности это касается Ормузского, который является безальтернативным маршрутом для целого ряда крупных нефтеэкспортеров. При этом блокада пролива маловероятна даже в случае начала военного конфликта в Персидском заливе, так как функционирование этой торговой артерии является жизненно важным для основных игроков региона – Саудовской Аравии и Ирана.

Также лишь в случае военного конфликта возникнет угроза нефтеэкспортным терминалам, расположенным в этой акватории. Пока открытых конфликтов между странами нет, последствия геополитической напряженности проявляются лишь в издержках, связанных с опасениями по поводу возможности таких сценариев.

Организовать подрыв трубопроводов сравнительно легко, в связи с чем нефте- и газопроводы часто становятся целью атак в странах, где идет гражданская война, высок уровень террористической активности и слаба центральная власть. При этом последствия подрывов трубопроводов ликвидируют в считанные дни, в связи с чем в большинстве случаев срыв поставок остается незамеченным на мировых нефтяных рынках: ущерб чувствуют лишь участники сделки – импортеры и экспортеры.

---

¹ OPEC Annual Statistical Bulletin 2016 [Электронный ресурс] // OPEC, 2016. P. 48 – 53. – Режим доступа: http://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/ASB2016.pdf

² Ibid.

³ Iran and the Strait of Hormuz, Part 1: A Strategy of Deterrence [Электронный ресурс] // Stratfor, 05.10.2009. Режим доступа:

<https://www.stratfor.com/analysis/iran-and-strait-hormuz-part-1-strategy-deterrence>

⁴ The Strait of Hormuz is the world's most important oil transit chokepoint [Электронный ресурс] // EIA, 04.01.2012. Режим доступа:

<https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=4430#>

⁵ JODI Oil World Database [Электронный ресурс] // Joint Oil Data Initiative, 2017. Режим доступа:

<http://www.jodidb.org/TableViewer/tableView.aspx>

⁶ Blas J. Pipelines Bypassing Hormuz Open [Электронный ресурс] // Financial Times, 15.07.2012. Режим доступа: Режим доступа:

<https://www.ft.com/content/4203f88c-ce83-11e1-9fa7-00144feabdc0>

⁷ Sanger E.D., Lowrey A. Iran Threatens to Block Oil Shipments, as U.S. Prepares Sanctions [Электронный ресурс] // The New York Times, 27.12.2011. Режим доступа:

<http://www.nytimes.com/2011/12/28/world/middleeast/iran-threatens-to-block-oil-route-if-embargo-is-imposed.html>

⁸ Blair D., Lieberthal K. Smooth Sailing: The World's Shipping Lanes Are Safe // Foreign Affairs, May/June 2007.

⁹ Gonzalez A. Expanded Oil Drilling Helps U.S. Wean Itself from Mideast [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal, 27.06.2012. Режим доступа:

<https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304441404577480952719124264>

¹⁰ Sciolino E. Iran Missile Hits a Gulf Tanker Owned in U.S. [Электронный ресурс] // The New York Times, 16.10.1987. Режим доступа:

<http://www.nytimes.com/1987/10/16/world/iran-missile-hits-a-gulf-tanker-owned-in-us.html>

¹¹ Ali A., Bond A. Security Threats to Saudi Arabia's Oil Infrastructure // The Institute for Gulf Affairs, Washington DC, 2013. P.31.

¹² 1936 Convention Regarding the Regime of the Straits Montreux Switzerland, 20.07.1936. [Электронный ресурс] // Center for International Law, National University of Singapore. Режим доступа:

<https://cil.nus.edu.sg/rp/il/pdf/1936%20Convention%20Regarding%20the%20Regime%20of%20the%20Straits-pdf.pdf>

¹³ Smith C.S. Threat and Responses: Antiterror Arrest; Kuwait Says a Senior Qaeda Member Has Confessed to Planning 2 Attacks in Yemen [Электронный ресурс] // The New York Times, 17.11.2002. Режим доступа:

<http://www.nytimes.com/2002/11/17/world/threats-responses-antiterror-arrest-kuwait-says-senior-qaeda-member-has.html>

¹⁴ Jeff D. Colgan, Petro Aggression: When Oil Causes War. Cambridge University Press, 2013. P. 9.

¹⁵ Country Analyses Brief: Libya [Электронный ресурс] // U.S. Energy Information Agency, 19.05.2015. Режим доступа:

<https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=LBY>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Libyan Gas Exports to Italy Disrupted due to Clashes [Электронный ресурс] // RT, 03.03.2013. Режим доступа: <https://www.rt.com/news/libya-gas-export-italy-744/> ; Убийство главы группировки «Фаджр Ливия» в боях в районе нефтяного полумесяца [Электронный ресурс] [араб.] // Аль-Арабия, 23.12.2014. Режим доступа: <http://www.alarabiya.net/ar/north-africa/libya/2014/12/23/غارة-جوية-في-ليبيا-في-غارة-جوية-في-ليبيا.html> ; Libya Violence: Italian Workers Freed [Электронный ресурс] // BBC News, 04.03.2016. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-africa-35726276>

¹⁸ Politi J., Barker R., A. Four Italian Workers Kidnapped in Libya [Электронный ресурс] // Financial Times, 20.07.2015. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/e20e3134-2eb2-11e5-8873-775ba7c2ea3d>

¹⁹ Country Analyses Brief: Libya [Электронный ресурс] // U.S. Energy Information Agency, 19.05.2015. Режим доступа:

<https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=LBY>

²⁰ Project Overview [Электронный ресурс] // Yemen LNG Company, 2014. Режим доступа: http://www.yemenlng.com/ws/en/go.aspx?c=proj_overview

²¹ Хуситы приближаются к СПГ-терминалу Бальхаф на востоке Йемена [Электронный ресурс] [араб.] // Аль-Араби Аль-Джадид, 08.07.2015. <https://www.alaraby.co.uk/economy/2015/7/7>

الحوثيون يقتربون من محطة بلحاف للغاز المسال شرق اليمن

²² Project Overview [Электронный ресурс] // Yemen LNG Company, 2014. Режим доступа: http://www.yemenlng.com/ws/en/go.aspx?c=proj_overview

²³ Toft P. Intrastate Conflict in Oil Producing States: A Threat to Global Oil Supply? // Energy Policy, August 2011.

²⁴ Mobbs P.M. The Mineral Industry of Sudan [Электронный ресурс] // U.S. Geological Survey Minerals Yearbook, 1999. Режим доступа: <https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/country/1999/su99.pdf>

²⁵ South Sudan Orders Resumption of Oil Production Sudan [Электронный ресурс] // BBC News, 18.11.2012. Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-africa-19997777>

²⁶ Attack Shuts Down Kirkuk-Ceyhan Pipeline Carrying Kurdish Oil [Электронный ресурс] // Rudaw, 29.07.2015. Режим доступа:

<http://www.rudaw.net/english/middleeast/turkey/290720153> Kirkuk-Ceyhan Pipeline May Soon Be Back in Operation Following Turkish Operation against PKK [Электронный ресурс] // Rudaw, 09.03.2016. Режим доступа: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/090320163>

²⁷ KRG: Oil Theft and Sabotage Threaten Vital Pipeline [Электронный ресурс] // Rudaw, 19.08.2015. Режим доступа:

<http://www.rudaw.net/english/kurdistan/190820151>

²⁸ Arab Gas Pipeline [Электронный ресурс] // Ministry of Petroleum of the Arab Republic of Egypt. Режим доступа:

<http://www.petroleum.gov.eg/en/ProjectsandActivities/StrategicProjects/Pages/GasPipeline.aspx>

²⁹ Al-Arish Gas Pipeline Explodes for 28th Time [Электронный ресурс] // Daily News Egypt, 03.02.2015. Режим доступа:

<http://www.dailynewsegyp.com/2015/02/03/al-arish-gas-pipeline-explodes-28th-time/>

³⁰ On 9/11 anniversary, Al-Qaida video warns of attacks in Gulf [Электронный ресурс] // Ha'aretz, 11.09.2006. Режим доступа:

<http://www.haaretz.com/hasen/pages/761345.htm>

³¹ Fattah H.M. Attack on Saudi Oil Facility Thwarted [Электронный ресурс] // The New York Times, 24.02.2006.

<http://www.nytimes.com/2006/02/24/international/middleeast/attack-on-saudi-oil-facility-thwarted.html>

³² Cordesman A. Global Energy Demand and Capacity Building in Saudi Arabia's Petroleum Sector. Center for Strategic and International Studies [Электронный ресурс] // CSIS, 02.05.2005. Режим доступа:

http://csis.org/files/mediacsis/pubs/0500502_saudioilcapacity.pdf

³³ Oil Climbs above \$110 on Pipeline Explosion Report Denied by Saudis [Электронный ресурс] // The Washington Post, 01.03.2012. Режим доступа:

https://www.washingtonpost.com/business/economy/oil-climbs-above-110-on-pipeline-explosion-report-denied-by-saudis/2012/03/01/gIQAVXRfIR_story.html?utm_term=.e61f53a6622e

³⁴ Saudi Arabia Reopens Iraq Pipeline to Bypass Gulf Shipping Lanes [Электронный ресурс] // The National, 28.06.2012. Режим доступа:

<http://www.thenational.ae/news/world/middle-east/saudi-arabia-reopens-iraq-pipeline-to-bypass-gulf-shipping-lanes>

³⁵ Mulligan W.E. A Kingdom and a Company // Saudi Aramco World. May/June 1984. P. 44–72.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СТРАН
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Средиземноморье – один из очагов человеческой цивилизации, один из ранних и основных районов мировой торговли. Его влияние на экономические процессы в мире остается важным и сегодня, в эпоху глобализации. Одновременно Средиземноморье в последние годы стало одним из центров мировой напряженности, что связано с обострением международных противоречий здесь.

Частью этого региона являются страны Европейского Союза, один из главных локомотивов мировой экономики и самый масштабный интеграционный проект в истории человечества на сегодняшний день. Экономические отношения государств Старого Света с их южными соседями – это, безусловно, один из определяющих факторов, от которого в значительной степени будет зависеть будущее многих европейских, африканских и некоторых иных государств.

В Новое время одной из форм межгосударственного взаимодействия в регионе стали отношения в форме колоний (Франция и Алжир) и протекторатов (Франция, Испания и Марокко, Франция и Тунис, Италия и Ливия, Великобритания и Египет). После обретения независимости Египтом в 1922 году, а в 1950-е и 1960-е годы и остальными государствами Северной Африки, тесные экономические связи с европейскими странами были сохранены. Правда, сам характер этих отношений и их структура были значительно деформированы.

Приоритетными направлениями сотрудничества Ливии и Алжира с европейскими странами стал экспорт углеводородов и инвестиции в нефтегазовый сектор. Алжир после обретения независимости перестал быть крупным экспортером сельскохозяйственных товаров в Старый Свет, однако в Египте, Марокко и Тунисе экспорт этой продукции остался важным

направлением внешнеэкономической политики. Марокко является серьезным экономическим партнером европейских стран, в первую очередь Испании, в области рыболовства.

Доля стран ЕС в общем объеме экспорта Алжира, Туниса и Марокко составляет сегодня от 60 до 70%, что формирует от 20 до 30% их ВВП. В Ливии до событий 2011 года европейцы занимали 70% в общей доле экспорта. В четырех упомянутых странах это самый высокий показатель среди всех государств-соседей ЕС, то есть их зависимость от европейцев самая высокая в мире. По этой причине экономическая ситуация в ЕС оказывает существенное влияние на страны Магриба, что особенно проявляется в течение последнего десятилетия ввиду замедления экономического роста в странах Старого Света.

Чрезмерно высокая экономическая зависимость от ЕС при всех ее преимуществах влечет за собой и негативные факторы в виде ограничения региональной интеграции, развития экономических отношений с иными регионами, особенно с африканскими странами.

В Египте ситуация немного отличается от стран Магриба: доля европейских стран в общей структуре экспорта составляет 29,4% (данные 2015 года)¹.

Одновременно граждане европейских стран являются основными потребителями туристических услуг Марокко, Египта и Туниса: количество европейцев превышает 50% от общего числа иностранных туристов в этих странах. Это оказывает значительное влияние на экономическую ситуацию в них (туризм формирует соответственно 11; 7,5 и 7,3% ВВП Египта, Марокко и Туниса).

В случае Марокко и Туниса европейские страны представляют собой главное направление для трудовых мигрантов, где денежные переводы являются важным источником доходов, формируя до 6% ВВП.

Важную роль играют и европейские инвестиции.

В Алжире доля инвестиций со стороны стран-членов ЕС составляет 22% от общего объема прямых иностранных инвестиций, измеряемого в денежном выражении (данные приведены за период 2002–2015 гг.)², большая часть их приходится на проекты в области геологоразведки и добычи углеводородов.

В Марокко и Тунисе этот показатель оценивается соответственно в 60% и 80%³. Помимо энергетических проектов, сфе-

рами для инвестирования являются сектор недвижимости, объекты туристической и транспортной инфраструктуры.

Таким образом, европейские страны остаются ключевым партнером государств Северной Африки.

Сохранится ли такое положение дел в последующие годы и в каком направлении будет развиваться это сотрудничество в дальнейшем?

С целью ответа на этот вопрос целесообразно выявить основные факторы, которые, по мнению автора, будут иметь наибольшее влияние на дальнейшую экономическую интеграцию в Средиземноморье по линии Север-Юг.

Наиболее важный фактор – это **особенности демографической ситуации в обоих регионах**, которые прямо противоположны друг другу, но в обоих случаях характеризуются наличием серьезных демографических проблем. В Европе это выражено в виде низкой рождаемости на фоне увеличения продолжительности жизни, и, как следствие, происходит быстрое снижение количества трудоспособного населения на фоне повышения количества лиц пенсионного возраста. Согласно прогнозам, при увеличении общего количества населения в странах ЕС с 510 млн человек сегодня до 520 млн человек к 2050 году число трудоспособных лиц уменьшится с 337 млн до 289 млн. Даже с учетом дальнейшего технологического прогресса полностью решить проблему такого крупного дефицита рабочей силы без привлечения дополнительного предложения вряд ли возможно. И наиболее подходящий вариант для этого – Турция, страны Северной Африки и некоторые иные, где демографическая ситуация характеризуется быстрыми темпами прироста на фоне высокого уровня безработицы. Согласно прогнозам, общее количество населения Египта, Марокко, Туниса, Ливии и Алжира увеличится со 163 млн человек в 2012 году до 312 млн человек к 2050 году.

Очевидно, что с учетом описанных выше прогнозов значительная часть спроса на рабочую силу будет удовлетворяться за счет трудовых мигрантов из Северной Африки. В Марокко и Тунисе трудовая миграция в ЕС уже является важной частью экономики, формируя более 5% ВВП. Египет – лидирующая страна по количеству выезжающих трудовых мигрантов за рубеж, но их основным направлением являются монархии Аравийского полуострова. Однако экономические условия в Саудовской Аравии и иных нефтедобывающих монархиях обуславливают

высокую вероятность того, что потребность в иностранной рабочей силе там будет значительно снижена в последующие годы. В пользу этого свидетельствуют некоторые заявления представителей саудовского правительства в последние месяцы о намерениях ограничить зарубежную трудовую миграцию. В связи с этим можно предположить, что значительно возрастет количество египтян, желающих получить работу в странах Европы.

Аналогичную тенденцию можно прогнозировать и в Ливии, что связано с развалом страны и деградацией ее экономики. В настоящее время до двух миллионов ливийцев находятся на территории Туниса, но вечно такое положение дел оставаться не может, а их возврат в свою страну проблематичен из-за продолжающейся там гражданской войны.

С учетом вышесказанного можно прогнозировать продолжение увеличения потока трудовых мигрантов в страны ЕС, что обуславливается в первую очередь экономическими аспектами, а не политическими взглядами.

Также с учетом кризиса в отношениях турецкого руководства с европейскими странами, усугубившегося в течение последних двух лет, возможно снижение нового потока турецких мигрантов в Европу в пользу граждан стран Северной Африки.

Однако влияние на рынок труда – только одно из последствий демографических особенностей стран Северной Африки.

Увеличение населения в регионе неуклонно ведет к росту внутреннего спроса на продовольствие, энергию, недвижимость и т.д.

Эти факторы уже значительно влияют на экономический потенциал стран. Так, высокие темпы роста внутреннего спроса на энергию в Египте на фоне стагнации показателей добычи углеводородов в конце 2000-х годов превратили этого крупного экспортера природного газа в импортера и значительно изменили структуру доходов и расходов арабской республики. Аналогичная тенденция наблюдается в Алжире, хотя последствия этого пока меньших масштабов.

Рост спроса на энергию, который в странах Северной Африки оценивается в среднем как 7% в год, повлечет за собой необходимость инвестирования в электрогенерирующие мощности, в добычу и развитие альтернативных источников энергии. И здесь будет возникать необходимость привлечения иностранных подрядчиков и специалистов, в том числе из евро-

пейских стран. Однако потенциал дальнейшего использования традиционных энергоносителей ограничен: регион беден гидроресурсами, запасы углеводородов истощаются, расширение использования угольных электростанций подвергается критике из-за экологических опасений.

Главным решением проблемы дефицита энергии, по мнению автора, должны стать атомная энергетика, энергопроизводящие мощности, использующие газ (прежде всего СПГ), солнечная и ветряная энергетика (далее по тексту – ВИЭ). За исключением последнего, страны Северной Африки не обладают ресурсами для их развития, а также необходимыми технологиями для их импорта, переработки и использования. Предоставить эти технологии могут только развитые страны, особенно европейские. Однако они не являются монополистами в этой сфере, поэтому за долю рынка в энергетическом секторе стран Северной Африки уже существует конкуренция между европейскими, корейскими, китайскими, российскими и американскими производителями, которая будет обостряться в последующие годы.

Важным последствием роста населения будет и увеличение спроса на продовольствие, что, с одной стороны, окажет негативное влияние на потенциал экспорта сельскохозяйственной продукции, с другой стороны, вызовет рост импорта некоторых видов продовольствия, прежде всего зерновых. Доля европейских стран, особенно Франции, высока в структуре импорта последних.

Согласно прогнозам, со временем будет возрастать доля урбанизированного населения в странах Северной Африки, что также потребует инвестиций в строительство соответствующей инфраструктуры, которые могут предоставить европейские страны, Турция, Китай.

В целом увеличение населения будет обуславливать рост значения стран Северной Африки как рынков сбыта различных видов товаров и услуг и негативно влиять на их дальнейший экспортный потенциал.

Следующий фактор – **политические потрясения, начавшиеся в 2011 году в странах Ближнего Востока**. В 3 из 5 исследуемых стран эти события привели к революциям, а в Ливии закончились гражданской войной и фактическим прекращением функционирования института государства.

Говоря о последствиях для экономики, стоит отметить, что эти политические потрясения обусловили недостаточное вни-

мание со стороны правительств стран Северной Африки к экономической политике на протяжении нескольких лет и породили страх перед проведением экономических реформ, что негативно сказывается на ситуации в экономиках Туниса, Египта и Ливии.

Несмотря на принятие программ экономических реформ, в Египте и Тунисе значительная их часть проводится недостаточно эффективно по сравнению с ожиданиями, либо их реализация замедлилась, что объясняется относительной слабостью государственных институтов после революции. В Тунисе к таковым реформам следует отнести попытку изменить системы субсидирования топлива, налогообложения, инвестиционной привлекательности, усиления контроля за банковским сектором.

Относительно активная экономическая политика на протяжении последних 5 лет наблюдалась только в Марокко, где успешно проведен ряд реформ. Среди них – снижение объемов субсидирования топлива и продуктов питания (с 6% в 2012 году до 2% в 2015 году), реформация налогообложения и пенсионной системы, улучшение инвестиционной привлекательности, реализуются проекты в области развития транспортной и туристической инфраструктуры, сельского хозяйства, развития ВИЭ.

Также во всем регионе ухудшилась ситуация с безопасностью и возросла угроза терроризма, что повлияло на инвестиционную привлекательность и обусловило тенденцию по снижению иностранных, в том числе европейских, туристов. Так, в 2011 году количество въезжающих туристов в Египет снизилось с 14,7 млн в 2010 году до 9,8 млн, в Тунисе – с 7,1 млн до 4,7 млн. Позднее показатели посещаемости улучшились, но уровня 2010 года достичь не удалось. Кроме того, темпы восстановления доходов туристической отрасли заметно отстают от роста количества посещений: в условиях снижения туристической привлекательности предприятия индустрии вынуждены снижать цены. Немного лучше ситуация в Марокко, где количество туристов увеличилось с 8,7 млн в 2010 году до 10,3 млн в 2014 году, однако темпы роста отрасли замедлились по сравнению с предыдущим десятилетием. При этом во всех трех государствах больше половины иностранных туристов являлись гражданами стран ЕС. В целом из-за угроз безопасности все больше европейцев предпочитают альтернативные ту-

ристические направления, в первую очередь внутренние европейские. Вероятно, эта тенденция продолжится в ближайшие годы.

Интересным аспектом является и влияние «арабской весны» на объемы внешних инвестиций в странах региона. К сожалению, имеющиеся открытые источники по данному вопросу считаются противоречивыми и ненадежными, поэтому предоставить точные статистические данные довольно сложно.

Однако стоит выделить следующие аспекты. По итогам 2011 года наблюдалось значительное (более 25%) сокращение притока иностранных инвестиций во всех странах региона по сравнению с предыдущим годом. Однако уже в 2012 году их объем в стоимостном выражении вновь стал увеличиваться. За исключением ливийского случая, где поток внешних инвестиций вновь начал снижаться уже с 2013 года, страны региона в значительной степени восстановили свою инвестиционную привлекательность. Наибольших успехов сумел добиться Египет, который в 2016 году, согласно некоторым утверждениям, вошел в пятерку ведущих стран мира по объему привлеченных внешних инвестиций⁴.

Таким образом, за исключением Ливии, «арабская весна» оказалась сильным, но не смертельным ударом по инвестиционной привлекательности стран Северной Африки.

При этом важной стороной является структура источников внешних инвестиций. Если в стоимостном выражении инвестиционный поток был восстановлен, то уже с 2012 года четко наметилась тенденция по снижению европейской доли в общем объеме инвестиций в пользу аравийских монархий и, в меньшей степени, Китая⁵. Хотя по общему количеству инвестиционных проектов европейцы пока занимают лидирующие позиции в Северной Африке, стоимостные показатели новых инвестиционных проектов европейцев, китайцев и монархий Аравийского полуострова начиная с 2012 года оцениваются как эквивалентные друг другу.

Однако и это явление пока не стоит воспринимать как долгосрочную экономическую тенденцию: качество инвестиций со стороны стран Залива принципиально отличается от инвестиций со стороны европейских государств. К примеру, если стоимостные объемы европейских и арабских инвестиций остаются примерно на одинаковом уровне, то последние значительно уступают первым по количеству реализуемых проектов, со-

зданных рабочих мест и показателям рентабельности и экономической эффективности. Кроме того, значительная часть инвестиций со стороны аравийских монархий, особенно в египетскую экономику, обуславливается в первую очередь политическими, а не экономическими причинами. Как долго это еще продлится, сказать сложно, ввиду чего структура источников инвестирования может вновь измениться в последующие годы.

Иная ситуация с китайскими инвесторами, однако их увеличение здесь связано не столько с последствиями «арабской весны», сколько с укреплением общих позиций самого Китая.

Определенные беспокойства вызывает и **возможность замедления дальнейшей экономической интеграции между странами ЕС из-за роста общественных настроений, называемых евроскептицизмом**. Одним из самых резонансных событий, связанных с этими настроениями, стал референдум, проведенный в 2016 году в Великобритании и завершившийся победой сторонников выхода из ЕС. Пока говорить о распаде ЕС как политического образования рано, но процесс дальнейшей европейской интеграции может замедлиться. Это вряд ли станет причиной охлаждения экономических отношений отдельных стран-членов ЕС и Северной Африки в двустороннем формате, но способно повлиять на экономическое сотрудничество ЕС как единого политического образования со всеми своими соседями, в том числе со странами Северной Африки.

В качестве фактора, оказывающего влияние на экономическую кооперацию с ЕС, следует рассматривать **крайне низкий уровень внутренней региональной интеграции** в Северной Африке.

Так, в государствах-членах Союза Арабского Магриба (Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия) объемы торговли между ними сегодня не превышают 3% от общего объема торговли этих пяти государств, что является одним из самых низких показателей в мире и очень нехарактерным явлением для современной экономики. К примеру, в странах ЕС аналогичный показатель достигает 60%, в странах АСЕАН – 22%, в странах ЭКОВАС – 20%, в странах САДК – 30%.

Созданный в 1989 году Союз Арабского Магриба (САМ) сегодня оценивается как реально не функционирующая и не влияющая на процессы в регионе организация. С 1994 года саммиты глав государств-членов этой организации не проводятся.

В последние годы наметилась некая активизация этой организации, но она посвящена скорее аспектам безопасности, нежели экономическим вопросам.

Причины такого положения дел следует искать в особенностях исторического развития стран региона, чрезмерно высокой зависимости от европейских стран, что заставляет страны Северной Африки конкурировать друг с другом за позиции на европейских рынках, также сказывается и отсутствие серьезных экономических стимулов для региональной интеграции.

Хотя лидеры ЕС регулярно заявляют о необходимости дальнейшего расширения процесса интеграции в странах Магриба, но в целом их выгода от этого будет ограниченной: какие-либо общие крупные проекты на повестке дня не стоит. Региональные объединения, которые теоретически способствуют дальнейшей интеграции (Союз для Средиземноморья, Группа 5 + 5, Европейская политика соседства), направлены на углубление взаимодействия по линии Север – Юг, а не Юг-Юг, а потому практически никакого влияния на интеграционные процессы в Северной Африке не оказывают. Поэтому европейцы вряд ли будут стимулировать дальнейшую региональную интеграцию в странах Северной Африки.

Расширение региональной кооперации в странах Северной Африки в ближайшие годы более возможно не в экономике, а в сфере безопасности, особенно с учетом угроз последних лет.

Важным фактором является **повышение роли ВИЭ в мировой энергетической политике.**

Северная Африка – один из самых привлекательных регионов для развития солнечной энергетики с точки зрения благоприятных климатических условий. Внимание к ее потенциалу повысилось еще в 2000-е годы, что было связано со знаменитым проектом Desertec.

Эта идея предполагала строительство большого количества ветряных и солнечных электростанций на территории Сахары, Аравийского полуострова и некоторых иных районов Африки и Ближнего Востока общей мощностью более 100 ГВт. Значительная часть произведенной электроэнергии должна экспортироваться в Старый Свет по дну Средиземного моря и удовлетворять до 20% потребности европейских стран в электроэнергии. Общая стоимость проекта оценивалась в 400 млрд евро, срок реализации – до 2050 года. Однако эта идея оказалась пока слишком сложной с экономической, технологической

и политической точек зрения, поэтому ее практическую реализацию можно назвать несостоявшейся.

Однако солнечная и, в меньшей степени, ветряная энергетика – очень привлекательные направления для инвестирования в Северной Африке.

Во-первых, в условиях высокого роста внутреннего спроса на энергию применение оборудования, производящего электричество из ВИЭ, – один из способов обеспечить население электроэнергией, особенно в сельской местности, не имеющей доступа к электросетям. Поэтому правительства стран Северной Африки заинтересованы в дальнейшем развитии этого сектора и принимают меры стимулирующего характера для этого, что особенно касается импорта соответствующих технологий и оборудования.

Во-вторых, себестоимость производства ВИЭ снижается с каждым годом, что повышает ее привлекательность.

В-третьих, борьба с проблемами в области экологии, в том числе с глобальным потеплением, признана одним из приоритетных направлений в Европе. Правительства стран ЕС готовы стимулировать эту борьбу, в том числе у своих соседей, при этом ее центральным направлением является поддержка развития ВИЭ.

В-четвертых, в этом есть серьезная экономическая заинтересованность европейских производителей ВИЭ, для которых Северная Африка и Африка вообще – огромное поле для расширения своего бизнеса.

Очевидно, что сектор ВИЭ в Северной Африке станет расширяться в дальнейшем, а импорт соответствующих технологий и оборудования из европейских стран будет увеличиваться.

В последние годы отчетливо обозначается влияние **фактора глобального изменения климата**. Эта проблема является предметом дискуссий в научных и экспертных кругах, особенно в России, а оценки ее масштабов расходятся от самых катастрофических до скептицизма. Но в странах ЕС проблема глобального потепления уже признана на самом высоком политическом уровне и рассматривается в числе одних из глобальных вызовов человечеству, и для минимизации этой угрозы правительствами принимаются серьезные меры.

В числе угроз, связанных с климатическими изменениями в странах Северной Африки, указывается увеличивающийся дефицит воды и экспансия пустынь, что создает проблемы

прежде всего для сельского хозяйства и продовольственной безопасности. Ситуация значительно усугубляется высокими темпами роста населения, чрезмерно активной эксплуатацией водных ресурсов, экономическими проблемами, которые не позволяют в полной мере реализовывать проекты в сфере экологии. Согласно некоторым прогнозам, к 2020 году объемы поверхностных и грунтовых вод в регионе уменьшатся на 20%, а среднегодовое значение температуры воздуха увеличится на 1,5 градуса к 2050 году, при этом данный показатель в последнее десятилетие был на 1 градус выше, чем в предыдущие⁶.

И правительства стран Северной Африки относятся к этим угрозам со всей серьезностью. Так, руководство Алжира 2003 году приняло План адаптации к изменению климата, который обновлен в 2013 году. Он предполагает широкий комплекс мер, направленный на развитие ВИЭ, внедрение инновационных технологий в секторе ирригации и сбережения воды, восстановление лесов и снижение эмиссии газов на предприятиях промышленности⁷.

Статья 45 Конституции Туниса, принятой в 2013 году, указывает на обязанность государства принимать меры по противодействию загрязнению окружающей среды. В 2014 году отмечалось, что Тунис являлся третьей страной в мире, которая внедрила подобные положения в свой основной свод законов (другие – Доминиканская республика и Эквадор). Этот шаг, предпринятый тунисскими властями, связывался именно с необходимостью бороться с последствиями глобального потепления⁸.

В планах правительства Туниса – широкий комплекс мер, в том числе по развитию ВИЭ, инвестициям в системы ирригации, переселению граждан в более благоприятные районы. Требуемый объем инвестиций на период до 2020 года – 18 млрд долл. США, около 80% которых должны быть вложены в сектор энергетики. Значительные надежды (до 90% от требуемого объема финансовых вложений) возлагаются на помощь из-за рубежа.

Наибольших успехов в борьбе с глобальным изменением климата добилось Марокко. В-частности, это первая арабская страна, взявшая на себя обязательства по снижению эмиссии загрязняющих веществ в атмосферу. С этой целью правительство страны планирует ряд мероприятий, направленных на стимулирование развития ВИЭ. Кроме того, разработан ряд законодательных инициатив в области энергетики и сельского

хозяйства, направленных на борьбу с последствиями глобального изменения климата.

Таким образом, наличие общей угрозы в лице климатических проблем признано как в Европе, так и в Северной Африке. И это будет стимулировать дальнейшую кооперацию, в том числе экономическую, в этой сфере.

Кроме того, в связи с наличием проблемы дефицита водных ресурсов важным направлением сотрудничества стран ЕС и Северной Африки может стать экспорт продукции и технологий опреснения воды, систем ирригации, сбережения воды и т.д.

Следующий фактор – это **рост экономического потенциала всех государств Африки**, что связано в первую очередь с демографической ситуацией: общий показатель населения на континенте к 2050 году должен достичь 2,4 млрд чел. вместо 1,1 млрд в 2015 году. Сегодня уровень интегрированности стран Северной Африки со своими южными соседями крайне низок. К примеру, доля торговли со странами континента, расположенными южнее Сахары, составляет 3–4% в общих объемах внешней торговли рассматриваемых в исследовании стран⁹. Количество совместных инвестиционных проектов также ограничено.

Это обусловлено в первую очередь тем, что еще с колониальных времен усилия Египта, Ливии, Алжира, Туниса и Марокко были направлены на расширение интеграции с государствами европейского континента, и получение независимости в середине XX века не повлияло кардинальным образом на эту тенденцию: страны Африки оставались не в фокусе их экономических политик. Исключение составляла Ливийская Джамахирия, которая проводила более активную политику на своем южном направлении, но и ее возможности были ограничены, а после событий 2011 года об этих экономических инициативах можно забыть на обозримую перспективу.

Как следствие, отсутствует необходимая инфраструктура для интеграции в африканском направлении, нет наработанного опыта взаимодействия, не развиты институциональные основы и даже нет четкого понимания, в каких именно направлениях стоит развивать экономические отношения государств Северной Африки со своими южными соседями.

Но понимание негативных последствий такого многолетнего пренебрежения своим континентом у правительств стран

Северной Африки в последние годы появилось. Это выражается в соответствующих заявлениях членов правительств и депутатов парламентов, в проведении совместных конференций, форумов и иных мероприятий с участием чиновников, экспертов и представителей бизнеса. В некоторых случаях удастся достичь заключения межправительственных соглашений или меморандумов о намерениях развивать экономическое сотрудничество, причем в самых разных сферах. Однако серьезного эффекта эти договоренности пока не оказывают: образовавшийся в результате десятилетий почти полного отсутствия взаимодействия интеграционный разрыв невозможно преодолеть в течение короткого времени. Кроме того, имеется серьезный дефицит инвестиционных ресурсов, что тоже ограничивает дальнейшую интеграцию.

По мнению автора, страны Северной Африки могут в перспективе стать важным транспортным коридором для торговли между государствами Европы и Африки.

Пока наибольшего успеха в качестве «экономических ворот в Африку» сумел добиться Египет по ряду причин. Главная – то, что на его территории расположен Суэцкий канал, пока самый оптимальный логистический маршрут из Европы в Восточную Африку, а с началом войны на территории Сирии – и в страны Аравийского полуострова.

Вероятно, значение этого логистического коридора будет только повышаться со временем, хотя пока затруднительно сказать, какими темпами.

Как успешный и перспективный шаг на африканском направлении можно охарактеризовать подписание в Каире в июне 2015 года Трехстороннего соглашения о намерении создать зону свободной торговли между 26 африканскими государствами, на которые приходится 51 % от общего ВВП стран Африки.

В случае подписания соглашения о создании зоны свободной торговли оно будет означать проведение мероприятий по снижению ввозных барьеров, количественных ограничений, реформированию транзитных механизмов, оптимизации работы платежных систем¹⁰. По некоторым оценкам, это позволит стимулировать торговый оборот на 1 трлн долл. США в масштабах Африки. В 2015 году заявлялось, что Соглашение о свободной торговле будет подписано в 2017 году, но пока какая-либо более свежая информация об этом отсутствует.

Конечно, даже в случае заключения Соглашения о свободной торговле ощутимый эффект от него будет в лучшем случае через несколько лет. Тем не менее это один из самых важных интеграционных проектов в масштабах континента, и работа по его продвижению медленно, но идет, а Каир играет здесь одну из самых важных ролей.

В 2015 году Египет также озвучил идею создать судовой маршрут по реке Нил, который должен соединить озеро Виктория и Средиземное море. Длина маршрута должна составить около 4 000 км, стоимость от 10 до 12 млрд долл. США, а сроки завершения – 2024 год. Предполагается сооружение портовой и навигационной инфраструктуры вдоль всего Нила. Заинтересованность в проекте проявили 10 стран, расположенных в бассейне реки Нил, в том числе в январе сего года официально к нему присоединилась Эфиопия.

Проект позиционируется как практическая сторона идеи «Африка без границ» и должен стать частью транспортного коридора Каир-Кейптаун. Однако пока источника финансирования не найдено, а вероятность реализации этого проекта не следует оценивать как высокую с учетом огромной по африканским меркам стоимости.

В Алжире из интеграционных проектов в направлении юга следует выделить 2 инициативы: строительство Транссахарского газопровода и Транссахарской автомагистрали.

Наиболее близок к завершению проект Транссахарской автомагистрали из города Алжира в Лагос протяженностью около 4 500 км, причем более 80% магистрали уже построено. Правда, качество значительной части дороги характеризуется как не отвечающее современным требованиям по эксплуатации и безопасности¹¹. В глобальном масштабе она должна способствовать развитию Африки, это один из главных инфраструктурных проектов, курируемых Африканским Союзом. Помощь в его реализации оказывает Африканский Банк Развития, хотя основные усилия этого финансового института направлены в помощь Нигерии и Нигеру, в Алжире он ограничен незначительными и малозначимыми проектами. Однако европейцы активного интереса к строительству этой автомагистрали не проявляют, а реализация силами африканских стран идет очень медленно.

Транссахарский газопровод предположительной длиной 4 128 км должен был обеспечить доставку газа из Нигерии че-

рез территорию Нигера в Алжир, откуда по существующим мощностям топливо будет транспортироваться в Испанию и иные европейские страны. Предполагаются поставки в объемах от 20 до 30 млрд куб. м/год, что может значительно изменить систему газовых поставок в Европу.

Первые предложения о строительстве этого газопровода звучали еще в 1970-х годах, но внимание к нему повысилось в нулевых годах. В 2009 году в Абудже подписано межправительственное соглашение между Нигерией, Алжиром и Нигером, при этом SONATRACH и Nigerian National Petroleum Corporation владеют 90% акций, остальные 10% принадлежат правительству Нигера. Стоимость проекта оценивалась от 10 до 14 \$ млрд, еще 3 \$ млрд потребуется на строительство центров по сбору и распределению газа. В 2012 году заявлялось, что газопровод будет сооружен уже в 2015 году¹², однако на сегодняшний день его строительство так и не начато.

Интеграции Марокко и африканских стран значительно препятствует проблема Западной Сахары. С одной стороны, наличие этого территориального спора осложняет отношения Рабата со странами-членами Африканского союза. С другой стороны, эти территории являются географическим буфером между Марокко и странами Западной Африки, а их статус и угроза возобновления военных действий препятствуют привлечению инвестиций, в том числе в развитие транспортной инфраструктуры. Хотя Рабат заявлял о намерении привлечь средства в сооружение железной дороги в направлении стран Западной Африки, пока интереса к этому никто не проявлял, а способность королевства в самостоятельной реализации таких проектов сомнительна.

В 2016 и 2017 годах произошли кардинальные изменения в экономической и политической стратегии Рабата на африканском направлении, которые заключаются в повороте к расширению сотрудничества и попытках укрепить позиции Марокко в африканских странах.

Практическими шагами стало возобновление членства Марокко в организации Африканский Союз в январе 2017 года, открытие новых дипломатических представительств на континенте, активизация попыток трансформировать позиции руководителей африканских государств по вопросу признания Западной Сахары, некоторые экономические инициативы, а также визиты короля Мухаммеда VI в ряд африканских стран.

Самым резонансным соглашением стала идея соорудить газопровод вдоль побережья Западной Африки, озвученная в ходе визита марокканского короля в Нигерию. Пока лишь достигнута договоренность о проведении совместными усилиями двух стран исследования на предмет возможности строительства такого газопровода для доставки природного газа из Нигерии в Марокко и обеспечения им стран, чья территория будет использоваться для транзита. Указывается и на возможность дальнейшего экспорта нигерийского газа по этому маршруту в страны ЕС через территорию Марокко. Однако вероятность реализации этого проекта не следует воспринимать как высокую с учетом африканских условий.

Более оптимистичные перспективы развития сотрудничества Марокко и Африки имеются в сфере производства и поставки фосфорных удобрений. По запасам фосфатов королевство занимает первое место в мире (до 75% мировых запасов фосфоритов расположены в недрах Марокко) и второе место по производству фосфатов (30 млн тонн в 2014 году).

Возможна и дальнейшая кооперация Марокко со странами ЕС, имеющими более совершенную технологическую базу в сфере производства сельскохозяйственных удобрений.

Однако больше таких перспективных сфер для расширения сотрудничества между Марокко и африканскими странами нет.

Все вышеперечисленные инфраструктурные проекты очень нужны континенту, как нужно и углубление интеграции между странами Северной и Южной Африки.

Но пока их реализация или не осуществляется совсем, или идет крайне медленными темпами.

Важно понимать еще одно: к интеграционным проектам в Африке по линии север – юг интерес иностранных инвесторов (европейских, китайских, арабских и иных) пока очень невысок. А это означает, что в реализации всех подобных инициатив Африка должна полагаться только на свои силы, которые очень ограничены.

Фактором, способным повлиять на экономические отношения государств Северной Африки и ЕС, является **укрепление позиций третьих стран в Северной Африке.**

В первую очередь речь идет о Китае, экономические контакты с которым страны региона стали активно развивать в начале XXI века.

В качестве наиболее важного и раннего партнера Китая в Северной Африке стоит рассматривать Алжир, который одним из первых на континенте установил близкие политические отношения с Пекином. Торговый оборот КНР и Алжира увеличился с 272 млн долл. США до 9 млрд долл. США в 2015 году¹³. Пекин на протяжении последних нескольких лет является лидером по экспорту в арабскую республику (8,22 млрд долл. США по итогам 2015 года) и укрепляет позиции здесь, в отличие от европейских стран. Главные статьи экспорта – оборудование для геологоразведки и добычи углеводородов, автомобильная продукция, средства связи, телевизионная и компьютерная продукция, одежда и предметы быта. Инвестиционные проекты КНР превышают 14 млрд долл. США, что значительно уступает европейским партнерам. Наиболее крупные инвестиционные проекты связаны со строительством дорожной и иной инфраструктуры. На территории Алжира трудятся около 50 тыс. граждан КНР.

Активно развивалось сотрудничество КНР и Ливии, где по состоянию на март 2011 года насчитывалось 50 совместных проектов общей стоимостью до 50 млрд долл. США. Но разразившаяся война положила конец китайскому присутствию в этой североафриканской стране.

Укрепление экономических позиций Китая в Африке уже стало уверенной тенденцией. Причем если раньше Пекин проявлял интерес главным образом к странам, богатым углеводородами, то теперь эта ситуация изменилась: Китай стремится расширить как географическую, так и отраслевую карту своего присутствия здесь. Ожидается, что объемы торговли Черного Континента и Китая достигнут 400 млрд долл. США к 2020 году, а объемы прямых инвестиций в африканские страны будут не меньше 100 млрд долл. США к тому же году.

Частью этой тенденции можно считать углубление экономических отношений КНР с Марокко.

В мае 2016 г. состоялся официальный визит марокканского монарха Мохаммеда VI в Китай, где прошла его встреча с председателем КНР Си Цзинпином. Стороны подписали совместное заявление о создании стратегического партнерства между двумя государствами, меморандум о взаимопонимании в вопросах создания экономической и индустриальной особой зоны и 15 соглашений в различных областях.

Китай интересен Марокко как крупный инвестор в инфраструктурные проекты, в развитие денежно-кредитной системы,

как потребитель туристических услуг, поставщик широкого ассортимента товаров и в некоторой степени рынок сбыта. Соглашение о стратегическом партнерстве предполагает углубление кооперации в нефтяной отрасли, добывающей промышленности, в области защиты окружающей среды, морского рыболовства, строительства инфраструктуры и цифровых коммуникаций.

Главным инвестиционным объектом остается Tangier-Med, представляющий из себя расширение мощностей транспортного центра в Танжере с целью превратить его в крупнейший порт в Африке. Реализуется ряд иных проектов в сфере энергетики, транспорта, строительства.

Отмечается, что на сегодняшний день 30 китайских компаний уже ведут бизнес в королевстве, главным образом в сфере информационных технологий и телекоммуникаций. В этих компаниях трудятся 1100 граждан Китая и 3 000 граждан Марокко. Общий объем инвестиций со стороны Китая на сегодняшний момент оценивается в 200 млн долл. США.

Марокко, Тунис и Египет принимают различные меры для привлечения все большего количества туристов из КНР.

Отличительной особенностью экономических отношений исследуемых стран и КНР является чрезмерно высокая доля китайского экспорта в двусторонней торговле (от 80 до 90%), что вызывает тревогу в правительствах стран Северной Африки.

Помимо расширения доступа к рынкам сбыта товаров и услуг, важным фактором для Китая является и географическая близость государств Северной Африки к ЕС, что может способствовать росту китайских позиций и на рынках стран Старого Света. Однако это не отвечает интересам европейцев, в связи с чем укрепление экономических связей Китая и Северной Африки вызывает тревогу в руководстве ЕС.

Можно предположить, что дальнейшая интеграция Китая и стран Северной Африки, особенно в части подписания соглашений о стимулировании торгового оборота, будет ограничиваться необходимостью учитывать интересы ЕС, который в совокупности является крупнейшим партнером стран Северной Африки. В случае пренебрежения интересами своих европейских партнеров нельзя исключать даже того, что ранее достигнутые договоренности с ЕС (например, соглашения об ассоциации или сельскохозяйственные соглашения) будут попросту аннулированы Брюсселем. Это будет очень чувствительным

ударом по экономикам североафриканских стран, компенсировать который Пекин не в состоянии.

С другой стороны, в случае продолжения тенденции по ослаблению ЕС как межгосударственного образования, особенно в связи с событиями вокруг Brexit, интеграционные процессы в Средиземноморье по линии Север-Юг значительно замедлятся и утратят свою привлекательность. Этим сразу воспользуется Пекин, который предпримет шаги для укрепления экономических позиций здесь, в том числе за счет сокращения европейского присутствия в Северной Африке.

В перспективе серьезную экономическую конкуренцию в странах Северной Африки может составить и Турция, уровень сотрудничества с которой можно охарактеризовать сегодня как отстающий от своего потенциала.

Таким образом, пока европейские страны остаются главным экономическим партнером стран Северной Африки, и категорических причин для прекращения этой тенденции нет. Однако вышеперечисленные факторы диктуют необходимость трансформации дальнейшей экономической интеграции, открытие новых перспектив для сотрудничества в условиях частичного ослабления экономических позиций европейцев здесь.

Институциональные основы интеграции ЕС и Северной Африки

Главным инструментом интеграции в Средиземноморье по линии Север-Юг является Европейская политика соседства, в рамках которой соглашения об ассоциации с Европейским союзом вступили в силу с Алжиром в 2005 году, с Египтом в 2001 году, с Марокко в 2000 году, с Тунисом в 1995 году.

Европейская политика соседства (ЕПС) является частью внешней политики ЕС. Ее цель – укрепление отношений и сближение с соседними странами для достижения общих целей.

ЕПС была разработана и утверждена Европейской Комиссией в 2004 году и впоследствии осуществлялась на основании Планов действий. Исполнительным органом для проведения финансовой составляющей ЕПС является «Европейский инструмент политики соседства» (The European Neighbourhood Instrument, ENI).

В 2011 году Европейская Комиссия запустила инициативу по изменению ЕПС, которая называлась «A new and ambitious European Neighborhood Policy». Необходимость этих изменений связывалась в первую очередь с политическими потрясениями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, называемыми «арабская весна», которые, по мнению руководства Европейским союзом, требовали нового подхода в политике отношений с соседями.

Пересмотр был предметом дискуссий и обсуждений представителей общественности, ученых, институтов ЕС, правительств и т.д. По итогам обсуждений в 2015 году было представлено Совместное Коммюнике от 18.11.2015 под названием «Пересмотр Европейской политики соседства».

В этом коммюнике отмечается, что за последние 12 лет во многих странах – соседях Европы произошли коренные сдвиги. Они имеют положительные стороны в виде начала широких реформ по повышению верховенства права и социальной справедливости. Но в то же время есть и отрицательные моменты в виде экономических потрясений, возникновения новых конфликтов, экспансии терроризма, всплесков нелегальной миграции и иных негативных последствий.

В одиночку противостоять этим вызовам, по мнению авторов коммюнике, странам Европейского союза сложно, поэтому преодолевать упомянутые выше вызовы необходимо совместными усилиями, для чего и принимается Новая ЕПС.

Наряду с укреплением соседских отношений ключевым направлением новой ЕПС становится помощь в стабилизации политических процессов в странах, являющихся соседями Европейского союза. Эта помощь должна выражаться в поддержке демократических реформ, движения в сторону максимальной открытости взаимных рынков, стимулировании экономического роста, расширении перспектив для молодежи. Большое внимание будет уделяться борьбе с изменением климата и улучшению положения дел в вопросах энергетической безопасности, а также реформированию системы безопасности в целях борьбы с терроризмом, преступностью, нелегальной миграцией¹⁴.

Алжир получает финансовую помощь от Европейского союза главным образом через ENI. Общая сумма этой поддержки на 2014–2017 годы была утверждена в размере от 121 до 148 млн евро (в зависимости от фактической потребности в них

и исполнения курса следования реформам). Эти деньги выделяются на следующие цели: реформа судебной власти, повышение участия граждан страны в политической и общественной жизни, реформирование рынка труда, поддержка диверсификации экономики и более эффективных методов экономического управления.

В 2014 году фактический объем выделенных денежных средств составил 26,3 млн евро, в том числе 9 млн евро на поддержку судебной власти, 7,3 млн евро на поддержку развития СМИ, 10 млн евро на поддержку системы образования.

В 2015 году аналогичный показатель составил 25 млн евро, в том числе на проведение экономических реформ и повышение инвестиционной привлекательности 17 млн евро и 8 млн евро на поддержку повышения уровня участия граждан страны в политической и общественной жизни.

Помимо ENI, финансовую помощь от Европейского союза Алжир получает через Чрезвычайный целевой фонд поддержки стабильности и ликвидации причин нелегальной миграции и перемещения лиц в Африке (EU Emergency Trust Fund for stability and addressing root causes of irregular migration and displaced persons in Africa, далее по тексту EFS). В настоящее время в странах Северной Африки действуют 3 программы общим бюджетом 27,5 млн евро, но Алжира касается только одна из них – Создание основы для регионального развития и региональной защиты (от нелегальной миграции) стоимостью 10 млн евро. Она реализуется во всех 5 ранее указанных странах Северной Африки. Пока она включает в себя мероприятия по улучшению взаимодействия государственного и частного секторов с целью оказания помощи потенциальным нелегальным мигрантам по поиску работы и некоторым иным вопросам социального характера.

Помимо Соглашения об Ассоциации с Европейским союзом, **Египет** в 2007 году подписал Совместный план действий с ЕС, который является основой для взаимодействия в политической, социальной и экономической сферах.

Финансовую помощь Египет также получает через ENI, ее объемы на 2014–2016 год были утверждены в суммах от 311 млн евро до 380 млн евро. Основные цели этой помощи: способствование ликвидации бедности, социально-экономическое развитие и социальная защита, стимулирование развития бизнеса, улучшение качества жизни и окружающей среды.

В 2014 году фактический объем помощи составил 115 млн евро, в том числе на программу газификации Египта – 68 млн евро, создание предприятия по переработке мусора в городе Кафр-эш-Шейх – 17 млн евро, программу расширения доступа к образованию и на защиту детей, находящихся в сложной ситуации, – 30 млн евро. Дополнительно в том же году было выделено 10 млн евро для целей борьбы с загрязнением окружающей среды.

В 2015 году аналогичный показатель достиг 105 млн евро, они были распределены на проекты в области развития возобновляемой энергетики (в том числе создание ветряной электростанции в городе Суэц), мероприятия в сфере защиты прав человека, совершенствование системы информационной политики.

Помимо ENI, Каир является основным участником программы упомянутого фонда EFS «Улучшение противодействия нелегальной миграции в Египте» стоимостью 11,5 млн евро. Программа подразумевает оказание помощи Египту в создании системы противодействия нелегальной миграции, включая создание органов администрации и институтов.

Ливия в 2014 году получила от ENI помощь в объеме 8 млн евро в целях поддержки правительственных органов. После 2011 года в Ливии дополнительно были реализованы 3 программы по поддержке гражданских свобод общей стоимостью 8,5 млн евро, которые проводились путем предоставления грантов из бюджета Европейского союза неправительственным организациям Ливии.

Фонд EFS также осуществляет проект по защите перемещенных лиц в Ливии стоимостью 6 млн евро.

Марокко, как и Египет, помимо Соглашения об ассоциации подписало с Европейским союзом Совместный план действий. Королевство также является привилегированным партнером ЕС в области политической и экономической кооперации. На период 2014–2017 гг. ENI утвердило объемы помощи в размере от 728 млн евро до 890 млн евро. По показателю объемов финансовой помощи в рамках политики соседства Марокко сегодня является ее самым крупным получателем.

Основными направлениями помощи королевству являются поддержка экономического роста, улучшение доступа населения к социальным услугам, поддержка демократических процессов и верховенства права.

В 2014 году ENI оказало Рабату финансовую помощь в объеме 218 млн евро, в том числе 90 млн евро на реформу системы здравоохранения, 70 млн евро на поддержку институтов судебной власти, 38 млн евро на поддержку строительства солнечной электростанции Уарзазат. Еще 20 млн евро в форме займа были предоставлены на развитие возобновляемой энергетики.

В 2015 году аналогичный показатель достиг 180 млн евро, в том числе 5 млн евро на реформирование мест лишения свободы, 130 млн евро на поддержку правительственных инициатив по стимулированию экономического роста, 45 млн евро на поддержку системы профессионального образования.

Тунис был первой страной Средиземноморья, подписавшей Соглашение об ассоциации с Европейским союзом в 1995 году.

На период 2014–2020 гг. ENI планирует оказать помощь Тунису в общем объеме от 725 млн евро до 886 млн евро. В 2014 году и в 2015 году объемы помощи достигли 234 млн евро.

Основные цели этой помощи – поддержка социально-экономических реформ, усиление демократических основ, вопросы общего развития страны.

Помимо ENI, Тунис является получателем финансовой помощи со стороны Umbrella Fund (функционирует в Европе), объемы которой достигли 50 млн в 2014 году и 71,8 млн в 2015 году. Хотя эта помощь не является элементом ЕПС.

В целом ЕПС выглядит более влиятельным и решительным инструментом, чем Союз для Средиземноморья, который по своей сути стал вспомогательной и аморфной структурой, реально не оказывающей никакого влияния на экономические процессы.

Одним из основных направлений ЕПС осталась поддержка институтов демократизации общества, органов судебной власти и социальной политики. В качестве новой тенденции стоит выделить повышение внимания к вопросам противодействия нелегальной миграции и поддержку развития сектора производства энергии из возобновляемых источников в некоторых странах Северной Африки. Вероятно, эти направления взаимодействия останутся приоритетными в ближайшие годы.

Еще один инструмент региональной интеграции – это Средиземноморский союз, созданный как символ новой политики соседских отношений 13 июля 2008 г. В него вошли 43 государства: 28 членов Европейского Союза, страны Средиземно-

морского бассейна, не входящие в Европейский Союз, а также Мавритания и Иордания. Штаб-квартира организации расположена в Барселоне. Основной сферой ее деятельности является экономика.

В настоящий момент роль этой организации сводится лишь к вспомогательным функциям, которые способствуют реализации той или иной инициативы. Никакого финансирования или инвестирования за счет своих средств эта организация не осуществляет.

Несмотря на громкие заявления политиков, которые связывали кардинальные перемены в процессе интеграции в Средиземноморье в связи с созданием Союза, роль этой организации очень скромна и не соответствует тем ожиданиям, которые возлагались на нее.

В рамках Союза сегодня функционирует 38 проектов. Основными и самыми растущими направлениями являются проекты, связанные с продвижением ВИЭ, с технологиями по использованию воды, со строительством городов, и проекты в области социальной политики (стимулирование образования, борьба с дискриминацией женщин и т.д.).

Однако проекты носят ограниченный характер и не способны кардинальным образом влиять на экономическую обстановку в регионе.

На взгляд автора, дальнейшее экономическое сотрудничество между европейскими странами и странами Северной Африки будет осуществляться в рамках политики каждой конкретно европейской страны, а не ЕС как политического образования. Сотрудничество в формате ЕС как наднационального института со странами Северной Африки в ближайшие годы будет углубляться в сфере безопасности, нежели в экономических вопросах.

---

¹ https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/1156/Egypt%20and%20the%20EU

² <http://www.andi.dz/index.php/en/declaration-d-investissement?id=395>

³ <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp010913>

⁴ <http://www.dailynewsegypt.com/2016/10/12/egypt-ranks-top-5-global-fdi-inflows-past-7-months-financial-times/>

⁵ <http://www.iemed.org/observatori/arees-danalisi/arxius-adjunts/anuari/iemed-2013/Noutary%20Lucon%20Foreign%20Investment%20Arab%20Spring%20EN.pdf>

- ⁶ http://cmsdata.iucn.org/downloads/morocco_1.pdf
- ⁷ <http://www.aps.dz/en/economy/8783-global-warming-algeria-wants-international-support-to-its-programme>
- ⁸ <http://science.time.com/2014/01/29/tunisia-recognizes-climate-change-in-its-constitution/>
- ⁹ <http://www.ocppc.ma/publications/reasons-between-morocco-and-sub-saharan-africa-what-potential-trade-and-foreign#.WMPX4IVOLIU>
- ¹⁰ <http://www.ictsd.org/bridges-news/bridges-africa/news/the-tripartite-free-trade-area-agreement-a-milestone-for-africa%E2%80%99s>
- ¹¹ <https://www.pwc.com/gx/en/transportation-logistics/publications/africa-infrastructure-investment/assets/algeria.pdf>
- ¹² <http://northafricapost.com/1510-trans-saharan-gas-pipeline-operational-by-2015-if-obstacles-overcome.html>
- ¹³ <https://globaledge.msu.edu/countries/algeria/tradestats>
- ¹⁴ Текст коммюнике взят из источника https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/pdf/key-documents/151118_joint-communication_review-of-the-enp_russian.pdf

ОБЗОР ДОКЛАДА БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА
«БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ВРЕМЯ НОВОГО РЕАЛИЗМА»

Парламент Великобритании призвал правительство дистанцироваться от «непредсказуемой» политики президента США Дональда Трампа на Ближнем Востоке. Правительству Великобритании было настоятельно предложено разработать новый подход для ведения политики на Ближнем Востоке и дистанцироваться от политики США, проводимой новым президентом. В докладе, названном «Ближний Восток: время нового реализма» [1], содержится призыв к серьёзному пересмотру политики Великобритании на Ближнем Востоке в период политической неопределённости, возникшей между Великобританией и США. Доклад был опубликован 2 мая 2017 года комитетом Палаты лордов (верхней палаты парламента Великобритании). Лорды сообщают о создании новых союзов в ближневосточном регионе, критике подходов к проблемам Сирии, «арабской весны» и продаже оружия в Саудовскую Аравию.

2 мая 2017 года министр иностранных дел Борис Джонсон выступил в Совете Безопасности ООН в Нью-Йорке со следующим заявлением: «Великобритания должна коренным образом пересмотреть свой подход к проблеме ближневосточного региона и потенциально дистанцироваться от «непредсказуемого» руководства Дональда Трампа» [2]. В докладе Комитета по международным отношениям было изложено, что политика США под руководством Д. Трампа не была конструктивной и представляла собой вызов внешней политике Соединённого Королевства.

Призывая Великобританию к созданию новых альянсов в регионе Персидского залива, Комитет по международным отношениям Палаты лордов, называет британскую политику в Сирии «путаницей и беспорядком» и предлагает уменьшить поставку вооружений в Иран и Саудовскую Аравию.

В своих конкретных рекомендациях в докладе говорится, что Борис Джонсон должен поддержать ядерную сделку с Ираном, которой недовольна администрация Д. Трампа, и признать Пале-

стину в качестве государства для ускорения израильско-палестинского мирного процесса. Комитет отметил, что перспективы мирного процесса в 2016 году «значительно ослабли» в результате позиций, занятых США и Израилем. В докладе приводятся аргументы двусмысленности администрации Д. Трампа, планы перевода американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим и назначение Дэвида Фридмана, защитника еврейских поселенцев, на должность посла США в Израиле. Это также указывает на «проблемную» политику Израиля и увеличение строительства еврейских поселений при премьер-министре Биньямине Нетаньяху, которая ставит под угрозу целостность потенциального палестинского государства.

В докладе говорится, что правительство Соединённого Королевства не продемонстрировало «прочности» в подходе к таким действиям со стороны Израиля, что ослабило свою поддержку дипломатических усилий ЕС по содействию новому мирному процессу под руководством Франции.

Бывший министр кабинета консерваторов лорд Хауэлл полагает, что «политика США в ближневосточном регионе – «дикая карта», и отмечает, что «Великобритания должна идти своим собственным политическим путём» [3].

Правительство, как говорится в докладе, чрезмерно полагалось на саудовские заверения относительно того, как оно использует британское оружие в войне в Йемене, заявив, что эта уверенность «не является адекватным способом выполнения обязательств Соединённого Королевства по договору о торговле оружием». В докладе содержится призыв к приостановке некоторых продаж оружия, если саудовцам не удастся быть более прозрачными в отношении использования британского оружия, а также прийти к полному пересмотру правительством вопроса о том, кто принимает решения в отношении лицензий на экспорт оружия.

Комитет отметил, что британское оружие неоднократно использовалось Саудовской Аравией и ее союзниками против гражданских лиц в йеменском конфликте.

Предложения доклада «Ближний Восток: время нового реализма»

В докладе говорится, что британская политика «в нынешнем виде не всегда приспособляется к новым условиям» и сохраняет «критические интересы» Великобритании в регионе

Ближнего Востока. Среди предположений можно отметить центральную роль внешних государств, таких как США, Китай и Россия, а также трансформацию традиционных государственных границ ближневосточного региона, «нарисованных столетие назад», которые теперь раздроблены и ослаблены. В докладе делается вывод о том, что «стратегическое значение Ближнего Востока» всё чаще определяется с точки зрения «глобальных угроз безопасности», перемещения населения из таких стран, как Сирия, Ирак и Йемен, а также «распространения терроризма и сектантского насилия».

Переосмысление политики обороны и безопасности Великобритании на Ближнем Востоке

Проект направлен на стимулирование возобновления споров по обороне и внешней политике Великобритании посредством современных технологий, основанных на фактических данных о вмешательстве. В нём рассматриваются способы, с помощью которых Великобритания может выступать в качестве ответственного глобального лидера и проводить международную стратегию, направленную на устранение коренных причин конфликтов, деградации окружающей среды и социальной несправедливости, включая маргинализацию, конкуренцию за ресурсы, милитаризацию. Такое преобразование в политике приведёт к тому, что Великобритания перестанет использовать силу незаконным и аморальным способами и будет добиваться прогресса в области обычного и ядерного разоружения на национальном и международном уровнях [4].

«Арабская весна»

Экономический кризис и воинственные мятежи являются иллюстрацией трудности «примирения политики Великобритании в области продвижения демократии, объединения её с авторитарными структурами власти».

Цитируя Нила Кромптона, директора отдела Ближнего Востока и Северной Африки Министерства иностранных дел и по делам Содружества, комитет признаёт, что многие из неблагоприятных социальных и экономических условий, которые привели к возникновению «арабской весны», остаются, и что «они действительно не были учтены ни одним из правительств в регионе».

Иранская сделка [5]

Комитет заявил, что Лондон должен оказать поддержку в отношении сделки с Ираном, которая была подписана между шестью мировыми державами – США, Великобританией, Францией, Китаем, Россией и Германией и сняла все санкции против Исламской Республики в обмен на добровольное ограничение мирной ядерной программы.

В докладе предлагается, чтобы Великобритания и другие страны Европейского союза упростили банковские правила с Ираном для создания новых финансовых возможностей, даже если это противоречит планам Америки.

Сирия

Комитет Палаты лордов одобрил американский ракетный удар по сирийской авиабазе как «оправданный и соразмерный» в ответ на применение химического оружия в Хан-Шейхуне в провинции Идлиб. В докладе не констатируется конкретная позиция по вопросу о разрешении гражданской войны, а говорится, что «противоречия в международной политике» в отношении президента Сирии Б. Асада безотлагательно «необходимо пересмотреть» в ближайшее время. В случае возникновения вооружённых конфликтов в Сирии Великобритания присоединится к возможной военной инициативе США.

Великобритания должна взять на себя обязательства по достижению «согласованного решения». В широком смысле в докладе говорится, что военное вмешательство в Сирию «может быть неизбежным, когда вся дипломатия и дискурс отвергаются». Однако в докладе рекомендуется, чтобы «интеллектуальные, дипломатические и мягкие энергетические ресурсы Великобритании были использованы в полной мере», как централизованно, так и децентрализованно.

Региональная власть

Согласно докладу, Ирак, Бахрейн, Йемен и Сирия дестабилизированы «борьбой за региональную гегемонию между Ираном и Саудовской Аравией». Поддержка Тегераном шиитского ополчения в Ираке и его прямое вмешательство в Сирию,

а также поддержка его сторонников в Йемене противоречат собственной поддержке «салафитских джихадистских ополчений» в Сирии. Комитет признаёт, что этот конфликт, разыгрываемый на региональном уровне, носит в основном политический характер и что «интересы международного сообщества плохо себя проявляют в этом соперничестве».

На данный момент Великобритания «не может полагаться только на своих традиционных союзников», но соглашается с тем, что ей придется поддерживать «продуктивные» отношения с региональными державами, несмотря на «озабоченность по поводу своего внутреннего политического курса». Следует разработать *modus vivendi*, который предотвратит эскалацию соперничества между Саудовской Аравией и Ираном.

Экспорт военной продукции

Торговля товарами и услугами между Великобританией и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в 2015 году оценивалась в 18,9 млрд фунтов стерлингов. Значительная часть этого рынка приходится на экспорт вооружений, в 2015 году экспорт военной продукции Соединённого Королевства на Ближний Восток составил более 60% британского военного экспорта в размере 7,7 млрд долл. США.

В докладе комитета признаются сложности, связанные со сферой безопасности и гуманитарной ответственностью Великобритании, «обязательствами по международному праву» по экспорту военной продукции в Саудовскую Аравию.

Будущее внешней политики Великобритании на Ближнем Востоке [6]

В долгосрочной перспективе, в более мирном контексте Ближнего Востока, целью правительства будет активное поощрение демократии, но это не та ситуация, в которой находится современный ближневосточный регион.

Великобритания и другие международные партнёры также должны признать, что этот подход, определяющий приоритетность краткосрочной стабильности, справедлив в краткосрочной перспективе. Многие страны Ближнего Востока по-прежнему будут проходить циклы революций, контрреволюций и отсутствия безопасности.

Соединённое Королевство сосредоточит свои усилия на поддержании и наращивании импульса реформ в умеренных странах (Тунисе, Марокко и Иордании) и возьмёт на себя обязательства по проведению внутренних реформ, поскольку все эти страны в настоящее время сталкиваются с серьёзными макроэкономическими проблемами. Для стимуляции политических и экономических реформ в Тунисе, Иордании и Марокко Соединённое Королевство введёт дополнительные стимулы для торговли и меры по оказанию помощи – это будет коалиция британских и европейских фондов. В рамках своих переговоров после Брексита Великобритания должна уделять первоочередное внимание рабочей договоренности в области политики и торговли между Британией и ЕС.

Правительство в долгосрочной перспективе будет инвестировать программы по расширению знаний арабского языка в Великобритании, которые будут действовать вплоть до 2020 года.

Оборонительные позиции Великобритании будут сосредоточены: в Бахрейне, на Кипре, в Израиле, Ираке, Иордании, Кувейте, Омане, Катаре, Саудовской Аравии, Турции и ОАЭ.

1. The Middle East Time for New Realism. Electronic recourse:
<https://www.publications.parliament.uk/pa/ld201617/ldselect/ldintrel/159/159.pdf>
2. UK warned it needs new Middle East policy that does not rely on Trump. Electronic recourse:
<https://www.theguardian.com/politics/2017/may/02/uk-warned-needs-new-middle-east-policy-not-rely-donald-trump>
3. Summary of House of Lords Report, The Middle East: Time for New Realism. Electronic resource:
<http://www.caabu.org/news/news/summary-house-lords-report-middle-east-time-new-realism>
4. Re-thinking UK Defence and Security Policies
http://www.oxfordresearchgroup.org.uk/ssp/re_thinking_uk_defence
5. UK must withdraw support for Trump's Mideast policy: MPs
<http://www.presstv.ir/Detail/2017/05/02/520278/UK-US-May-Trump-parliament-Howell-Yemen-Syria-Iran-Assad>
6. Chapter 3: Current policy and current illusions
https://www.publications.parliament.uk/pa/ld201617/ldselect/ldintrel/159/15906.htm#_idTextAnchor022

ТУРЕЦКАЯ ЭКОНОМИКА НА СТЫКЕ ЭПОХ

В 2002 году по итогам всеобщих парламентских выборов в Турецкой Республике ко власти пришла Партия справедливости и развития (ПСР), ведомая своим лидером Реджепом Тайипом Эрдоганом и заручившаяся поддержкой 34,42% избирателей. Как покажет практика трёх последующих выборных кампаний, то был самый скромный результат, достигнутый ПСР, однако, 10%-й избирательный барьер вкпе с благоприятным внутривполитическим раскладом позволил Эрдогану и его сторонникам получить целых 365 депутатских мандатов¹. Это всего на 2 голоса меньше второго порога квалифицированного большинства (2/3 депутатов 550-местного Великого Национального Собрания /Меджлиса/ Турции), достижение которого позволяет партии-победительнице изменять Конституцию страны, не выходя из парламентских стен. Для сравнения: в результате парламентских выборов 2015 года (повторных) ПСР получила поддержку 49,5% проголосовавших, однако она оказалась конвертирована лишь в 317 депутатских мандатов, что ощутимо меньше даже первого квалифицированного большинства в 330 голосов (3/5 численного состава народных избранников)².

Однако, невзирая на полученный карт-бланш, 2002 год, сам по себе, по вполне понятным причинам не ознаменовал смену эпох для республиканской Турции образца Мустафы Кемала Ататюрка. Подлинная смена эпох была окончательно зафиксирована спустя несколько лет – референдумом 16 апреля 2016 года, когда в Конституцию страны были внесены поправки, подразумевающие переход от парламентской к президентской форме правления³.

В начале же XXI века сильные позиции кемалистов в лице Народно-республиканской партии (тогда ещё без прочно приросшего к ней впоследствии бренда «главной

оппозиционной партии»), военного и судейского корпуса вынудили происламскую Партию справедливости и развития сосредоточиться, в первую очередь, на проведении экономических реформ. Во всяком случае, именно экономика, а не политика оказалась на первом плане турецкой повестки.

И, надо сказать, что на этом поприще премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган проявил себя эффективным управленцем, при котором стране удалось достигнуть заметных успехов. Так, был проведен очередной этап либерализации турецкой экономики, когда для частного сектора был открыт целый ряд отраслей, ранее находившихся в ведении государства. Страна продвинулась по пути приватизации, хотя даже до сих пор процесс этот нельзя считать завершенным. В целом Турция громко заявила о себе как об острове стабильности на Ближнем Востоке и о центре притяжения для зарубежных инвестиций.

Достаточно отметить, что с 2003 года и вплоть до 2008 года среднегодовые темпы роста турецкой экономики составляли 6,0% и лишь глобальный экономический кризис ознаменовал провал, впрочем, в последующие два года отыгранный. За первое десятилетие XXI века, с 2001 по 2010 год, турецкий экспорт вырос в 3,6 раза, а объем накопленных прямых иностранных инвестиций увеличился в 9,5 раз⁴.

В результате в 2011 году к очередным парламентским выборам Партия справедливости и развития обнародовала так называемый «План 2023», приуроченный к столетнему юбилею Турецкой Республики, в котором обязалась вывести страну в десятку ведущих мировых экономик мира по объему ВВП, увеличить экспорт в три раза и душевой ВВП – в два раза. Подобные амбициозные кратные коэффициенты были применены практически ко всем отраслям турецкой экономики⁵.

На рубеже первого десятилетия XXI века о Турции всю говорили как о «нарастающей звезде региона», и в мире, где иногда важнее казаться, чем быть, её имиджевые позиции были высоки как никогда, пожалуй, за всю её республиканскую историю. Во всяком случае, именно они заставили Запад с наступлением в 2011 году событий так называемой «арабской весны» примеривать на Турцию

роль «модели для сборки» стран региона – той, которая бы сочетала современные представления о демократии и о рыночной экономике с исламом. Однако этим надеждам, невзирая на все приложенные самой Турцией усилия, так и не суждено было сбыться. По целому ряду причин, включая контрреволюцию в Египте и затянувшуюся, вопреки прогнозам на скоротечность, гражданскую войну в Сирии.

2010-е годы проходили под знаком ухудшения отношений Турции президента Эрдогана со своими соседями (Египет, Сирия, Израиль, Россия) и заметного охлаждения со стратегическими союзниками (США и ЕС, включая системообразующие державы – Германию и Францию). Так что, начавшаяся после десятилетия динамичного роста пробуксовка турецкой экономики имела под собой две причины:

а) Экономическую: модель, созданная в результате реформ начала века и основанная на перекладывании долговой нагрузки на местный частный сектор и на притоке зарубежных финансов, постепенно начала исчерпывать себя. Ситуация для Турции ещё осложняется тем, что инфраструктура страны, имея в виду её деловой и промышленный потенциал, сформировалась под динамичное развитие, и наблюдающееся падение темпов экономического роста оказывается для частного сектора весьма болезненным.

б) Политическую: включая ухудшение отношений Турции со своими нередко традиционными торгово-экономическими партнёрами и падение к ней доверия как к стране стабильной во внутривнутриполитическом отношении с последующим понижением её кредитных рейтингов и падением объема прямых иностранных инвестиций. Невзирая на российско-турецкое примирение после «самолётного кризиса» 24 ноября 2015 года, перспективы возвращения турецкого бизнеса на российский рынок в своем прежнем – привилегированном статусе остаются пока до конца не ясными.

Итак, с какими же показателями Турция подошла к рубежу эпох – переходу от парламентской к президентской форме правления? Начнем с валового внутреннего продукта (ВВП) Турции. В Таблице 1 приведены данные о ВВП (текущие цены, производственный метод), о душевом ВВП (текущие цены), а также о темпах роста турецкой экономики в фиксированных ценах 1998 года.

Таблица 1

**ВВП и душевой ВВП Турецкой Республики
в период 1998–2015 гг.⁶**

Год	ВВП			Душевой ВВП			ВВП (1998 г.)
	млн. тур. лир	Рост, %	млн долл.	тур. ли- ры	Рост, %	долл. США	Рост, %
1998	70 203		270 947	1 124	-	4 338	-
1999	104 596	49,0	247 544	1 651	46,9	3 907	-3,4
2000	166 658	59,3	265 384	2 593	57,1	4 129	6,8
2001	240 224	44,1	196 736	3 686	42,2	3 019	-5,7
2002	350 476	45,9	230 494	5 310	44,0	3 492	6,2
2003	454 781	29,8	304 901	6 809	28,2	4 565	5,3
2004	559 033	22,9	390 387	8 270	21,5	5 775	9,4
2005	648 932	16,1	481 497	9 482	14,7	7 036	8,4
2006	758 391	16,9	526 429	10 944	15,4	7 597	6,9
2007	843 178	11,2	648 754	12 018	9,8	9 247	4,7
2008	950 534	12,7	742 094	13 378	11,3	10 444	0,7
2009	952 559	0,2	616 703	13 223	-1,2	8 561	-4,8
2010	1 098 799	15,4	731 608	15 023	13,6	10 003	9,2
2011	1 297 713	18,1	773 980	17 484	16,4	10 428	8,8
2012	1 416 798	9,2	786 283	18 846	7,8	10 459	2,1
2013	1 567 289	10,6	823 044	20 607	9,3	10 822	4,2
2014	1 748 168	11,5	799 370	22 732	10,3	10 395	3,0
2015	1 952 638	11,7	719 620	25 118	10,5	9 257	4,0

Приведенная выше таблица наглядным образом свидетельствует о том, что темпы роста турецкой экономики во втором десятилетии заметным образом снизились до 4,0% (для сравнения «План 2023» предполагал ежегодный рост темпами свыше 8%) и официально утвержденные экономические программы страны не предвидят её быстрого возвращения на траекторию прежнего, динамичного роста, «уступающего по своим темпам лишь Китаю и Индии», о чём будет сказано чуть ниже.

Несколько более выпукло ситуацию, складывающуюся в турецкой, заметим, экспортно-ориентированной экономике, иллюстрируют данные по внешней торговле страны (см. Табл.2).

Таблица 2

**Внешняя торговля Турецкой Республики
в период с 2009 по 2016 год⁷**

Год	Экспорт		Импорт		Сальдо	
	Долл. США	Рост, %	Долл. США	Рост, %	Долл. США	Рост, %
2009	102.142,6		140.928		-38.785,8	
2010	113.883,2	11%	185.544	32%	-71.661,1	85%
2011	134.906,9	18%	240.842	30%	-105.934,8	48%
2012	152.461,7	13%	236.545	-2%	-84.083,4	-21%
2013	151.802,6	0%	251.661	6%	-99.858,6	19%
2014	157.610,2	4%	242.177	-4%	-84.567,0	-15%
2015	143.838,9	-9%	207.234	-14%	-63.395,5	-25%
2016	142.544,5	-1%	198.617	-4%	-56.072,9	-12%

При интерпретации табличных данных не должно вводить в заблуждение снижающееся в последние годы наряду с экспортом отрицательное сальдо внешней торговли. Если падение ежегодных объемов турецкого экспорта – явление качественное (стагнация на рынках стран-потребителей турецкой продукции вкупе с потерей Турцией, по причинам скорее политического свойства, доступа на ряд из них), то снижение объемов импорта – в первую очередь, конъюнктурное.

Разумеется, заметное снижение мировых цен на энергоносители последних лет не могло немедленно не отразиться на статистике Турции как нетто-импортера нефти и природного газа. Иными словами, уменьшение денежного эквивалента импорта не означает количественного, физического объема закупок Турцией за рубежом как сырья, так и товаров с высокой добавленной стоимостью, – что являлось бы свидетельством структурных изменений к лучшему в экономике страны, достаточно прочно завязшей в так называемой «ловушке средней добавленной стоимости» и зависимой от поставок энергоносителей из-за рубежа. В частности, повышения её энергоэффективности или роста её технологичности. Напротив, ни то, ни другое на практике пока не наблюдается, равно как и заметно-го увеличения отчислений на национальную науку и НИОКР.

Про модель, обеспечившую турецкой экономике рост в первое десятилетие нынешнего века, было уже упомянуто выше. Скажем о ней чуть подробнее.

Эта модель была построена на допуске частного сектора в ряд отраслей, до сих пор прочно закрепленных за государством, включая, к примеру, строительство автотрасс, мостов, аэропортов, электростанций и прочих объектов инфраструктуры страны. Причем с этой целью в Турции получили широкое распространение модели государственно-частного партнёрства, которые, невзирая на всё их разнообразие, можно свести к следующей обобщённой схеме.

Частный бизнес, используя свои компетенции, менеджмент и финансовые ресурсы осуществляет сооружение объекта «Х», с его последующей многолетней эксплуатацией. При этом государство в проект «Х» заходит, по сути, лишь землей вкупе с созданием и обеспечением условий максимального благоприятствования с тем, чтобы гарантировать частному сектору возврат его вложений и, в итоге, разумную норму прибыльности проекта. Каких-либо государственных вложений или гарантий возврата инвестиций частного сектора (из серии обязательств Казначейства страны «бери или плати», как в контрактах с Газпромом) не подразумевается, а следовательно, исключается и дополнительная нагрузка на бюджет⁸.

Разгрузив таким образом целый ряд статей своего бюджета, турецкое государство получило возможность не только не тратить деньги, но и закрывать некоторые свои обязательства перед кредиторами. В первую очередь, турецкое руководство сфокусировалось на возврате задолженностей Центрального банка страны перед международными кредитно-финансовыми учреждениями.

В Таблице 3 приведена «кредитная» история Турецкой Республики последнего десятилетия.

Рассмотрев приведенную выше таблицу, следует констатировать, что за десятилетие суммарная задолженность Турецкой Республики внешним кредиторам выросла со 171 до 404 млрд долларов, то есть в 2,36 раза. При этом произошло неравномерное распределение возросшей долговой нагрузки между государственным и частным сектором: в 1,51 раза против 3,98 раз. Долги по линии ЦБ Турции были снижены с 13 до 1 млрд долларов. Таким образом, следует признать, что период правления Партии справедливости и развития с 2002 года увенчался ростом суммарной турецкой задолженности относительно ВВП страны с 35,6% (2005 год) до 55,0% (2015 год), а кроме того, заметным «закабалением» внешней задолженностью турецкого частного сектора.

Таблица 3

**Долгосрочная и краткосрочная внешняя задолженность
Турецкой Республики (млрд долл. США)⁹**

Задолженность Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1 Долгосрочная задолженность	132	165	207	228	220	214	222	239	260	270	294	306
1.1. Государственный сектор	68	70	71	75	80	85	87	93	98	100	99	103
1.2. Центральный банк	13	13	14	12	11	10	8	6	4	2	1	1
1.3. Частный сектор	51	82	122	141	128	120	127	140	157	168	194	203
2 Краткосрочная задолженность	39	43	43	53	49	77	82	100	130	132	102	98
2.1. Центральный банк	3	3	2	2	2	2	1	1	1	0	0	0
2.2. Коммерческие банки	17	20	16	24	22	47	45	57	75	77	50	41
2.3. Прочее	18	21	17	24	22	48	47	59	77	79	52	43
Всего	171	208	250	281	269	292	304	339	390	402	396	404

Пока сложно судить о том, насколько возможности частного сектора Турции в смысле дальнейших крупных инвестиций исчерпаны, однако, о трёх вещах можно говорить с достаточной степенью уверенности:

а) Понижение кредитных рейтингов Турции ведущими мировыми рейтинговыми агентствами Fitch (до BB+), S&P (до BB), Moodys (до Ba1) до «мусорного» уровня¹⁰, после попытки военного переворота 15 июля 2016 года и введения впервые в истории страны на всей её территории режима чрезвычайного положения. Что заметно затрудняет для Турции поиск источников внешнего финансирования и инвесторов для своих проектов, невзирая на заявления руководства страны о том, что подобные действия не окажут влияния на дальнейшее развитие экономики страны.

б) Заметное удешевление турецкой лиры по отношению к мировым резервным валютам: лишь только за 2 года с 4 июня 2015 года до 2 июня 2017 года цена доллара выросла с 2,9 тур. лир до 3,5 тур. лир¹¹ (в более продолжительной ретроспективе падение оказалось намного заметнее), что могло бы восприниматься в качестве преимущества для турецких экспортёров, если бы не их заметно возросшая валютная задолженность и не закупки энергоносителей из-за рубежа (см. Табл. 3).

с) Принятие Закона №6471 от 19.08.2016 г. (опубликован в «Официальной газете» и вступил в силу 26.08.2016 г.) «О создании закрытого акционерного общества Турецкий фонд благосостояния и о внесении изменений в некоторые законодательные акты»¹² с целью использования переданных в ведение Фонда крупнейших государственных активов для привлечения на внешних рынках займов под крупные проекты, реализуемые как государственным, так и частным сектором, может говорить лишь об одном – остром дефиците собственных средств и сужении поля для получения кредитов под обычное финансовое обеспечение.

Инфляция в стране, которую в прошлые «тучные» годы турецкому руководству удалось ввести в однозначный цифровой эквивалент, вновь вернулась к двузначному выражению: в апреле 2017 года она была 11,87%. Безработица, которая составляла в 2014 году 9,9%, в январе 2017 года равнялась уже 13,0%. При этом безработица среди молодежи увеличилась в тот же отрезок времени с 17,9% до 24,5%¹³.

Подводя черту под этим предельно кратким анализом динамики изменения некоторых основных макроэкономических показателей страны за период правления Партии справедливости и развития, можно констатировать, что предложенная ими модель роста вкупе с целым рядом негативных факторов как внешнего, так и внутреннего свойства вынуждает серьёзным образом корректировать краткосрочные и среднесрочные прогнозы развития страны.

Разумеется, проект «Турция – 2023» с его ВВП в 2 трлн долл. США, душевым ВВП на уровне 25 тыс. долл. и экспортом в объеме 500 млрд долл. становится абсолютно нереализуемым, подтверждая мнение ряда скептиков, которое раздавалось сразу после озвучивания плана ПСР в ходе предвыборной кампании 2011 года¹⁴.

В результате Среднесрочная программа экономического развития Турецкой Республики на период с 2017 по 2019 год, пересмотренная турецким руководством в конце 2016 года, предусматривает достижение следующих показателей к концу периода планирования: ВВП – 884 млрд долл., душевой ВВП – 10,9 тыс. долл., темпы роста ВВП – 5,0%, экспорт – 193,1 млрд долл., инфляция – 5,0%, безработица – 9,8%.

Обратимся к некоторым тезисам вышеупомянутой Программы¹⁵:

1. В основе снижения темпов экономического роста Турции, авторы документа видят скорее негативную внешнеэкономическую (падение темпов экономического роста традиционных партнёров Турции и кризис в отношениях с Россией) и внутривнутриполитическую конъюнктуру (попытка военного переворота 15 июня 2016 года), нежели системные проблемы турецкой экономики.

2. Дальнейшая стратегия развития Турецкой Республики будет основана на развитии человеческого капитала, повышении эффективности рынка труда, наращивании технологического и инновационного потенциала страны, укреплении «физической» инфраструктуры и росте качества работы (властных) институтов.

3. В качестве базовых приоритетов Программа называет рост внутренних накоплений, обеспечение роста частных инвестиций и наращивания экспорта, ускорение структурной перестройки промышленности, рост уровня её технологичности и эффективности. И как результат – повышение конкурентоспособности турецкой экономики на международных рынках.

4. В этой связи планируется увеличение экспорта продукции и услуг с высокой добавленной стоимостью, снижение зависимости местного производства и экспорта от импортных закупок, улучшение трудового и инвестиционного климата, улучшение качества государственных доходов, рационализация государственных расходов, обеспечение успешности и производительности трудовых ресурсов, формирование более гибкого рынка занятости, повышение предсказуемости законодательской деятельности, борьба с теневой экономикой, улучшение качества управления, продолжение структурных изменений и завершение ранее инициированных реформ в сфере местного управления и регионального развития.

Собственно, исходя из изложенных выше постулатов строится и вся детальная Программа развития страны на период с 2017 по 2019 год с постепенным увеличением темпов роста ВВП – сначала до 4,4% (2017 г.), а потом уже и до 5,0% (2018 и 2019 гг.). Параллельно этому должно происходить наращивание экспорта и импорта темпами, сокращающими отрицательное сальдо турецкой внешней торговли: 6,7% рост экспорта (в т.ч. через развитие электронной торговли) против 4,5% импорта. С другой стороны, планируется снижать энергетическую зависимость Турции от поставок из-за рубежа¹⁶.

Помимо стандартных слов о том, что должна быть обеспечена внутривластная стабильность в стране и повышено качество судопроизводства с целью улучшения инвестиционного климата, а также про необходимость наращивать использование местных ресурсов (в самом широком смысле этого слова), стоит обратить внимание на попытки турецкого руководства обеспечить стране технологический рывок. Это подразумевает проведение фундаментальных и прикладных исследований широкого спектра, как в традиционных научных дисциплинах, так и на стыке наук. Космос, спутники, авиастроение и автомобильная промышленность, медицина, связь, нанотехнологии и биотехнологии, геномная инженерия и проч. – те сферы, в которых Программа предполагает активизацию усилий.

Каких-либо корректировок в принятых в стране схемах реализации проектов – моделях государственно-частного партнёрства – не предвидится. Частный сектор по-прежнему будет оставаться главным драйвером этой деятельности. Однако Программа предусматривает создание условий частному сектору для доступа к существующим и специально создаваемым фондам с целью финансирования своих проектов. Кстати, именно в этом контексте и надо понимать создание в стране Фонда национального благосостояния.

С другой стороны, государственные инвестиции планируется направлять в сферы, обеспечивающие экономический рост страны, региональное развитие (в рамках соответствующих программ развития), рост занятости и благосостояния страны в стратегической перспективе. Иными словами, как и в прежние годы, планируется, что государственные инвестиции будут осуществляться весьма адресно и точно.

Если попытаться усмотреть в рассмотренной нами Программе что-либо новое, так это слова о необходимости облегчения доступа частного сектора к внешним источникам финансирования. По большому счету, именно в это упирается реализация множества турецких задумок. То, о чем умалчивает программа – это о серьёзном дефиците работы для частного сектора в самой стране и о сужающемся поле для маневра национального бизнеса на внешних рынках, равно как и о сильно отстающей от турецких амбиций науке. Так что ближайшие два года, вплоть до выборного 2019 года, обещают быть для страны весьма непростыми. И от того, насколько вновь ставшему партийным президенту Эрдогану и его Партии справедливости и

развития удастся переломить начавшие отчетливо проявляться негативные тренды в экономике, прямо зависят результаты парламентских выборов 2019 года и, в итоге, политические перспективы нынешнего руководства страны.

---

¹ Haber Türk. Genel Seçim 2002. <http://www.haberturk.com/secim2002>

² Haber Türk. Genel Seçim 2015.

<http://www.haberturk.com/secim/secim2015/genel-secim-1-kasim>

³ 2017 Referandum Sonuçları: Türkiye geneli. Sözcü Gazetesi.

<http://www.sozcu.com.tr/2017/gundem/2017-referandum-sonuclari-turkiye-geneli-1784535/>

⁴ Стародубцев И.И. Трансформирующаяся Турция. М.: Институт Ближнего Востока, 2011.

⁵ Esen Çağlar. AKP'nin 2023 planı, Türkiye'yi her sene yüzde 8,48 büyütür mü? <http://www.tepav.org.tr/tr/kose-yazisi-tepav/s/2394>

⁶ Данные Турецкого статистического агентства (TUIK).

<http://tuik.gov.tr/Start.do>

⁷ Данные Турецкого статистического агентства (TUIK).

<http://tuik.gov.tr/Start.do>

⁸ Стародубцев И.И. Трансформирующаяся Турция. М.: Институт Ближнего Востока, 2011.

⁹ Данные Турецкого статистического агентства (TUIK).

<http://tuik.gov.tr/Start.do>

¹⁰ Fitch, Türkiye'nin kredi notunu düşürdü. Dünya Gazetesi.

<https://www.dunya.com/finans/haberler/fitch-turkiyenin-kredi-notunu-dusurdu-haberi-347580>

¹¹ XE Currency Exchange Charts.

<http://www.xe.com/currencycharts/?from=USD&to=TRY&view=2Y>

¹² Resmi Gazete. Sayı 29813. 26 Ağustos 2016.

<http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2016/08/20160826-1.htm>

¹³ Данные Турецкого статистического агентства (TUIK).

<http://tuik.gov.tr/Start.do>

¹⁴ Esen Çağlar. AKP'nin 2023 planı, Türkiye'yi her sene yüzde 8,48 büyütür mü? <http://www.tepav.org.tr/tr/kose-yazisi-tepav/s/2394>

¹⁵ Türkiye Cumhuriyeti Kalkınma Bakanlığı. Orta Vadeli Programlar.

<http://www.kalkinma.gov.tr/Pages/OrtaVadeliProgramlar.aspx>

¹⁶ Türkiye Cumhuriyeti Kalkınma Bakanlığı. Orta Vadeli Programlar.

<http://www.kalkinma.gov.tr/Pages/OrtaVadeliProgramlar.aspx>

Владимир (Зеев) Ханин

**ИЗРАИЛЬ, ХАМАС И ФАКТОРЫ КРИЗИСА
«ПАЛЕСТИНСКОГО ИСЛАМИЗМА»**

В июне 2017 года исполнилось десятилетие с момента вооруженного захвата организацией радикальных исламистов ХАМАС власти над сектором Газы, изгнания оттуда представителей Палестинской национальной администрации (ПНА) и превращения анклава в плацдарм регулярных террористических вылазок против Израиля. Но этим аспектом арабо-израильского конфликта для палестинских исламистов дело не исчерпывается: как можно заметить, эта террористическая организация палестинских арабов сегодня столкнулась с рядом трудно решаемых вызовов – причем как во внутripалестинском, так и в региональном контексте.

Факторы кризиса

Очередным неприятным «подарком» к десятилетию ее контроля над сектором Газы стало в конце июля 2017 года решение Европейского суда, согласно которому ХАМАС остается в списке тех, кого Евросоюз (как и Израиль, Канада, США и Япония) считает террористическими организациями. Данное определение стало фактическим продолжением заявления президента США Дональда Трампа, который, выступая в мае 2017 г. в Эр-Рияде, поместил ХАМАС в список террористических организаций наряду с «Исламским государством», «Аль-Каидой» и «Хизбаллой».

Сами по себе эти неприятности не стали бы столь критичными для ХАМАСа, если бы эта террористическая группировка не столкнулась с рядом других, трудно решаемых вызовов. Среди них – неблагоприятная для ХАМАСа региональная политическая динамика в этом десятилетии и серия стратегических просчетов руководства организации. Включая возникший в 2011 году разлад с ее главным спонсором – Ираном, отноше-

ния с которым, несмотря на объявленное в 2015 году преодоление разногласий, в прежнем объеме так и не были восстановлены. А также последовательно рухнувшие надежды на поддержку Египта, Турции и, наконец, Катара.

Но главным вызовом ХАМАСу является постепенно происходящая смена отношения Израиля к режиму радикальных исламистов в Газе, связанная с насущной для него необходимостью пересмотра «политики сдерживания», разные варианты которой применялись к сектору Газы после ухода оттуда израильтян в 2005 году в рамках плана «одностороннего размежевания с палестинскими арабами» премьер-министра Ариэля Шарона. Ведущим принципом этой доктрины была идея «управления кризисом в Газе без управления Газой», включая отказ Израиля от новой оккупации Сектора, равно как и ведения с ХАМАСом прямых переговоров на его условиях.

Обновленный вариант «доктрины сдерживания» был принят правительством Израиля после выборов в Кнессет 2009 г. с учетом опыта состоявшейся в декабре 2008 – январе 2009 гг. операции «Литой свинец» – несравненно более масштабной, чем первая антитеррористическая операция такого рода «Летние дожди», которая прошла в июне-ноябре 2006 года. Новая политика включала поддержание режима ограниченной блокады сектора Газы, направленной на противодействие контрабанде оружия и материалов для производства боеприпасов, включая ракеты, которыми боевики ХАМАСа периодически обстреливали южные районы Израиля. Упомянутая блокада но практически не касалась поставок воды, электроэнергии, денежной наличности, лекарств, стройматериалов и предметов гуманитарного назначения, которыми еврейское государство продолжало почти бесперебойно снабжать Газу, ежедневно пропуская через свою территорию сотни грузовиков с товарами для местных жителей.

При этом новая политика, в отличие от ее первого варианта, предполагала немедленное и «непропорциональное» реагирование на каждую вылазку исламистских боевиков, с проведением в нужных случаях интенсивных ограниченных операций и точечных ликвидаций лидеров террористов, в сочетании с моделями экономического, политического и дипломатического давления на правительство ХАМАСа в Газе. Что, в общем, и случилось в августе 2011 года, когда боевики действующих в Газе террористических группировок провели масштабный теракт в районе Эйлата и интенсивный обстрел городов и поселков

израильского юга, включая Беэр-Шеву, Ашкелон и Ашдод. Со своей стороны, ВВС Израиля провели ряд успешных операций по уничтожению с воздуха большинства звеньев ракетчиков, мест концентрации и штабов оперативных группировок боевых подразделений террористов, их тренировочных баз, складов и мастерских вооружений, а также ряда туннелей, используемых для контрабанды оружия в Газу с Синайского полуострова, что заставило исламистов просить о прекращении огня и возвращении к прежнему состоянию «неформального перемирия».

Иными словами, от лидеров ХАМАСа ожидалось следование неким правилам игры: в случае, если они не переходят неофициальную, но четко очерченную «красную черту», они получают определенные гарантии того, что не станут объектами очередных «точечных ликвидаций», и признание их неформального суверенитета во внутренних делах контролируемого ими Сектора. На практике этот «как-бы суверенитет» означал и ответственность за все, что происходит в Газе с перспективой стать целью «операций возмездия» в случае очередных террористических вылазок из Сектора, кто бы их ни осуществлял – боевики военного крыла самого ХАМАСа или активисты соперничающих с ним и якобы неконтролируемых его руководством группировок.

В принципе, для лидеров ХАМАСа, которые были вынуждены принять эти правила как данность, в краткосрочной перспективе такая схема могла бы считаться немалым политическим и дипломатическим достижением – и действительно была таковым на практике. Но уже в среднесрочном и тем более долгосрочном плане это постепенно приводило к инфляции декларируемого лидерами ХАМАСа статуса их движения как «главной силы исламского сопротивления сионистскому врагу». Что ставило под вопрос претензии руководства организации на власть в Газе и перехват инициативы на «палестинской арабской улице» у «соглашателей и пособников сионистов», в определении хамасовцев, из ПНА/ООП и, что не менее важно, делало их все менее релевантными для внешних доноров.

Естественным выходом из этой ситуации, которая заметно усложнилась с началом «арабской весны», лидерам ХАМАСа виделось обострение конфликта с Израилем, каковое и было ими спровоцировано летом 2014 года. Ответом стала контртеррористическая операция ЦАХАЛа «Несокрушимая скала», по итогам которой военная организация радикальных исламистов в Секторе получила наиболее тяжелый за всю ее историю

удар. Причем, за исключением лозунгов, предъявить населению Газы доказательства того, что эти жертвы стали ценой «больших успехов», которые, согласно пропаганде ХАМАСа, были достигнуты в результате этого конфликта, лидеры группировки пока не в состоянии. Ни одна из поставленных руководством ХАМАСа целей по деблокаде Сектора и официальному признанию его суверенитета в Газе (включая прямую передачу правительству ХАМАСа финансовых средств, минуя ПНА) не была достигнута.

Гражданская инфраструктура, в значительной степени дезорганизованная в ходе конфликта, в основном продолжает оставаться таковой и поныне, а большая часть имеющихся ресурсов разворовывается или идет на восстановление военного потенциала организации, пуск которого в ход для провоцирования нового витка конфликта с Израилем, чтобы снять внутреннее напряжение, будет, судя по настроениям в военно-политическом истеблишменте еврейского государства, почти гарантированным концом властвования ХАМАСа в секторе Газы. Во всяком случае, это именно то, что палестинским исламистам пообещал министр обороны Израиля Авигдор Либерман в интервью, опубликованном в палестинской газете «Аль-Кудс» в октябре 2016 года.¹

«Исламисты» и «националисты» между конфронтацией и союзом

Второй фундаментальной проблемой ХАМАСа обещает стать новое обострение конфликта с руководством Палестинской национальной администрации (ПНА) в Рамалле, под чьим контролем находятся не только населенные палестинскими арабами территории на Западном берегу р. Иордан (в израильской терминологии, Иудее и Самарии), но официально и сектор Газы. Конфликт между ПНА/ООП с ее ядром – движением «светских национал-радикалов» ФАТХ, с одной стороны, и движением радикальных исламистов ХАМАС, с другой, начался не вчера. Формальным «яблоком раздора» является, естественно, Израиль: ООП, будучи основана еще в 1964 году с целью «борьбы за уничтожение еврейского государства», 30 лет спустя, по крайней мере, на словах, приняла идею отказа от вооруженной борьбы и принцип территориального компромисса. В свою оче-

редь ХАМАС не готов ни признать право Израиля на существование в каких бы то ни было границах, ни отказаться от террористической активности, что наряду с готовностью принять ранее подписанные палестино-израильские соглашения и является тремя ультимативными условиями легитимации ХАМАСа, предъявляемыми группировке международным сообществом.

Понятно, что идеологическим конфликтом противостояние двух фракций, которое постоянно переходит из латентной фазы в открытое столкновение и обратно, дело отнюдь не исчерпывается. Это еще и борьба за власть, раздел финансовых потоков и перераспределение иных экономических ресурсов в пользу политически связанных с ПНА/ООП и движениями исламистов различных племенных, клановых и религиозно-сектантских групп, из которых, собственно, и состоит арабо-палестинское общество. Причем водоразделом этой борьбы стала победа в январе 2006 года ХАМАСа на выборах в палестинский парламент, по итогам которых правительство ПНА возглавил представитель этой организации Исмаил Хания. Полностью перехватить политическую инициативу в ПНА ХАМАС, как мы помним, тогда не сумел и укрепился в Газе, из которой за пять месяцев до этого тогдашний премьер-министр Израиля Ариэль Шарон в одностороннем порядке вывел ЦАХАЛ и еврейские поселения, фактически дав исламистам возможность превратить его в плацдарм непрекращающегося антиизраильского террора. Еще через полтора года лидеры ХАМАСа организовали в Секторе военный переворот, насильственно устранив конкурентов из ФАТХа и окончательно захватив власть в Газе. В ответ глава ПНА и лидер ФАТХа Махмуд Аббас (Абу-Мазен) официально сместил правительство И.Хании, назначив «альтернативный кабинет», который возглавил Салам Файяд и который, естественно, не признали сторонники ХАМАСа.

В итоге в июне 2007 года территория, управляемая ПНА, фактически распалась на два анклава – «Хамасстан» И. Хании в Газе и «Фатхленд» М. Аббаса на Западном берегу реки Иордан, придав противостоянию двух палестинских группировок еще и территориальную коннотацию. Если к этому добавить, что все эти годы в секторе Газа фактически идет, время от времени перебрасываясь на Западный берег, гражданская война, логично, что многочисленные попытки посредников примирить враждующие палестинские фракции до сего дня оказывались безуспешны.

Потому в нынешнем витке противостояния ФАТХа и ХАМАСа не было бы ничего необычного, если бы не одна новость. В мае 2017 года Махмуд Аббас пошел на то, что он не раз обещал, но до того дня не решался делать – объявить сектор Газа «мятежной провинцией», причем не ограничившись общей декларацией, предпринял серию шагов, которые сильно затруднили жизнь жителей Газы и работу местного управления. Эти шаги включали сокращение или полную отмену субсидий действующим в Секторе административным, образовательным и социальным институтам; прекращение перевода средств, из которых выплачивались зарплаты сотрудникам организаций, подчиняющихся ХАМАСу, и отказ оплачивать счета за воду и электроэнергию, которую туда поставляет Израиль. Следующим объявленным шагом должно было стать резкое сокращение объема поставляемых в Сектор медикаментов, которые, согласно помощнику М. Аббаса Ахмаду Майдалани, в любом случае «проедет ХАМАС» (надо полагать, через коррупционные схемы реализации лекарств, как и прочих товаров, на черном рынке).

Нельзя не заметить, что данные действия практически дезавуируют линию, которой М. Аббас (полномочия которого на посту главы ПНА формально истекли более семи лет назад), придерживался все прошедшее десятилетие. Несмотря на фактический распад ПНА, он настаивал на своем статусе официального лидера всего «палестинского народа», где бы он ни находился – на Западном берегу, в Газе или диаспоре. Что же касается ХАМАСа и его союзников, не готовых смириться с самим фактом существования еврейского государства, то отношения с ними, по прежним утверждениям М. Аббаса, являются «внутренним делом палестинцев», не имеющим прямой связи с диалогом с Иерусалимом, который он ведет не с ПНА, являющейся, по этой логике, законным правительством всех территорий, переданных под ее контроль соглашениями в Осло, включая Газу, а с ООП, то есть организацией, с которой Израиль подписывал упомянутые соглашения. Именно эта заявка позволяла М. Аббасу и иным наследникам Ясира Арафата сохранять остатки международной легитимности, полученной их покойным вождем для ООП под обязательства достигнуть мирного соглашения с Израилем.

Следовательно, нынешние заявления, что Рамалла, как заметил глава отдела по гражданским делам ПНА Хусейн аль-Шейх, «не собирается продолжать финансировать переворот

ХАМАСа в Газе», означают поворот практически на 180 градусов от прежней линии ПНА/ООП. Причиной, по которой Рамалла заинтересована «высушить финансовые ресурсы ХАМАСа», по мнению комментаторов, является попытка поиска новых средств давления на ХАМАС с тем, чтобы заставить его лидеров «добровольно» вернуть Газу под власть ПНА – или, на худой конец, отказаться от подрывной деятельности в отношении ее на территории Западного берега. Именно с этой целью лидеры ПНА также попытались убедить правительство Израиля сократить поставки в Газу израильского электричества.

На самом деле попытки втянуть Иерусалим в противостояние с ХАМАСом лидеры ПНА/ООП предпринимали неоднократно, пытаясь создать ситуацию, при которой у израильского руководства не останется выбора, кроме как «зачистить» Газу от радикальных исламистов и, опять-таки за неимением лучшего варианта, вновь передать Сектор под контроль ПНА. Дав тем самым Рамалле возможность получить двойной выигрыш: не понеся никаких издержек, получить Газу «на серебряном блюде» и параллельно развернуть очередной виток кампании по делегитимации Израиля, по обыкновению обвиняя его на всех доступных международных площадках «в военных преступлениях против народа Палестины».

В Иерусалиме, со своей стороны, легко просчитывали цели данной стратегии ПНА, усилия которой в этом смысле оказывались в основном безуспешными. Но на этот раз частично пошли навстречу просьбам Рамаллы, не особенно обращая внимания на раздающуюся «слева» критику якобы проводимой правительством политики «коллективных наказаний» жителей Сектора, не только исходя из логики, что Израиль «не обязан облегчать жизнь ХАМАСу, который сутками напролет роет террористические туннели». И уж точно совсем не потому, что сегодня в Иерусалиме решили поддержать игру ПНА.

Вождь, изгнанник и снова вождь

Причину, на наш взгляд, следует искать в появлении новой «карты», которая, не исключено, может серьезно повлиять на геополитический расклад между р. Иордан и Средиземным морем. Речь идет о появлении у ХАМАСа нового союзника – Мухаммеда Дахлана, в прошлом близкого соратника и одного из

возможных наследников Махмуда Аббаса, а затем его главного противника в движении ФАТХ. С целью избавиться от опасного конкурента, в 2011 году М. Аббас обвинил М. Дахлана в причастности к убийству Я. Арафата и добился его исключения из движения ФАТХ. После чего М. Дахлан был вынужден эмигрировать с Западного берега в ОАЭ и поселиться в крупнейшем городе Эмиратов Дубае, где он имел устойчивые связи с местной финансовой и политической элитой.

Именно М. Дахлан, по данным СМИ, стоит за признаками готовности Каира несколько скорректировать свое отношение к ХАМАСу, уровень враждебности которого (включая изоляцию границы Сектора со стороны Синая, по многим параметрам несопоставимо более жесткую, чем его «блокада» со стороны Израиля) уже ставит под вопрос перспективы выживания режима радикальных исламистов в секторе Газа. Индикатором возможных перемен стала готовность Египта «вернуть свет» в дома и учреждения Сектора в обмен на выполнение лидерами ХАМАСа выдвинутых ранее Каиром условий в сфере безопасности.

Что касается самого М. Дахлана, то это был далеко не первый резкий поворот в его политической судьбе. Уроженец города Хан-Юнис на юге сектора Газа, М. Дахлан вместе с Маруаном Баргути (отбывающим ныне несколько пожизненных заключений за террор и убийства израильских граждан) был создателем экстремистского молодежного движения «Шабиба» и сам арестовывался израильскими спецслужбами. Будучи одним из координаторов ООП по организации первой интифады, М. Дахлан поддержал «соглашения Осло», после подписания которых он вернулся из Туниса в Газу. От имени ПНА/ООП участвовал в координации сотрудничества с израильскими силами безопасности по вопросам борьбы с террористическими организациями, включая ХАМАС. Он был одним из координаторов переговорного процесса команды Ясира Арафата с правительством Эхуда Барака в Кэмп-Дэвиде в 2000 году, что не помешало М. Дахлану осенью того же года выразить поддержку развязанной тем же Я. Арафатом новой волне арабского террора (т.н. «интифада Аль-Акса»).

Летом 2007 года М. Дахлан – бывший «сильный человек» Газы, возглавлявший Службу превентивной безопасности в секторе, был изгнан из него ХАМАСом вместе с теми из его сторонников, кто не был сброшен с крыш или расстрелян в домах и на улицах боевиками группировки во время упомянутого

исламистского переворота. Но именно он стал тем человеком, который в июне 2017 г., используя свои тесные связи в Каире и Абу-Даби, разрешил, пусть и временно, энергетический кризис в Газе, убедив Египет ежедневно отправлять в Сектор сотни тонн топлива для генераторов местной электростанции, а власти ОАЭ – оплатить эти поставки.

Понятно, что этим гуманитарным жестом уроженца сектора Газа в пользу населения своей «малой родины» дело не ограничивается. Равным образом, взаимный интерес М. Дахлана и лидеров ХАМАСа к сотрудничеству на почве общей ненависти к М. Аббасу и его «клану» объясняет многое, но тоже далеко не все. По данным СМИ, М. Дахлан привел представителей ХАМАСа к главе египетской разведки Халеду Фавзи и видным фигурам во властной иерархии ОАЭ в период, когда и их разочарование нынешним главой ПНА дошло до максимума.

Будучи в прошлом, с точки зрения арабских столиц, «ультимативным адресом» на «палестинской арабской улице», сегодня М. Аббас в их глазах выглядит едва ли не главным препятствием реализации египетского плана регионального мира.² Важного для них, среди прочего, потому, что он мог бы закрыть «палестинскую тему», продолжающую диспропорционально влиять на публичную повестку дня арабских стран, но уже ставшую контрпродуктивной для умеренных суннитских режимов и не дающую им возможности осуществить столь желаемое ими включение Израиля в систему региональной безопасности, способную противостоять иранским заявкам на региональную гегемонию и вызову суннитских течений исламского экстремизма.

Не исключено, что М. Дахлан видится этим арабским лидерам фигурой, способной со временем заменить М. Аббаса, а для начала запустить механизм хотя бы начальной «нормализации» режима ХАМАСа в Газе. Во всяком случае, стать адресом, с которым, отличие от экстремистов типа нового лидера ХАМАСа в Секторе Яхьи Сануара (кстати, земляка М. Дахлана из города Хан-Юнис и его однокашника по Исламскому Университету в Газе) или его заместителя Халиля аль-Хийя, умеренные прозападные суннитские режимы смогут иметь дело. И тем самым обеспечить относительное спокойствие в тылу формирующегося антииранского блока, в составе КСА, Египта, Иордании и ОАЭ, с возможным неформальным (пока) участием Израиля.

Итогом состоявшейся в конце июня 2017 г. в Каире под эгидой генерала Халеда Фавзи серии контактов людей М. Дахлана с переговорной группой ХАМАСа стало соглашение, окончательно сформулированное на встрече М. Дахлана с Я. Сануаром. В соответствии с договорённостью «теневого кабинет» ХАМАСа в Газе будет распущен, а контроль над институтами власти в Секторе будет перераспределен между ХАМАСом и командой М. Дахлана. Лидеры группировки ХАМАС будут продолжать контролировать сферу безопасности в случае выполнения ими ряда условий. Среди них – требование учесть «пожелания» Каира в отношении необходимости борьбы со структурами, идентифицируемыми с «Исламским государством» и другими ячейками глобального терроризма в Секторе и на границе Газы и Синайского полуострова. А также согласиться на строительство на границе Сектора с египетским Синаем стометровой буферной зоны (и шоссе вдоль нее), оборудованной средствами электронной защиты, видеокамерами и вышками наблюдения. Эти условия, судя по утверждению представителей группировки, что «интересы безопасности Египта не отличаются от интересов безопасности сектора Газы», лидеры ХАМАСа были вынуждены так или иначе принять. Со своей стороны, в Каире тогда не стали настаивать на немедленной реализации своего требования о выдаче Египту семи террористов, причастных к террористическим атакам на Синайском полуострове.

Сферой влияния М. Дахлана должна стать гражданская администрация, а также финансово-экономический блок и иностранные дела, что открывает перед ним перспективы вновь получить доступ к ресурсам, которые он имел до своего изгнания из Сектора. Тогда М. Дахлан, член высшего руководства ООП и глава (до 2003 года) мощной Службы превентивной безопасности – одной из 12 спецслужб, отданных Я. Арафатом своим ближайшим сподвижникам, – стоял во главе сложной сети официальных и неформальных связей с ключевыми фигурами административных, религиозных, семейно-клановых, торгово-промышленных, информационных, социальных, культурно-образовательных и прочих структур сектора Газы, что позволяло ему осуществлять контроль над общественно-политическими процессами, финансовыми потоками (включая сбор налогов и распределение международной финансовой помощи) в Секторе, а также получать отчисления от торгово-промышленных и экспортно-импортных монополий (экспорт сельскохозяйственной

продукции, импорт топлива, строительных материалов) и от прочих законных и незаконных видов деятельности.

То есть делать то, что делали и нередко продолжают делать главы аналогичных властно-персональных группировок в других палестинских анклавах – бывшие коллеги М. Дахлана по выстроенному Я. Арафатом и слегка замаскированному под «палестинское государство в пути» механизму распределения финансово-политических ресурсов.³ (Что, заметим в скобках, типологически не слишком отличает их от подобных персонально-клановых политических структур и присущих им механизмов неформального преобразования власти в собственность во многих иных странах «третьего мира» и Евразии).⁴

Иными словами, административные и политические полномочия, которые, согласно одобренному Египтом соглашению с ХАМАСом, получает М. Дахлан, создают впечатление фактического согласия нынешних властителей Сектора вернуть ему, как минимум, часть из уже освоенной исламистами инфраструктуры влияния, которую он имел в Газе 10 лет назад. Достижению этой же цели явно помогут и уцелевшие в исламистском перевороте 2007 года сторонники М. Дахлана, которых он получил право взять с собой в Сектор.

Взамен новый глава зарубежного «политбюро» ХАМАСа И. Ханья и лидеры группировки, которые унаследовали его посты в Секторе, надеются на способности М. Дахлана поддерживать режим открытых пограничных переходов в Рафахе между Египтом и Газой на более длительные периоды. А также на продолжение внешнего финансирования (прежде всего со стороны союзников М. Дахлана в ОАЭ) стабильных поставок в Сектор дизельного топлива. И не в последнюю очередь – на возможности выезда из Газы за рубеж и возвращения туда местных жителей, что особенно актуально для лидеров политического и военного крыла группировки и их приближенных, передвижение которых сильно ограничено израильской и египетской блокадой сектора.

Мотивы Израиля

В любом случае за всеми этими, на первый взгляд, техническими вопросами просматривается вполне очевидная перспектива: продолжение процесса формирования в Газе само-

стоятельного палестино-арабского «квазигосударства», официально и реально независимого от ПНА.

Нетрудно заметить, что подобное развитие событий на этом этапе может устроить и многие фракции в руководстве Израиля, что и объясняет его необычную готовность прислушаться к не менее нестандартной просьбе М. Аббаса помочь ему «финансово и политически высушить ХАМАС».

Во-первых, эта тенденция вполне укладывается в очевидную для большинства израильтян исчерпанность первоначальной «парадигмы Осло» и бесперспективность поиска единой линии по отношению к ПНА в свете ее окончательного распада на «Фатхленд» на Западном берегу и «Хамасстан» в Газе. И, соответственно, является аргументом в пользу тех, кто требует выстраивания самостоятельной политики по отношению к каждому из них. Что касается Газы, то в военно-политическом руководстве Израиля, судя по всему, укрепляется мнение, что «политика сдерживания», разные варианты которой применялись к анклаву радикальных исламистов после их вооруженного захвата власти летом 2007 года, уже достигает своих пределов. Что ставит под вопрос релевантность всей доктрины «управления кризисом в Газе без управления Газой», которой придерживались все израильские правительства после вывода из Сектора в 2005 году еврейского населения и военных баз в рамках плана «одностороннего размежевания» А. Шарона. Новая доктрина, озвученная после переформирования правительства Израиля в связи со вступлением в правящую коалицию «правой светской» партии НДИ, исходит из следующего понимания. Израиль не намерен сам инициировать новую войну в секторе Газа (равно как и на Западном берегу р. Иордан, в Ливане и Сирии), но если очередного конфликта избежать не удастся, то для ХАМАСа он должен стать последним.⁵

При этом имеющиеся сценарии того, что же будет с Сектором и его населением «на следующий день», не очевидны. Меньше всего энтузиазма сегодня вызывает все еще циркулирующая в ультралевых кругах Израиля идея признать правительство ХАМАСа и вести с ним переговоры, не требуя предварительного согласия исламистов принять требования международного сообщества о признании Израиля и отказе от террора. Немногим больше сторонников у идеи проведения ЦАХАЛом силового уничтожения в Газе военной и «гражданской» инфраструктуры местных и международных террористических сетей,

с передачей сектора либо ПНА, на что в Иерусалиме (в свете отсутствия в Рамалле готовности к какому-либо приемлемому компромиссу с Израилем) решительно не согласны, или же иной «ответственной внешней силе», на роль которой желающие пока не просматриваются.

С другой стороны, демонтаж режима радикальных исламитов в Газе и ликвидация условий для его возрождения в будущем потребуют от Израиля восстановления долгосрочного прямого административного контроля над Газой, чего в Иерусалиме также хотели бы избежать. Шансы на т.н. «чеченский вариант» (израильская зачистка Газы от террористических группировок, с последующей передачей контроля и власти в Секторе местным партнерам, с которыми можно будет иметь дело) все эти годы выглядели сомнительными. Ибо возможных кандидатов пришлось бы искать среди глав семейно-общинных кланов, вождей «осевших» в Газе бедуинских племен либо шейхов исламских духовных организаций и опирающихся на них военизированных группировок, которые в массе своей придерживаются не менее, а иногда более жестких, чем ХАМАС, версий радикального исламизма.

«Фактор Дахлана» может стать ожидаемым выходом из положения, причем не только потому, что решение первоочередных проблем Сектора теоретически снижает мотивацию ХАМАСа к развязыванию очередного столкновения с Израилем, что для лидеров группировки может выглядеть единственным выходом из кризиса власти, каковы бы ни были для них последствия. В долгосрочном плане подобное «разделение властей» в Секторе теоретически дает возможность распространить на Газу политику «кнута и пряника», предложенную Авигдором Либерманом вскоре после того, как он возглавил оборонное ведомство Израиля. То есть, как он заметил в упомянутом интервью палестинской газете «Аль-Кудс» в октябре прошлого года, это может способствовать «реанимации анклава, который и через два года после разрушительного конфликта с Израилем не пришел в себя»,⁶ включив его в устраивающие Израиль долгосрочные схемы безопасности. И все это – без необходимости как вновь оккупировать Газу, так и вести с ХАМАСом прямые или неофициальные переговоры на его условиях, и более того – получить рычаги для дальнейшей маргинализации этой группировки в среде палестинских арабов и арабо-мусульманском мире в целом.

При этом рассчитывать на время от времени обсуждаемый в некоторых кругах вариант «большого сектора Газы», то есть создание автономного палестинского образования под протекторатом Египта на территории Сектора и в пограничных районах Синайского полуострова, пока явно не стоит. Во всяком случае, вызвавшее большой резонанс в феврале этого года заявление тогдашнего министра без портфеля, а ныне министра связи от правящей партии Ликуд Аюба Кара, согласно которому «премьер-министр Биньямин Нетаньяху и президент США Дональд Трамп примут план президента Египта Абд аль-Фаттаха ас-Сиси о создании Палестинского государства на территории сектора Газы и Синайского полуострова, а не в Иудее и Самарии»⁷, было немедленно опровергнуто Каиром. Что может означать как обычный wishful thinking слегка увлекшегося израильского политика, так и нежелание египтян делать достоянием гласности те или иные сюжеты, которые могли действительно обсуждаться в двух- и трехстороннем формате.

В-третьих, появление в Газе некоего варианта политическое самоопределения палестинских арабов может устроить Израиль по еще одной причине. Оно будет реализовано вне рамок договоренностей Израиля и ООП, шансы достичь которого, по мнению как правых, так и большинства левонастроенных израильтян, сегодня близки к нулю. Как, впрочем, и с точки зрения М. Аббаса, чья команда последние 2–3 года ведет политику «дипломатической интифады» – масштабного антиизраильского подстрекательства и международной делигитимации еврейского государства. Но несмотря на это, с точки зрения международно-го сообщества, именно ПНА продолжает считаться «ультимативным адресом» для палестино-израильского диалога. И коль скоро договорённостей с ней об окончании конфликта пока нет, Израиль, который до последнего сантиметра ушел из Газы в 2005 году, продолжая при этом обеспечивать базовые гуманитарные потребности местного населения, продолжает, как абсурдно это ни звучит, в глазах международных организаций считаться оккупирующей стороной.

Появление в Секторе палестинской квазигосударственной автономии позволяет Израилю завершить эту тему. Особенно если во главе такого образования в случае реализации соглашения между М. Дахланом, олицетворяющим идею «светского палестинского национализма», и исламистами из ХАМАСа будет стоять своего рода «правительство палестинского арабского

единства», – чего, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось достичь в ходе многочисленных переговоров ХАМАСа и ООП. Собственно, появлению такой опции вольно или невольно подыграл сам М. Аббас, который устроил в Газе финансовый и энергетический кризис, отправил на досрочную пенсию шесть тысяч госслужащих и совершил еще ряд шагов по «удушению» режима ХАМАСа, попытавшись к тому же втянуть в этот процесс Израиль и Египет. И тем самым фактически заявил о снятии с Рамаллы ответственности за ситуацию в Секторе.

Возможные перспективы

При всем при этом шансы на реализацию подобного сценария в силу ряда обстоятельств пока остаются не более чем умозрительными. Прежде всего, осознав направление процесса, его активно пытается торпедировать Махмуд Аббас, тем более, что конфликт с Газой приносит ему политические издержки и на Западном берегу. Так, согласно результатам ежеквартального опроса, проведенного Институтом Конрада Аденауэра и Палестинским научно-исследовательским центром Хали Лашкаки, 84% палестинцев не одобряют отказ Рамаллы от уплаты денег за электричество, поставляемое в сектор Газы. Кроме того, 88% респондентов высказались против проведенных ПНА сокращений зарплаты государственным служащим в Секторе Газы, 40% респондентов считают, что эти меры направлены на создание экономического давления. И все это на фоне традиционно низкой популярности Махмуда Аббаса: 2/3 палестинцев на Западном берегу хотят, чтобы он ушел с поста главы ПНА.

Потому М. Аббас, используя в качестве повода обострение кризиса на Храмовой горе в Иерусалиме, резко усилил свою антиизраильскую риторику, стремясь перехватить инициативу у ХАМАСа, параллельно обратившись к руководству исламистов с предложением начать очередной диалог о примирении враждующих фракций палестинских арабов. На встрече с делегацией ХАМАСа, состоявшейся 1 августа в резиденции главы ПНА в Рамалле, М. Аббас пообещал возобновить оплату поставок в сектор электроэнергии, подписать «президентский указ» об отмене финансовых санкций, включая снятие запрета на прямой перевод иностранной валюты в банки Газы. А также

предложил распустить «теневой кабинет» ХАМАСа в Газе в обмен на включение его представителей в «правительство палестинского единства». Разумеется, с условием немедленного и официального дезавуирования любых договоренностей, достигнутых ХАМАСом с Мухаммедом Дахланом.⁸

Нет оснований предполагать, что союз с М. Дахланом является для лидеров ХАМАСа стратегическим, а не просто тактическим выбором, который мгновенно потеряет для них смысл и ценность, как только (и если) первоочередные проблемы выживания режима радикальных исламистов будут решены. Или, наоборот, в случае, если палестинские исламисты почувствуют, что заигрывания с лидерами проамериканского суннитского блока могут вновь подорвать с трудом достигнутое хрупкое доверие Ирана, причем в отсутствии со стороны этих режимов каких-либо реальных обещаний по обеспечению дипломатического, экономического и физического выживания режима ХАМАСа. Нет и гарантий, что и сам М. Дахлан, вопреки его прагматизму (а возможно, и благодаря ему), не попробует договориться со своими «друзьями террористической юности» на их радикально-антиизраильской платформе, если он почувствует хоть малейшую выгоду от такого поворота событий.

Наконец, создание «государства Газа» будет означать официальное «закрытие» «процесса Осло», пусть уже и в значительной степени исчерпавшего себя, но утвердившегося в последнюю четверть века в международном дипломатическом, политическом и правовом дискурсе. И потому в свете перспективы «взрыва» завязанной на этот процесс сложной системы связей, интересов и амбиций пересмотр «изначальной» концепции «палестино-израильского мирного процесса» потребует согласия и поддержки ключевых мировых и региональных держав, чего добиться будет не так просто.

Тем не менее потрясший ближневосточный регион политический водоворот «арабской весны» уже дал дорогу целому ряду геополитических схем, появление которых ранее считалось немислимым. Потому не исключено, что если не сейчас, то в будущем, печально-знаменитый лозунг «вначале Газа» [и Иерихон], под знаменем которого ныне уже оба покойные Ицхак Рабин и Шимон Перес в начале 90-х гг. прошлого века продвигали идею договоренности Израиля с ООП по модели «мир в обмен на территории», может получить совершенно новое содержание.

- ¹ См.: Liberman offers Gaza carrots and sticks // *Globes Israel*, 25.05.2016.
- ² См.: Avi Issacharoff. Turning Gaza's lights back on, Abbas's rival Dahlan makes dramatic return to center stage // *The Times of Israel*, 20.06.2017.
- ³ Victor Kocher. Arafat's Palestine: Closure, Corruption and Poverty // *Swiss Review of World Affairs*. September 1997, p. 4–7.
- ⁴ Подробнее см.: Vladimir (Zeev) Khanin. Informal Structures of Power (Clans) and Administration Models in the Post-Soviet and Post-Colonial Worlds / In Gammer M. (ed.) // *Community, Identity and State: Comparing Africa, Eurasia, Latin America and the Middle East*. – London: Routledge, 2004, p. 42–68.
- ⁵ См.: Liberman to Palestinian paper: Israel would 'completely destroy' Hamas in next war // *The Times of Israel*, 24.10.2016.
- ⁶ См.: Liberman offers Gaza carrots and sticks // *Globes Israel*, 25.05.2016.
- ⁷ Микроблог Аюба Кары в социальной сети «Твиттер» [@ayoobkara](#), 13 февраля 2017.
- ⁸ Daniel Siryot. Report: Rival Palestinian factions negotiate rapprochement // *Israel Hayom*, 08.2017.

Владимир (Зеэв) Ханин

**СТАРЫЕ ИНТЕРЕСЫ И НОВЫЕ УГРОЗЫ
БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В СВЕТЕ НОВОГО ВИТКА СИРИЙСКОГО КРИЗИСА**

Выпущенные эсминцами ВМС США «Ross» и «Porter» в ночь на 7 апреля 59 крылатых ракет Tomahawk по авиабазе сирийской армии Шайрат близ города Хомс стали официальным американским ответом на атаку химическим оружием по району Хан Шейхун в провинции Идлиб, итогом чего стала гибель десятков и ранения и отравление сотен людей. Ответственность за это США и их союзники возложили на режим сирийского президента Б. Асада, в силу чего ВВС Сирии и стали объектом «операции возмездия». В то же время сам Б. Асад и Россия, фактически обеспечивающая последние годы дипломатическое, а с 2015 г., когда в Сирии появился российский военный контингент, – и военно-политическое выживание правящего в Дамаске алавитского режима, его причастность к химической атаке отрицают, возлагая вину на противников официального Дамаска.

Дилеммы американского интереса

Данные о последствиях американского ракетного удара противоречивы. Министерство обороны России официально заявляло о «низкой эффективности» атаки ВМФ США (по данным пресс-секретаря ведомства, «только 23 ракеты из 59 долетели до сирийской авиабазы, а место падения оставшихся 36 крылатых ракет неизвестно»). Представители Пентагона, напротив, сообщили, что 58 из 59 крылатых ракет поразили в Шайрате, по меньшей мере, 44 цели, включая два десятка сирийских военных самолетов, топливные резервуары, ВПП, склады запчастей и боеприпасов и иные объекты. А глава оборонного ведомства Дж. Мэттис позже уточнил, что в ходе атаки

было уничтожено 20% действующих сирийских единиц ВВС, а остальные потеряли возможность заправки или пополнения боеприпасов на этой базе на ближайшую перспективу. Тем самым, по мнению секретаря по обороне, «Асад и Сирия получили четкий сигнал о неприемлемости использования ими химического оружия».¹

Вероятно, эти обстоятельства имел в виду президент США Д. Трамп, декларируя, что «ракетный удар по авиабазе в Сирии отвечает жизненно важным национальным интересам Америки». Так в чем же состоит в данном случае американский интерес, с точки зрения новой администрации?

Очевидно, что Д. Трамп в этом вопросе действовал в соответствии с его линией на ликвидацию внешнеполитического наследия его предшественника Б. Обамы, чьи действия, по мнению сегодняшнего хозяина Белого дома, привели к существенной инфляции статуса США как «великой державы» и нанесли тяжелый удар по репутации страны. В ближневосточном контексте, по мнению команды Д. Трампа, частью этого ошибочного курса были «продавленное» Б. Обамой «плохое» соглашение великих держав с Ираном, фактически превратившее его в государство, стоящее на пороге обладания ядерным оружием, и столь же проблематичная линия в отношении сирийского режима Б. Асада.

Главные претензии Д. Трампа в этом смысле состоят в том, что Б. Обама публично продемонстрировал недопустимую слабость в поддержании установленных самим Вашингтоном «красных линий» сдержанности, главной из которых является применение правительственными войсками Сирии оружия массового поражения. Такой случай имел место в августе 2013 года, когда жертвами боевых отравляющих веществ стали сотни людей, в массе своей, по мнению наблюдателей, мирных сирийских граждан. Вопреки опровержениям Дамаска и озвученным Москвой и Тегераном «сомнениям», причастность сирийского режима к этим химическим атакам, согласно декларации Госдепа США и расследованию ООН (назвавшей эти атаки наиболее значительным случаем применения химического оружия против гражданских лиц с момента использования его Саддамом Хусейном в Халабадже в 1988 году), была объявлена неоспоримой. Тем не менее администрация США тогда вместо обещанного в такой ситуации применения силы в отношении режима Б. Асада предпочла пойти на договорённость

с Москвой. Итогом которой стало согласие Сирии «прислушаться к совету России», присоединиться к Конвенции по нераспространению химического оружия и передать имеющиеся у нее запасы под международный контроль для последующего уничтожения.

По мнению Б. Обамы, в той ситуации такой выход был лучшим из возможных, ибо, не выпустив ни одной пули и ни одной ракеты, он добился от Дамаска большего, чем можно было ожидать от любых силовых решений. И именно на такой интерпретации событий продолжали настаивать бывший президент и члены его команды и три года спустя. Так, еще в январе 2017 года пребывающий последние недели на посту Госсекретаря США Дж. Керри, выступая в U.S. Institute of Peace², внес сделку по химическим вооружениям Дамаска в число ключевых достижений администрации Б. Обамы в сфере внешней политики в 2014 году – наряду с «согласием Китая помочь в создании механизма сдерживания КНДР, прекращением огня в Южном Судане, промежуточным соглашением с Ираном и прогрессом в формировании нового правительства Ирака». Притом, что особых иллюзий в отношении заявлений Дамаска о передаче «100% имевшихся у него химических материалов военного назначения», о чем тогдашний глава Госдепа заявил в том же 2014 году,³ по данным американских СМИ, сам Дж. Керри в тот момент, похоже, не испытывал.⁴

Мнение Д. Трампа, высказанное им в период избирательной кампании и после победы на президентских выборах, было и остается ровно противоположным: средне- и долгосрочные стратегические издержки репутационных потерь Соединенных Штатов, отказавшихся соблюдать собственные ультимативно заявленные принципы, существенно превосходят оперативные выгоды от этой сделки. В этой связи обращает на себя внимание высказывание 94-летнего патриарха арабо-израильской челночной дипломатии, бывшего госсекретаря США в администрации Р. Никсона, Г. Киссинджера, сделанное им в интервью, опубликованном незадолго до выборов президента США влиятельным американским ежемесячником «The Atlantic». «Репутационный статус (credibility) государства подобен человеческому характеру: он дает гарантии, что на это государство могут уверенно полагаться друзья, а противники будут всерьез воспринимать его угрозы. [Восстановление Америкой] такого статуса после очевидного психологического

разрыва [последних лет] и должно быть ключевым компонентом ее стратегии». ⁵

Именно этот аргумент Г. Киссинджера (который, по некоторым сведениям, является неофициальным внешнеполитическим консультантом нового президента США) был целиком воспринят Д. Трампом, тем более, что он вполне соответствует линии на отказ от тех компонентов внешнеполитической стратегии его предшественника, которые, по мнению нынешнего хозяина Белого дома, привели к существенной инфляции статуса США как великой державы.

Собственно, это осознавали и в команде Б. Обамы, хотя немногие, подобно министру обороны в его администрации (в 2011–2013 гг.) Леону Панетте были готовы признать, что содержание «химической» сделки с Асадом и, главное, контроль над ее реализацией дает довольно «путаный меседж» и Б. Асаду, и сирийцам, и миру в целом. И потому нанесло ущерб американской репутации (credibility). ⁶

Ситуация, по мнению Д. Трампа, требовала немедленного исправления. И, таким образом, реакция Вашингтона на события в сирийской провинции Идлиб была не спонтанной.

Либералы и консерваторы

То, что такой подход в США разделяют далеко не все, удивления не вызывает. Интереснее другое: размежевание по поводу ревизии обамовского «нового прочтения» американских интересов вышло за рамки традиционных разногласий между демократами и республиканцами. Так, действия новой администрации неожиданно поддержал в статье, опубликованной в рупоре леволиберального лагеря США – газете «New York Times», бывший заместитель госсекретаря США в администрации Б. Обамы А. Блинкен. Впрочем, он утверждал при этом, что «удар возмездия» должен быть не началом масштабной военной кампании, а «прологом» к новому витку мирных переговоров. ⁷ А бывший руководитель А. Блинкена Дж. Керри не просто приветствовал силовые шаги новой администрации в Сирии, но выразил удовлетворение быстротой реакции и предлагал продолжить удары до получения «позитивных сдвигов». ⁸

Очевидное противоречие между нынешним и приведенными выше заявлениями Дж. Керри, по его мнению, легко объяс-

нить тем, что «Обама на самом деле никогда не отходил от намеченных им “красных линий” и был готов разбомбить Сирию в случае применения Асадом химического оружия».⁹ То есть Дж. Керри намекнул на то, что Д. Трамп, по его мнению, действует в Сирии в полном соответствии с линией прежней администрации, вновь вызвав этим объяснением критику как левого, так и правого флангов американского политического спектра. Но если американские «левые» (в основном представители партии демократов) возражают против самого факта прямого военного вмешательства США в сирийский кризис, то представители правоконсервативных кругов не соглашались именно с сутью декларации Дж. Керри.

Сомнения выступивших от имени этих кругов комментаторов в том, что Б. Обама в нынешней ситуации сделал бы то же самое, что сегодня делает Д. Трамп, базируются на том, что прежний президент США, по сути, «закрыв глаза» на неполное исполнение условий соглашения, касающегося сирийского химического оружия. В руках режима Б. Асада, по их мнению, оставалось немало подобных вооружений и после объявленного Дж. Керри в 2014 году завершения их вывоза со складов сирийской армии,¹⁰ и эти боеприпасы, хотя и в ограниченных масштабах, продолжали эпизодически использоваться на протяжении последующих трех лет.¹¹ Но главное, с точки зрения «правых» критиков стратегии Б. Обамы в Сирии, состоит даже не в этом.

Данная линия Белого дома, по их мнению, «заставила международное сообщество, впервые после начала сирийского кризиса, примириться с фактом, что режим Асада будет оставаться долгосрочным субъектом процесса и партнером по переговорам». Она же заставила «умеренные» суннитские режимы региона, по-прежнему полагающие, что «Асад должен уйти», активизировать, за неимением другой действенной оппозиции режиму, поддержку вооруженных исламистов. И, наконец, спровоцировала прямое военное вмешательство в конфликт России, лидеры которой посчитали для себя правильным заполнить образовавшийся геостратегический вакуум.

Потому если принять логику аргументов комментаторов «справа», Д. Трамп сегодня вынужден действовать в рамках не столько «позитивно принятой», сколько навязанной ему этой военно-политической и дипломатической реальности. Впрочем, разногласий по поводу избранной Д. Трампом в этой ситуации

линии совсем немало и в самом правоконсервативном лагере. В качестве примера приведем дискуссию двух весьма заметных в этих кругах экспертов – Д. Пайпса и Г. Романа, соответственно, президента и генерального директора НПО The Middle East Forum (MEF), авторитетного филадельфийского think-tank консервативной (и, соответственно, израильской и антиисламистской) ориентации.

Д. Пайпс, который возглавляет также основанную им НПО Campus Watch, занятую борьбой с предвзятым отображением арабо-израильского конфликта и радикально-антисионистской и антисемитской пропагандой в ВУЗах западного мира, а также разоблачением связей академических востоковедных центров с фондами, спонсирующими также радикально-исламистские, в том числе террористические организации, назвал атаку США на сирийскую базу «ошибочным ходом» Белого дома. Его аргументы были представлены в статье, опубликованной в интернет-версии двухнедельника «National Review», имеющего репутацию авторитетной идеологической трибуны консервативного лагеря и «голоса американских правых».¹²

В этом тексте Д. Пайпс, как он это уже делал в прошлом, предостерег администрацию от прямого военного вмешательства в идущую уже шесть лет гражданскую войну в Сирии поддержанного Турцией, Катаром и Саудовской Аравией разношерстного, как он выразился, набора арабских суннитских повстанцев исламистского толка, с патронируемым Ираном, намного более сплоченным проправительственным блоком шиитов, алавитов и части христиан.

Коль скоро доминирование и отвратительного режима Б. Асада, и исламистских суннитских фанатиков есть одинаково плохое решение для Сирии, лучшее, если следовать логике Д. Пайпса, что может в этой ситуации делать администрация Д. Трампа – это предоставить обеим сторонам возможность самим выяснять отношения. Без того, чтобы применяя военную силу, де факто становиться союзником одной из противостоящих и одинаково малосимпатичных свободному миру сил. В каком-то смысле аргументом в пользу такого понимания является реакция сирийской оппозиции, которая, приветствуя американскую атаку, призвала распространить подобные шаги на все аэродромы правительственных войск, а также установить бесполетные зоны для того, чтобы предотвратить бомбардировки оппозиционных сил военно-воздушными силами противника.

Даже не говоря о том, что подобный проект, который мог бы быть до 2014 года реализован администрацией Б. Обамы, после появления в Сирии Воздушно-космических сил России становится малореальным, призыв оппозиции намного больше напоминает обращенное США требование о выполнении ими односторонне взятых союзнических обязательств, чем просьбу об одолжении.

Потому ресурсы Вашингтона, считают Д. Пайпс и его сторонники, вместо одноразовых военных атак, которые не предполагают, насколько можно судить, дальнейшей эскалации и потому сдерживающий эффект которых в любом случае будет ограничен, должны быть направлены на предоставление гуманитарной помощи и предотвращение страданий гражданского населения.

Как максимум, США, по мнению Д. Пайпса, могут позволить себе оказание не прямой поддержки вооружениями и разведданными слабейшей из сторон (каковой в 2013–2014 гг. был проасадовский блок, а сегодня – оппозиция Б. Асаду), в ожидании появления в Сирии умеренной и вмняемой «третьей силы», с которой Запад сможет иметь дело. (Понятно, если это не будет противоречить стратегическим интересам и моральным принципам США). Соответственно, заключает Д. Пайпс, воздержание Б. Обамы от прямого вмешательства в сирийский гражданский конфликт было верной стратегией, эффективность которой в то же время была подорвана бессмысленным, по мнению президента МЕР, прочерчиванием тех или иных «красных линий», которые прежняя администрация в любом случае не собиралась выполнять.

Г. Роман представил принципиально иное видение ситуации. В статье, опубликованной вашингтонским полуофициозом «The Hill» («[Капитолийский] холм»), ежедневно доставляемым в офисы практически всех конгрессменов, сенаторов и чиновников администрации США и Белого дома, и как принято считать, оказывающим немалое влияние на лиц, причастных к принятию политических решений, Г. Роман энергично поддержал удар по Сирии. Причем примерно по тем же соображениям, которыми в окружении нынешнего президента руководствуются критики Б. Обамы: необходимость восстановления ультимативного потенциала сдерживания, которым располагали США до начала реализации прежним президентом США его новой ближневосточной стратегии. И потеря которого, по мне-

нию Г. Романа, и проявилась в «беззубой» реакции Вашингтона на демонстративное нарушение Б. Асадом в 2013 году и позднее согласованных «красных линий» действий режима и его противников в Сирии.¹³

Быстрые автономные и неожиданные действия Д. Трампа в резком контрасте с линией предыдущей администрации, тянувшей время под предлогом необходимости получения сначала поддержки Конгресса, потом – согласия союзников по НАТО, полагает эксперт, «позволили "смыть пятно" фиаско «красных линий» Обамы». И тем самым «восстановить престиж и реноме США как надежного и предсказуемого союзника», о чем, по мнению Г. Романа, свидетельствует «шокирующе позитивная», как он выразился, реакция и западного, и умеренного арабского мира.

И именно «смелое американское лидерство и решительные действия», столь давно ожидаемые ближневосточными союзниками США, заключает Г. Роман, следует предпочесть громоздким и малоэффективным многосторонним конструкциям и малоосмысленному дипломатическому маневрированию.

Израильские реакции и ближневосточный контекст

Судя по однозначно положительным и, что нетривиально, солидарным комментариям из столиц умеренных суннитских режимов региона (за исключением Египта), американский ракетный удар 7 апреля – это те самые действия, которых многие на Ближнем Востоке ждали уже давно. Понятно, что восстановление Д. Трампом «красных линий» в отношении правительства Б. Асада, равно как и его критику фактической легитимации ядерной программы Ирана эти режимы готовы рассматривать в качестве позитивного изменения прежнего курса США, который ими воспринимался чуть ли не как предательство Б. Обамой интересов традиционных союзников Вашингтона в пользу интересов шиитской «оси зла». Показательно, что арабские лидеры региона на этот раз не прилагали и особых усилий скрыть тот факт, что их интересы в этом смысле мало отличаются от интересов Иерусалима – в отличие от их традиционного желания всеми силами избежать публичной демонстрации совпадения тех или иных тактических и стратегических целей «умеренных» суннитских режимов и Израиля.

Что касается самого Израиля, то тон там вначале задал президент страны Р. Ривлин, который определил ответный удар по авиабазе Шайрат после трагедии в Идлибе в качестве «примера всему свободному миру», который, по мнению Р. Ривлина, «должен поддержать любые шаги, необходимые, чтобы положить конец жестокостям войны в Сирии».

Премьер-министр Израиля, который назвал применение химического оружия «недопустимым действием», также поддержал президента США, который, как считает Б. Нетаньяху, «дал однозначно понять, что не будет терпеть использования и распространения химического оружия». И, что было тоже ожидаемо, поспешил выразить надежду на то, что Д. Трамп будет решительно действовать не только в отношении Дамаска, но также в отношении Тегерана, Пхеньяна и других подобных режимов. В том же духе высказался и член военно-политического кабинета, министр транспорта и разведки И. Кац, который назвал ракетный удар США «важным стратегическим ходом» и «логичной реакцией великой державы на пересечение "красных линий" жестоким диктатором и четким посылом поддерживающей его оси во главе с Ираном».

Показательно, что ракетный удар США по авиабазе сирийских правительственных войск поддержал и формальный лидер израильской оппозиции, глава блока «Сионистский лагерь» И. Герцог. Он определил происшедшее 7 апреля как «важное послание “дамасскому мяснику”, переданное в правильное время и в правильном месте». Иными словами, решение президента США Д. Трампа о нанесении удара по сирийской авиабазе, за исключением острожно-невнятных реакций ультралевых и арабских кругов, вызвало позитивные отклики практически всего политического спектра – случай для израильской политической практики, прямо скажем, нечастый.

Чем же можно объяснить такое единодушие, и в чем, с точки зрения официального Иерусалима, здесь состоит израильский интерес?

На наш взгляд, этот интерес включает два аспекта – общерегиональный и двусторонний. Первый связан с имевшим место устойчиво низким уровнем доверия израильских лидеров к звучащим в предшествующее восьмилетие из Вашингтона гарантиям безопасности Израиля, положившись на которые еврейское государство и должно было, по замыслу советников предыдущего президента США, оплатить своими кардиналь-

ными уступками на палестинском и иранском треке тогдашнее прочтение американских интересов на Ближнем Востоке. Помимо того, что подобные идеи не находили понимания большинства израильского общества и его политического класса, опасения Иерусалима вызывала и направленность тогдашнего нового курса США в регионе, предполагавшая «прагматичный» подход к системе общих ценностей и долгосрочных стратегических обязательств, на которых традиционно строились американо-израильские отношения. В силу чего израильские лидеры не исключали шанса остаться один на один с (по мнению израильтян, неизбежно негативными) последствиями таких экспериментов. А эскапистская линия США в сирийском кризисе лишь добавляла к этим опасениям новые аргументы.

Этот сюжет сыграл свою роль и в торможении наметившегося диалога Израиля с умеренными прозападными арабскими суннитскими государствами региона. Последние были явно заинтересованы в сотрудничестве с Израилем для купирования угроз своему существованию со стороны гегемонистских устремлений Тегерана и радикально-исламистских суннитских движений, а также снятия с повестки дня «палестинской» темы, подрывавшей их внутреннюю стабильность. Условием Израиля была готовность арабских монархий, уже 15 лет пытающихся возложить на Израиль всю цену вопроса, «оплатить свою часть акций», в том числе и на палестинском треке. Однако сомнение в ультимативной поддержке израильской позиции Вашингтоном, проистекающее из доктрины «невмешательства», к тому же подкрепленной демонстративным «охлаждением» отношений США с еврейским государством с целью «перезагрузки» отношений США с арабо-исламским миром, делала такой сдвиг малореальным.

Что касается отношения к ситуации в Сирии самого Израиля, то американо-израильские разногласия, имевшие место на протяжении обеих каденций Б. Обамы по большинству аспектов национальной безопасности (разумеется, за исключением продолжавшей динамично развиваться даже на пике этих разногласий сферы военно-технического сотрудничества)¹⁴, так или иначе влияли и на этот аспект. В отличие от США, Израиль на протяжении всех 6 лет сирийского кризиса считал, что режим Б. Асада является не лучшей опцией для обеспечения стабильности в регионе. Во всяком случае, израильский министр обороны А. Либерман не упускал случая заметить, что

те, кто ищет стабильности в Сирии, должны понимать, что это будет невозможно при сохранении Б. Асада у власти. И того же мнения, временами выбирая более мягкие определения, явно придерживались и премьер-министр Б. Нетаньяху, и другие ключевые представители военно-политического руководства Израиля.

С другой стороны, само по себе мнение США, что Израилю следовало поддерживать линию невмешательства в сирийский кризис, в Иерусалиме возражений не вызывало. Однако в свете проблематичного отношения Вашингтона к соблюдению Дамаском им же установленных «красных линий» оставался вопрос: в какой степени американские гарантии безопасности, данные своему стратегическому союзнику, будут релевантными, если этот кризис «перехлестнет» границы еврейского государства, в чем, по всем признакам, были бы заинтересованы иранские покровители официального Дамаска?

В этих условиях израильские лидеры предпочли пойти на прямые договоренности с Москвой, где также проявили готовность учесть некоторые из израильских интересов. Включая понимание причин, по которым Израиль не готов допустить открытие нового антиизраильского фронта Ираном со стороны сирийской части Голанских высот, а также усилий по пресечению поставок режимом Б. Асада через территорию Сирии иранских и российских вооружений враждебным Израилю террористическим группировкам радикальных исламистов.

В том, что эта отработанная в ходе многочисленных российско-израильских контактов на высшем уровне и профессиональных команд двух стран схема работает, свидетельствует отсутствие открытых возражений российской стороны на действия, предпринятые ЦАХАЛом (или приписываемые ему) в 2015–2017 годах. Например, по поводу нанесенных в этот период четырех десятков авиаударов (впятеро больше, чем за два предыдущих года) по находящимся в Сирии складам и транспортам вооружений, включая российские, предназначенных для передачи ливанской «Хизбалле» и способных повлиять на стратегический баланс в районе северных границ Израиля. А также жесткое подавление израильскими ВВС и артиллерией ЦАХАЛа источников эпизодических обстрелов территории Израиля с сирийской стороны и сирийских ПВО, пытавшихся открыть огонь по израильским самолетам. В свою очередь, в Иерусалиме, вопреки многолетним усилиям не допустить пе-

редачи Сирии российских ПВО С-300, достаточно сдержанно отнеслись к развертыванию там намного более продвинутой версии этих комплексов, будучи уверены, что поставленные им боевые задачи, по крайней мере сегодня, находятся вне контекста израильско-сирийских отношений.

Российский фактор

Потому вопрос, в какой степени это, в принципе, устраивающее обе стороны понимание, вплетенное в схему достигнутых в 2015 и 2016 гг. договоренностей между Израилем и США и между США и Россией, остается релевантным в новой ситуации, является далеко не праздным.

На первый взгляд, ответ на этот вопрос скорее отрицательный. Россия отвергла предъявленные сирийскому режиму обвинения в использовании оружия массового поражения против мирных граждан и резко осудила американский «удар возмездия». По информации СМИ, в разговоре с Б. Нетаньяху президент России В. В. Путин также выразил неудовольствие тем, что Израиль принял американскую и в целом западную версию событий, не дожидаясь итогов «независимого международного расследования». Что некоторые израильские эксперты поспешили назвать «тревожным признаком возможного негативного влияния на координацию действий Израиля и России в Сирии, и на готовность России прислушиваться к израильским пожеланиям не допустить Иран к израильским границам».¹⁵ Со своей стороны, в арабскую прессу из неких источников была немедленно «слита» информация о том, что Сирия, Иран и «Хизбалла» взвешивают возможность атаковать Израиль, если американские атаки в Сирии будут продолжены.¹⁶ (Впрочем, степень надежности источника, как и серьезность этих заявлений остаются под вопросом, не говоря уже о том, что ненависть к еврейскому государству этих субъектов вряд ли нуждается в дополнительных мотивах).

Заметим, что и до описываемых событий в Иерусалиме отмечали усиление присутствия боевиков «Хизбаллы» и иранского КСИРа на сирийской части Голанских высот, располагающих, среди прочего, тяжелой артиллерией российского производства (о том, что израильтянам это известно, Б. Нетаньяху проинформировал В.В. Путина на их встрече в марте 2017 г.).

И, соответственно, выражали скепсис по поводу способности России в такой ситуации гарантировать спокойствие в районах, примыкающих к израильским границам.

В этом смысле санкционированный Д.Трампом удар ВМС США по авиабазе в Сирии в ответ на предполагаемую химическую атаку режимом Б. Асада лишь ускорил события, подвигнув Б. Нетаньяху выдвинуть идею создания буферной зоны между Израилем, Иорданией и Сирией «в рамках любой будущей резолюции о прекращении шестилетней сирийской гражданской войны». По информации израильских СМИ, создание такой зоны безопасности, в обеспечение которой израильские военные непосредственно вовлечены не будут, призвано держать силы Ирана и «Хизбаллы» на безопасном расстоянии от израильской территории, а также служить фактором поддержания региональной стабильности. Именно в таком контексте, по тем же данным, эта идея уже рассматривается на международном уровне.¹⁷

Мнение России по этому поводу пока не известно. Но в Москве уже дали понять, что в случае углубления конфронтации между Сирией и США, ее симпатии и поддержка будут на стороне Дамаска, который вместе с «Хизбаллой» и Ираном не скупится на угрозы в адрес американцев (например, не исключают возможности атаковать американские цели в Персидском заливе). На первый взгляд, это и есть ответ на заявление Р. Тиллерсона на встрече министров иностранных дел крупнейших экономически развитых стран (G7) в итальянском городе Лукка 11 апреля с. г. Накануне своего отъезда в Москву Р. Тиллерсон так представил совместную позицию этой группы и их ближневосточных союзников: «России придется выбирать между Соединенными Штатами и западными единомышленниками или режимом сирийского президента Башара Асада, Ираном и "Хизбаллой". Нам понятно, что правление клана Асада приближается к концу, и мы надеемся, что российское правительство поймет, что держаться за такого ненадежного партнера непродуктивно».¹⁸

Российские представители ожидаемо отвергли саму мысль о возможности обсуждать ультиматумы такого рода как «бесполезные и контрпродуктивные».¹⁹ И параллельно с заявлениями Москва приостановила действие механизма координации с Соединенными Штатами полетов в воздушном пространстве Сирии, что теоретически чревато возможностью столкновений

американских и российских ВВС. Все это, казалось бы, подтверждает аргументы тех, кто считает, что действия США в Сирии подтолкнули Россию к тесному союзу с Ираном и его сателлитами, что увеличивает и риск нового масштабного регионального конфликта.

Первые итоги

И все же, у этой истории есть и иная сторона.

Во-первых, хотя Россия и США представили взаимоисключающие данные об эффективности американского ракетного удара по базе ВВС Сирии, оба сообщения сходятся в одном пункте: это сравнительно низкие потери среди личного состава базы, причем в Пентагоне подчеркивают, что были приняты меры для того, чтобы минимизировать человеческие жертвы. Кроме того, отмечается, что не наносились удары по объектам, где могли храниться арсеналы химического оружия. В этой связи нельзя не заметить, что вооруженные силы США 7 апреля провели свою операцию именно в стиле примерно тех же договоренностей, которые были в свое время достигнуты между Б. Нетаньяху и В.В. Путиным. Россияне, которые используют Шайрат в качестве базы своих военно-космических сил в Сирии, были предупреждены практически одновременно с партнерами США по НАТО и Израилем, из чего следует наличие американской установки непременно избежать удара непосредственно по российским военным.

Считается что Москва в свою очередь уведомила Дамаск, благодаря чему часть самолетов, и не только российских, но и сирийских, успели покинуть авиабазу до нанесения удара. Так или иначе, российский контингент в Сирии и Россия как субъект конфликта остались в стороне. В пользу этой версии говорит хотя бы тот факт, что запланированный до ракетного удара визит в Россию госсекретаря США отменен не был, лишь, что понятно, сместились акценты в повестке дня.

Далее, американцы уже дали понять, что их атака на Сирию есть одnorазовый ход, целью которого было послать внятный сигнал всем вовлечённым в конфликт субъектам, о том, что свобода их маневра в Сирии не является безграничной. Но это не значит, что Вашингтон, как минимум, на этом

этапе, намерен осуществлять масштабное военное вмешательство на стороне одной из противоборствующих в Сирии группировок. Как максимум, американцы могут взвесить введение дополнительных экономических санкций против Дамаска, на возможность чего намекнул министр финансов США Стивен Мнухин.

Наконец, вскоре выяснилось, что «российская дилемма Тиллерсона», несмотря на первоначальную форму ее представления, на самом деле не есть ультиматум Западу Москве. По словам самого Р. Тиллерсона, в Вашингтоне пока не уверены, что Москва в принципе не готова выполнять свои обязательства по Сирии. Госсекретарь США не исключает, что Москва оказалась просто неспособна предотвратить использование ОМП, хотя и заметил, что особой разницы между этими сценариями он не видит.

Как бы то ни было, Р. Тиллерсон явно приехал в Москву не доводить ситуацию до полного разрыва, а попробовать договориться, что отметила и российская сторона. На то он имел полномочия не только Д. Трампа, но и премьер-министра Великобритании Т. Мей, которая, по словам главы МИД ФРГ увидела в поездке госсекретаря США «окно возможностей для прекращения [бесперспективного для российской власти] союза с Дамаском»²⁰. А также федерального канцлера Германии А. Меркель, которая надеется, что единая позиция США и Европы сможет, как выразился министр иностранных дел в ее кабинете З. Габриэль, «убедить Россию перейти из [агрессивного] угла, где сидит Асад, на поле поиска политических решений».²¹ Показательно, что после встречи Р. Тиллерсона с С. Лавровым, главы обоих внешнеполитических ведомств были приняты президентом России В.В. Путиным, что по данным российских СМИ, должно было иметь место только в том случае, если бы «стороны увидели, что в переговорах есть какой-то смысл».

Д. Трамп и Р. Тиллерсон, по сути, предложили С. Лаврову и В.В. Путину вернуться к идее масштабного сотрудничества России и США в Сирии и Ираке – возможно, через подключение Вашингтона к астанинскому процессу – в обмен на отказ России от альянса с Тегераном и «Хизбаллой». Что, собственно, и было одним из аспектов высказанной еще до провозглашения Д. Трампом идеи «рационализации» отношений двух стран (зондаж возможных шагов в этом направлении, похоже, и

стоил должности советнику президента США по национальной безопасности М. Флинну, который так толком и не приступил к своим обязанностям). Причем американцы были готовы учесть и те интересы и обязательства российских лидеров, которые ранее казались им мало приемлемыми. Например, не только сохранение в том или ином виде алавитского режима, но и власти самого Б. Асада. Сегодня, в силу уверенности США и их союзников, что именно Б. Асад стоит за применением химического оружия, это уже вряд ли возможно, но остальные американские предложения, похоже, пока в силе.

С точки зрения американской стороны, предлагаемый ими компромисс в случае его достижения является классической win-win game, ибо дает возможность Путину «сохранить лицо» и большую часть его сирийских стратегических активов. А американцам, нынешние объявленные цели которых в Сирии, согласно послу США в ООН Н. Хейли, звучат как «вытеснение из Сирии иранского влияния, устранение Асада, разгром ИГИЛ и перевод кризиса в сферу политических решений»²² – получить Россию в качестве партнера по достижению как минимум двух последних приоритетов из этого списка.

Складывается впечатление, что с точки зрения США такой результат был бы наилучшим политическим итогом «операции возмездия» американских ВМС, которая является одним из пока немногих индикаторов новой ближневосточной доктрины Белого дома и Государственного департамента США. Действительно, изменение отношения Вашингтона к традиционным ближневосточным союзникам нельзя не заметить. Израиль был, понятно, первым в очереди на «перезагрузку» отношений. Следующим был Египет, что и случилось, когда в Белом доме был тепло принят египетский президент Абдель Фаттах ас-Сиси. Дальше на очереди – остальные ближневосточные прозападные суннитские монархии. Но двусторонние отношения Вашингтона с кем-либо из них в данном случае имеют меньшее значение, чем изменение региональной политики США в целом, и в отношении Сирии в частности.

Что в этом курсе от разработанной стратегии, что от спонтанных реакций на события, а что от романтических надежд, как говорят те же американцы, пока сказать невозможно. Например, комментаторы рекомендуют пока не переоценивать позитив реакции столиц прозападных арабских режимов, где ощущаются и определенные опасения в отношении дальней-

шего развития событий. Как пишет один из местных экспертов, «сокращение числа самолетов ВВС Сирии, способных уничтожать граждан страны, само по себе важно – как и то, что осуждение нарушения международных норм обращения с ОМП будет отныне выражаться не только ничего не значащими словами». И все же «имеется опасность, в случае расширения интервенции внешних сил в Сирии, потери контроля над процессом», последствия чего сегодня трудно предугадать.²³ Наибольшие сомнения в этом смысле выразил как раз Египет, воздержавшийся от приветствий американских атак на Сирию и призвавший США и Россию не эскалировать кризис, а постараться контролировать его.

Тем важнее хозяину Белого дома сегодня найти взаимопонимание по всем этим пунктам не только со своими визави в европейских и арабских столицах и в Иерусалиме, но и в Кремле. Но, каково бы ни было решение, именно президент США Д. Трамп на первый взгляд является пока главным победителем по итогам последних событий в глазах Америки и стран Запада. «В жерле кипящего вулкана, которым по-прежнему остается Ближний Восток, – считает З. Шоваль (в прошлом посол Израиля в США и политический советник А. Шарона – авт.), – правители Дамаска [два последних года] пребывали в уверенности, что сложившиеся [при прежней администрации США] правила игры не изменятся и сегодня и они смогут действовать в том же духе, включая применение химического оружия. Действия Трампа показали кардинальную ошибочность подобных представлений».²⁴

Некоторые эксперты, впрочем, полагают, что и эта ситуация в каком-то смысле может работать на Б. Асада. Так, израильский военный и политический обозреватель Й. Бен-Менахем подозревает, что «американская атака на Сирию похоронила на неопределенное время любые шансы на политическое урегулирование в Сирии в формате, заданном переговорами в Женеве». «Асад не раз открыто говорил о том, что он не верит в существование способа остановить повстанцев и восстановить контроль над всей Сирией, кроме военного, и уверен, что поддержка России, Ирана и "Хизбаллы" может позволить ему это сделать», - отмечает Й. Бен-Менахем.²⁵

Разумеется, остается вопрос, сознательно ли Б. Асад, как намекает Й. Бен-Менахем, добивался такого результата, устраивая «химическую бойню» в провинции Идлиб. Применял

ли, в силу политических соображений, химическое оружие конкретно 7 апреля 2017 г., но в принципе вполне способен это сделать, и не исключено, пошел бы на этот шаг, если бы позволили обстоятельства (в формулировке австралийского парламентария и эксперта по безопасности Э. Вилки²⁶). Либо просто использует ситуацию, которая, как предпочитают думать иные эксперты, возникла без его участия.²⁷ Но если логика Б. Асада такова, ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае ничто ему не мешает реализовывать силовой сценарий и в дальнейшем. Ибо ограниченный и в целом символический американский удар, который никак не перечеркивает военных достижений проправительственной коалиции последних месяцев, скорее всего, не будет иметь продолжения. А в случае дальнейшей эскалации, как могут полагать в Дамаске, Россия будет вынуждена удержать США.

Что касается остальных субъектов конфликта, то схемы сближения США и России за счет Ирана и его союзников, понятно, не вызвали восторга в Тегеране. В силу чего Иран сегодня, по сути, является главным бенефициаром срыва, вследствие применения ОМП против гражданского населения в провинции Идлиб и американской «операции возмездия», первых попыток таких договоренностей. Оговоримся, что сказанное совсем не обязательно означает, что именно иранцы устроили или санкционировали применение ОМП; по мнению некоторых наблюдателей, следы стоит искать в иных местах, например, в спецслужбах Турции, вступающей в очередной виток конфронтации с Россией²⁸, в СМИ которой мелькают намеки на причастность Анкары и к теракту в Санкт-Петербурге.

В итоге, даже если принять версию, что Иран или Б. Асад во всей этой истории ни при чем (по крайней мере, в отношении последнего большинство наблюдателей пока так не считает), Тегеран и Дамаск выглядят сторонами, которые сегодня больше других заинтересованы в доминировании силовых схем развития конфликта в самой Сирии. Равно как и в атмосфере «новой Холодной войны» вокруг нее. Многие полагают, что в этом же лагере большую часть времени находятся Турция, Катар и отчасти Саудовская Аравия. Напротив, США, европейцы и, разумеется, Израиль, по идее, заинтересованы в противоположном сценарии. Позиция России в этой ситуации может изменить баланс в ту или иную сторону. Каков будет выбор?

¹ Цит. по: Statement by Secretary of Defense Jim Mattis on the U.S. Military Response to the Syrian Government's Use of Chemical Weapons // Press Operations Release No: NR-129-17, 10.04.2017.

² Цит. по: John Kerry. Sets the Record Straight // Atlantic Council, 10.01.2017.

³ Твиттер Department of State @JohnKerry: Today the last 8% of declared chemical weapons were removed from #Syria. Great work done by all involved (Сегодня последние 8% объявленного химического оружия покинули Сирию. Отличная работа всех причастных к процессу!), 24.06.2014, <http://go.usa.gov/9N7H>

⁴ См., например: Matt Vespa. So, The Obama Administration Knew Syria Didn't Hand Over All Its Chemical Weapons, But Lied To Us Anyway?" (Итак, администрация Обамы знала, что Сирия не отказалась от химического оружия, но предпочла нам лгать? // Townhall, 10.04.2017.

⁵ Цит. по: Jeffrey Goldberg. World Chaos and World Order: Conversations With Henry Kissinger // The Atlantic, 10.11.2016.

⁶ "Panetta: Obama's "Red Line" on Syria Damaged U.S. Credibility // Yahoo News, 07.10.2014.

⁷ Antony Blinken. After the Missiles, We Need Smart Diplomacy on Syria // The New York Times, 07.04.2017.

⁸ Nikita Vladimirov. Kerry 'absolutely supportive' of Trump's Syria strike: report // The Hill, 04.07.2017.

⁹ John Kerry. Sets the Record Straight.

¹⁰ Твиттер Department of State @JohnKerry: Today the last 8% of declared chemical weapons were removed from #Syria. Great work done by all involved (Сегодня последние 8% объявленного химического оружия покинули Сирию. Отличная работа всех причастных к процессу!), 24.06.2014, <http://go.usa.gov/9N7H>

¹¹ Greg Roman. Trump learned from Obama's mistakes and took action // The Hill, 07.04.2017.

¹² Daniel Pipes. No to Bombing Syria // National Review, 07.04.2017.

¹³ Greg Roman. Get Ready for the Trump Doctrine // MEF (originally published in The Hill), 07.04.2017.

¹⁴ Подробнее см. наши статьи: США и израильские поселения за «Зеленой чертой» – смена акцентов? // ИБВ, 09.10.2016; Региональные аспекты договоренностей премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху и президента США Б. Обамы в ноябре 2015 года // ИБВ, 22.11.2015, Личные и идеологические факторы американо-израильских отношений в свете итогов визита Биньямина Нетаньяху в США в ноябре 2015 г. // ИБВ, 19.11.2015.

¹⁵ Yoni Ben-Menahem. Does the U.S. Attack in Syria Risk a Regional War? // JCPA, 09.04.2017.

¹⁶ См., например, информацию *Rai al-Yawm* (an Arab world digital news and opinion website, основанный Abdel Bari Atwan, бывшим редактором издаваемой в Лондоне «Al Quds al Arabi») от 08.04.2017. Цит. по: JCPA Hot Points, 09.04.2017.

¹⁷ См. Barak Ravid. Netanyahu Seeks Buffer Zones Against Iran and Hezbollah on Syria's Borders With Israel and Jordan // Ha'aretz, 07.04.2017.

¹⁸ Tillerson: "Russia must choose between US and West or Assad, Iran and Hezbollah" // REUTERS 11.04.2017.

¹⁹ Цит. по: Захарова о визите Тиллерсона: «В Москву с ультиматумами ездить бесполезно» // РИА «Новости», 12.04.2017.

²⁰ Цит. по: Barney Henderson. Theresa May and Donald Trump agree 'window of opportunity' exists to persuade Russia to break ties with Syria's Assad // The Telegraph (London), 11.04.2017.

²¹ Цит. по: Steve Scherer and Crispian Balmer. G7 powers seek broad support to isolate Syria's Assad // Reuters UK, 11.04.2017.

²² Цит. по: Sophie Tatum. Haley: No political solution in Syria with Assad in power // CNN Politics, 09.04.2017.

²³ Aymenn Jawad al-Tamimi. US strikes in Syria: This isn't regime change (but it might be) // *Middle East Eye*, 07.04.2017.

²⁴ Zalman Shoval. A policy shift // Israel Hayom, 12.04.2017.

²⁵ Yoni Ben-Menahem. Does the U.S. Attack in Syria Risk a Regional War? // JCPA, 09.04.2017.

²⁶ Rachel Baxendale. Wilkie questions if Assad regime is responsible for chemical attack // The Australian, 12.04.2017.

²⁷ Обзор подобных суждений см.: Is Assad to blame for the chemical weapons attack in Syria? // DW, 06.04.2016.

²⁸ См. Например: Айк Габриелян. Реакция Турции на химическую атаку в Идлибе и ракетный удар США по Сирии. М.: Институт Ближнего Востока, 14.04.2017.

АФРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

За свою более чем шестидесятилетнюю историю отношения еврейского государства с Суб-Сахарским регионом пережили эпоху расцвета и кризиса. Установив дипотношения с большинством государств Африки, Израиль, тем не менее, к 1973 году оказался в тотальной дипломатической изоляции на африканском континенте.

Сегодня в политике Государства Израиль на африканском направлении произошла масса изменений по сравнению с тем временем. В МИДе Израиля всерьез задумались над тем, какие уроки можно извлечь из неудач семидесятых годов, чтобы впредь не оказаться в подобной ситуации. Израильская политика в Суб-Сахарской Африке с восьмидесятых годов XX века стала куда более избирательной. Те нотки альтруизма, которые можно было заметить в шестидесятых годах, исчезли, что, безусловно, пошло на пользу израильтянам.

Очевидно, что сегодня правительство Б.Нетаньяху всерьез задумалось над тем, чтобы как можно скорее укрепить свое дипломатическое присутствие на африканском континенте. На встрече с африканскими послами Б.Нетаньяху заявил: «Израиль возвращается в Африку, Африка возвращается в Израиль»¹. Очевидно, что Нетаньяху заинтересован в поиске союзников для укрепления своих позиций в ООН и других международных организациях. Израиль активно критикуется за проводимую им политику на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, поэтому в данной ситуации поддержка со стороны африканских партнеров была бы как нельзя кстати.

В начале июля 2016 года премьер-министр Израиля посетил Кению, Уганду, Эфиопию и Руанду, где провел ряд встреч и переговоров и даже выступил перед парламентом Эфиопии, что лишний раз доказывает серьезность намерений действующего премьера относительно Суб-Сахарского региона.

Для того, чтобы понять особенности современной израильской политики в Суб-Сахарском регионе, необходимо детально рассмотреть деятельность израильских дипломатов и официальных лиц в тех странах, которые представляют особый стратегический интерес для еврейского государства.

В Восточной Африке наибольший интерес для Израиля представляют Кения, Уганда, Эфиопия и Эритрея.

С кенийцами у израильтян сложились довольно теплые дружеские отношения. Исторически Кения была важна для еврейского государства ввиду своего территориального расположения в «тылу» Судана и Египта. Помимо этого, большую значимость имел морской порт в Момбасе, являвшийся одним из крупнейших и наиболее развитых на восточном побережье африканского континента. Через Кению также проходили морские пути, которые использовали израильские судоходные компании. В шестидесятых годах израильтянам удалось наладить диалог с Кенией, и в целом до разрыва дипотношений сотрудничество между странами было довольно продуктивным. Кенийское руководство решило возобновить дипотношения в 1988 году. Даниэлю арап Мои также удалось установить контакт с израильским истеблишментом. Президент Кении опасался возможных бунтов со стороны радикального мусульманского населения страны, что побудило его пойти на сближение с израильтянами для получения более высокого оснащения своей армии. Мои даже выступал в Кнессете с речью, в которой заявил, что несмотря на непростое экономическое положение в государстве, кенийцы не будут закрывать свое представительство в Израиле, тем самым лишняя раз продемонстрировав свою заинтересованность в сотрудничестве с еврейским государством².

7 августа 1998 года израильтяне быстро откликнулись на просьбы кенийского руководства оказать содействие в ликвидации последствий теракта в Найроби, ответственность за который лежала на террористической организации «Аль-Каида» (запрещена в России). Израильские спасатели доставали раненых кенийцев из-под развалин американского посольства и оказывали им необходимую помощь.

МАШАВ также продолжил свою активную деятельность в Кении. Сотни кенийских студентов проходят специальные программы, разработанные израильскими специалистами³. Министр обороны Авигдор Либерман посещал Кению в 2009

году и подписал ряд договоров с кенийскими бизнесменами в сфере сельского хозяйства.

В области экономического сотрудничества в последнее время также заметны достойные показатели в отношениях между странами⁴. В 2005 году общий объем торговли составлял 69 млн долл. США, из которых 48 приходилось на израильский экспорт, а 21 на импорт товаров из Кении. Спустя пять лет показатели не сильно изменились, что говорит о стабильно высоком уровне экономического сотрудничества между двумя государствами⁵.

Тем не менее, к сожалению для израильского руководства, кенийская позиция на голосованиях в международных организациях не сильно изменилась. Кенийские делегаты продолжают поддерживать анти-израильские резолюции, ссылаясь на нежелание нарушать единство африканского блока. Пришедший к власти в 2013 году сын Джомо Кениаты, Ухуру, вероятно, продолжит политический курс, заданный его отцом, поэтому не стоит ожидать кардинальных изменений в двустороннем диалоге между Израилем и Кенией.

Еще одной важной для Израиля державой Восточной Африки является Уганда, возобновившая в 1994 году отношения с еврейским государством. Израильские государственные и частные компании активно работают в Кампале. Так, в 2001 году компания Solel Boneh занималась строительством семидесятикилометровой автомагистрали стоимостью 24 млн долларов. Стоит отметить, что резко изменилась позиция Уганды на международных саммитах. Времена Иди Амина ушли в прошлое, и теперь делегаты от Уганды даже поддерживают еврейское государство⁶. Так, в 2001 году на заседании ООН по борьбе с расизмом Израиль подвергся жесткой критике со стороны арабских делегатов. Президент Уганды Йовери Мусевени выступил с речью, в которой раскритиковал ООН за привлечение чрезмерного внимания к ближневосточному кризису, в то время как такие важные вопросы, как геноцид в Судане, остаются без внимания. На Генеральной Ассамблее ООН в 2003 Мусевени раскритиковал террор, проводимый против еврейского государства радикальными мусульманами. Также он не поддержал про-арабскую резолюцию относительно израильского разделительного барьера в Иерусалиме и заявил, что этот вопрос должен быть рассмотрен в международном суде ООН.

Несмотря на довольно теплые отношения между странами, уровень экономического сотрудничества оставляет желать лучшего, так как на 2010 год общий объем торговли составил всего 15 млн долл. США, без учета поставок израильского вооружения, что ничтожно мало даже по сравнению с Кенией⁷.

Еще одним важным для Израиля государством Восточной Африки является Эфиопия. Во-первых, эта страна считается одной из сильнейших держав на континенте, а Аддис-Абеба превратилась в столицу Африканского союза. До 1993 года Эфиопия была одним из крупнейших государств восточного побережья африканского континента, что еще раз подчеркивало ее значимость для Израиля, однако с отделением Эритреи Эфиопия потеряла выход к Индийскому океану. Из-за своего этноконфессионального состава Эфиопия также очень привлекала израильтян⁸. Более половины населения страны – христиане, для которых Израиль является святой землей. Кроме того, не стоит забывать и о эфиопских евреях, фалаша, численность которых на момент начала массовой алии составляла около 45 тысяч человек.

Отношения между императором Хайле Селассие и израильским руководством были довольно теплыми, и с приходом к власти Менгисту Хайле Мариама их характер не изменился. Несмотря на формальное отсутствие дипотношений, Менгисту Хайле Мариам обращался к израильтянам за помощью во время войны за независимость Эритреи. Опасаясь отделения и попадания Эритреи под власть радикальных мусульман, израильское руководство приняло решение помочь Адис-Абебе. Со временем поставки израильского вооружения Эфиопии сошли на нет, когда Хайле Мариам сблизился с СССР и Кубой.

После бегства президента в Зимбабве в 1991 году его пост занял Мелес Зенауи. С его приходом отношения между странами стали улучшаться. В 1993 году состоялась встреча премьер-министров стран в Израиле, на которой был подписан ряд важных соглашений о взаимном сотрудничестве в сферах медицины, сельского хозяйства. Премьер Эфиопии также оценил вклад израильтян в решение ближневосточного конфликта. Мелес Зенауи посетил Израиль в 2004 году, однако будучи уже в ранге премьер-министра страны⁹. Годом позднее он присутствовал на торжественной церемонии, приуроченной к годовщине трагической смерти Ицхака Рабина.

МАШАВ ведет активную деятельность в Эфиопии, организовывая различные курсы для эфиопского населения, как

правило, в сфере медицины и сельского хозяйства. Помимо этого, Израиль регулярно поставлял в страну гуманитарную помощь¹⁰.

Военное сотрудничество двух стран привнесло скорее отрицательный эффект в отношения между ними. В Эфиопии ждали очень многого от израильтян как от партнеров в сфере безопасности, однако накануне эфиопо-эритрейского конфликта в 1998 году выяснилось, что израильская компания Elbit Systems резко повысила цены на самолеты Су-27, что вызвало сильное недовольство со стороны руководства Эфиопии, заподозрившего израильтян в симпатиях к Эритрее¹¹. Это поставило Израиль в довольно непростую ситуацию, из-за которой израильскому руководству пришлось доказывать, что в данном региональном конфликте еврейское государство занимает нейтральную позицию.

Уровень экономической кооперации между странами возрастал в геометрической прогрессии, и если в конце XX века приходилось говорить лишь об общем объеме торговли в размере 8 млн долл. США, то в 2005 году она составляла уже 42 млн, а в 2010 – 66, что явно свидетельствует о перспективах экономического партнерства между двумя странами.

В Западной Африке основными партнерами Израиля являются такие страны, как Камерун, Мавритания, Нигерия и Сенегал.

Камерун одним из первых возобновил дипотношения с Израилем в 1986 году. Являясь членом Организации исламского сотрудничества и имея на своей территории большое мусульманское население, Камерун был вынужден занимать весьма осторожную позицию по отношению к Израилю в международных организациях¹². Тем не менее Поль Бийя не скрывал своих симпатий к еврейскому государству, и спустя год после возобновления отношений Ицхак Шамир уже посетил Камерун.

Уровень экономического сотрудничества между странами оставляет желать лучшего: в 2005 году объем торговли составил лишь 6 млн долл. США, годом спустя он увеличился более чем в 2 раза – 13 млн, а к 2008 году достиг отметки в 20 млн¹³.

Особое место во внешней политике Израиля на африканском континенте отводится Мавритании. Являясь членом Лиги арабских государств и имея на своей территории стопроцентное мусульманское население, Мавритания, тем не менее, су-

мела установить с Израилем дипотношения, что стало большим дипломатическим успехом для еврейского государства. С приходом к власти в 1984 году в Мавритании полковника Тайя произошли кардинальные изменения в диалоге двух стран. Мавритания, ранее никогда не имевшая дипотношений с Израилем, в 1995 году решила их установить, вызвав бурю негодования в арабском мире. В 1999 году на территории обоих государств были открыты посольства. В 2000 году с началом «интифады Аль-Аксы» арабский мир требовал от Тайя разорвать дипотношения с Израилем и последовать примеру Нигера, однако глава Мавритании был непреклонен и даже специально направил министра иностранных дел на встречу с премьер-министром Ариэлем Шароном, чтобы показать заинтересованность руководства страны в диалоге с Израилем.

За свой политический курс Тайя чуть было не поплатился жизнью, когда в 2003–2004 годах на него был организован ряд покушений. На следующий год глава МИД Израиля Сильван Шалом осуществил визит в Нуакшот с целью поддержать президента Тайя. В рамках своего визита Шалом также посетил онкологический центр, построенный израильянами. Израильская сторона рассчитывала, что Мавритания станет своеобразным мостом между еврейским государством и арабским миром, однако до сих пор этого так и не случилось. В 2005 году во время похорон короля Саудовской Аравии Фахда Тайя был свергнут своими же ближайшими соратниками Али ульд Мухаммедом Валле и Мухаммедом ульд Абдель Азизом. Государственный переворот не сказался на отношениях Израиля с Мавританией. На президентских выборах в 2007 году победу одержал Сиди Мухаммед ульд Шейх Абдаллахи, продолживший внешнюю политику своего предшественника Тайя. Однако годом позднее генерал Мухаммед ульд Абдель Азиз вновь совершил государственный переворот, в результате которого сам пришел к власти. В этом же году израильяне провели в секторе Газа операцию «Литой свинец», что в конечном счете привело к замораживанию дипотношений между Израилем и Мавританией и полному разрыву их в 2010 году¹⁴.

Важным государством Западной Африки для Израиля так же можно назвать Нигерию. Являясь самой густонаселенной страной континента (186 млн человек на 2016 год) и крупнейшим африканским экспортером нефти, Нигерия представляет особую ценность для израильского руководства.

В мае 1992 года нигерийское правительство приняло решение возобновить дипотношения с Израилем. Во главе страны в то время стоял Ибрагим Бабангида, позитивно рассматривавший налаживание диалога с израильтянами. Уже в 1993 году Нигерия открыла свое посольство в Израиле. В этом же году в Нигерии произошел очередной государственный переворот, в результате которого к власти в стране пришел Сани Абача. Санкции против Нигерии, наложенные ООН, обострились еще сильнее, что привело к ухудшению израильско-нигерийского диалога, так как Ицхак Рабин старался не вести активного сотрудничества с режимом Абача, чтобы не дискредитировать еврейское государство в глазах мирового сообщества¹⁵. Отношения с Нигерией улучшились после того, как в 1999 году к власти пришел Олусегун Обасанджо, высоко ценивший израильско-нигерийское экономическое сотрудничество. Это привело к тому, что объем торговли между странами в 2005 году достиг 50 млн долл. США, а к 2010 году он вырос в 6 раз и составил 300 млн, из которых большая часть приходилась на израильский экспорт. Особо теплые отношения установились между нынешним премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху и президентом Джонатаном Гудлаком. Гудлак посетил Иерусалим в 2013 году, где провел несколько встреч на высшем уровне с руководством Израиля, в том числе и с Биньямином Нетаньяху¹⁶. В 2015 году Гудлак выступил против пропалестинской резолюции в СБ ООН. Это крайне обрадовало израильское руководство, выразившее благодарность нигерийскому президенту и отметившее, что результаты голосования лишней раз подчеркивают, что палестинцы ничего не добьются своими провокациями.

В 1994 году, спустя почти 20 лет после разрыва, Сенегал возобновил дипотношения с Израилем. На решение Абду Диуфа возобновить контакт с израильтянами повлияли соглашения в Осло и личная встреча с Ицхаком Рабином и Шимоном Пересом во время конференции ЮНЕСКО в 1994 году. Однако нельзя сказать, что в эпоху Диуфа между странами было налажено продуктивное сотрудничество¹⁷. Деятельность МАШАВа была ограничена, а в международных организациях Диуф все же придерживался скорее проарабской позиции, не желая подвергаться критике со стороны арабского мира. С приходом к власти Абдулая Вада отношения между государствами охладели еще сильнее. После начала «интифады Аль-Аксы»

Вад активно порицал израильтян в ООН и Африканском союзе. С его приходом политика Сенегала приобрела абсолютно проарабский и пропалестинский характер. Отчасти это можно объяснить тем, что арабский мир предоставил серьезную финансовую поддержку Сенегалу. Единственным позитивным моментом было то, что сенегальский президент все же не решился разорвать отношения с Израилем в 2000 году, как это сделал Нигер, например. В 2012 году к власти в стране пришел Маки Салл. Он высказал свою твердую приверженность достижению двугосударственного решения палестинской проблемы и заявил, что собирается поддерживать теплые отношения как с арабским миром, так и с Израилем¹⁸.

Серьезные изменения произошли в 1994 году и на юге африканского континента. В ЮАР новым президентом был избран Нельсон Мандела, ставший первым темнокожим главой южноафриканского государства. Мандела не решился на радикальные меры относительно израильтян, имевших тесные связи с режимом апартеида. Однако он имел хорошие отношения с Ясиром Арафатом, что в свою очередь повлияло на диалог между Израилем и ЮАР¹⁹. Арафат активно поддерживал южноафриканского президента во время предвыборной кампании. В 1995 г. в Претории появилось палестинское посольство. Арафат стал частым гостем в ЮАР, что вызывало негодование у израильской стороны. Симпатии Манделы палестинцам были заметны и на заседаниях ООН, когда южноафриканские делегаты активно критиковали израильскую политику по отношению к палестинскому народу²⁰. Глава ЮАР посетил Израиль лишь в 1999 году, уже не являясь президентом страны. Он провел встречу с Эхудом Бараком, на которой призывал его вернуться к границам 1967 года и соблюдать резолюцию СБ ООН №242²¹.

Преемником Манделы стал бывший вице-президент страны Табо Мбеки. Мбеки дважды приглашал Эзера Вейцмана посетить ЮАР, однако оба раза президент Израиля не смог. Делегации из Израиля многократно посещали Преторию, что сигнализировало об улучшении двустороннего диалога. Этот факт подтверждает колоссальный объем торговли между государствами. В 2006 году израильский экспорт составил 288 млн долл. США, что является действительно замечательным показателем. Израиль поставлял в ЮАР медицинское оборудование, а также различную высокотехнологичную продукцию. В то же время импорт составил 670 млн долларов. Израильтяне за-

купали у ЮАР золото, уголь и сталь. Два года спустя суммарный объем торговли составил уже 1,5 млрд долларов²². С приходом к власти Джейкоба Зумы позиция руководства страны относительно Израиля поначалу оставалась умеренной. Анти-израильские настроения в стране не были услышаны новым президентом, что вселяло уверенность в перспективу развития двусторонних отношений. Однако на сегодняшний день Зума явно выражает симпатии ХАМАСу²³. В 2016 году глава ЮАР призывал своих соотечественников отказаться от поездок в Израиль и тем самым показать свою солидарность с палестинским народом. В активной оппозиции Зуме выступает лидер партии «Демократический альянс» Ммуси Маймане, который недавно провел встречу с Биньямином Нетаньяху, что, по видимому, свидетельствует о поддержке Израилем оппозиции в ЮАР.

Важнейшим событием 2016 года стало, безусловно, подписание в Париже декларации о восстановлении дипломатических отношений Израиля и Гвинейской Республики²⁴. Этот факт свидетельствует о начале полномасштабной реализации политики проникновения Израиля на африканский континент.

Уже в начале июня 2017 года Биньямин Нетаньяху совершил визит в Либерию, где посетил конференцию Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). Очевидно, что израильский премьер последовательно работает над укреплением африкано-израильского диалога. В 2016 году Б. Нетаньяху совершил крупный визит в Восточную Африку, а годом позднее – уже в Западную Африку. Нетаньяху не скрывает, что польщен тем, что лидер неафриканского государства был приглашен на данную конференцию, а также подчеркивает, что интересы Израиля остаются неизменными – ликвидация антиизраильских настроений среди африканских стран на полях ООН и в других международных организациях.

4 июня 2017 года, прибыв в Монровию, премьер Израиля провел ряд встреч на высшем уровне в рамках конференции Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). Нетаньяху обсудил с президентом организации М. А. де Соуза перспективы укрепления сотрудничества между Израилем и ЭКОВАС. Позднее состоялась встреча между израильским премьером и президентом Гамбии А. Бэрроу, в ходе которой стороны признали необходимость наращивания темпов сотрудничества между странами в различных сферах.

Во время своего выступления перед членами ЭКОВАС Б. Нетаньяху не раз подчеркнул, что израильтяне и африканцы должны объединить усилия перед лицом глобальной угрозы – международного терроризма.

Очередным успехом Б. Нетаньяху стала встреча с президентом Сенегала Маки Саллом, во время которой главы государств объявили об окончании кризиса между странами. Израильский посол тут же был возвращен в Дакар, а руководство Сенегала, в свою очередь, выступило в поддержку инициативы Израиля стать наблюдателем в Африканском союзе. Также Нетаньяху и Салл возобновят проекты совместного сотрудничества между странами, которые были заморожены после принятия резолюции СБ ООН №2334. В конце беседы М. Салл получил от израильского премьера личное приглашение посетить Иерусалим.

---

¹ The Times of Israel, 06.04.2016. Режим доступа:

<http://www.timesofisrael.com/netanyahu-looks-to-africa-for-new-allies/>

² Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 288 [Hebrew].

³ Yossi Melman. A History of Cooperation between Israel and Kenya // *Jerusalem Post*, 23.09.2013, <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Analysis-Israel-and-Kenya-blood-ties-326880>

⁴ [Электронный ресурс] – режим доступа:

http://www.export.gov.il/UploadFiles/05_2014/AFRICAlifescience.pdf?loaded=true [Hebrew]

⁵ Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 288 [Hebrew].

⁶ Michael B. Bishku. Israel's Relations with the East African States of Kenya, Uganda, and Tanzania–From Independence to the Present // *Israel Studies*, Vol. 22, No. 1, Special Section: Foreign Relations (Spring 2017), p. 76–100. Indiana University Press. 2017.

⁷ [Электронный ресурс] [cbs.gov.il](http://www.cbs.gov.il) – режим доступа:

http://www.cbs.gov.il/fortr/impexp/impexp_bycountries_h.html?TypeOfActivity=1&SortBy=1&SortingType=1&MyContinent=3&MyCountry=401&TypeOfPresentation=2&FY=2008&LY=2008&MyYear=2011&SumOrDetail=1 [Hebrew]

⁸ Kassim Shehim. Israel-Ethiopian Relations: Change and Continuity. Michigan State University Press. 1988.

⁹ Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 292 [Hebrew].

¹⁰ Arye Oded. Fifty Years of MASHAV Activity. Jerusalem Center for Public Affairs. 2009. P. 40.

¹¹ Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 295 [Hebrew].

¹² Dina Kraft. With New Investments, Israel Again is Looking to Africa // *JTA*, 06.06.2011, <http://www.jta.org/2011/06/06/news-opinion/israel-middle-east-with-new-investments-israel-again-is-looking-to-africa>

¹³ Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 295 [Hebrew].

¹⁴ Haaretz, 21.03.2010. Режим доступа:

<http://www.haaretz.com/news/mauritania-formally-severs-diplomatic-ties-with-israel-1.265115>

¹⁵ Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 305 [Hebrew].

¹⁶ The Jerusalem Post, 26.10.2014. Режим доступа:

<http://www.jpost.com/Christian-News/Nigerian-President-Goodluck-Jonathan-in-Jerusalem-on-private-pilgrimage-meets-Netanyahu-379889>

¹⁷ Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 308 [Hebrew].

¹⁸ Ibid. P. 309

¹⁹ Times of Israel, 06.12.2013. Режим доступа:

<http://www.timesofisrael.com/nelson-mandela-was-close-to-jews-resolutely-loyal-to-palestinians/>

²⁰ Arye Oded. Africa and Israel – A Unique Case of Radical Changes in Israel's Foreign Relations. The Hebrew University Magnes Press, 2011. P. 310 [Hebrew].

²¹ Ibid. P. 311.

²² Ibid. P. 315.

²³ The Jerusalem Post, 19.10.2015. Режим доступа:

<http://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy/South-Africa-hosts-Hamas-leader-Mashaal-prompting-angry-protest-by-Israel-427405>

²⁴ The Jerusalem Post, 20.07.2016. Режим доступа:

<http://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy/Israel-and-majority-Muslim-African-country-Guinea-to-establish-ties-460944>

**«ТРОЙКА», «ЧЕТВЕРКА», ЕАЭС:
ИЗРАИЛЬ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ**

Правительство Израиля традиционно уделяло большое внимание отношениям со странами, образовавшимися после распада СССР. Однако за годы, прошедшие с момента установления дипломатических контактов с новыми независимыми государствами, акценты во взаимодействии сторон претерпели значительные изменения. На начальном этапе сотрудничества партнеры из числа стран СНГ и Балтии оказались на периферии израильской внешней политики, уступая место США и государствам Европы. Данное восприятие региона во многом объяснялось тем, что израильское правительство явно недооценивало его потенциал с точки зрения возможности оказать влияние на происходящее на международной арене. Исключением стала лишь Россия, игравшая заметную роль в ближневосточных делах, в числе которых был палестино-израильский конфликт.

Ситуация стала существенным образом меняться в 2009 г., когда Министерство иностранных дел Израиля возглавил лидер партии «Наш дом Израиль» (НДИ) А. Либерман, к тому моменту имевший значительный опыт работы в регионе. К примеру, в 1997 г., занимая пост главы канцелярии премьер-министра, политик составил отчет, основной мыслью которого стала необходимость активизации отношений Израиля с Центральноазиатскими республиками. Осуществить проникновение в регион предполагалось посредством оказания помощи в развитии сельского хозяйства, медицины, экономики и безопасности. Однако премьер-министр Б. Нетаньяху, на тот момент руководивший своим первым правительством, не уделил должного внимания отчету А. Либермана, предпочтя действовать на более привычных внешнеполитических направлениях, что могло объясняться активизацией усилий на палестино-израильском треке и подписанием в 1997 г. Хевронского протокола. Начиная с 2009 г. развитие получили вопросы введения

безвизового режима, заключение договоров о социальном обеспечении репатриантов. Параллельно с этим была завершена реформа МИД, упорядочившая работу с бывшими союзными республиками за счет создания двух самостоятельных отделов: «Евразия-1», координирующего связи с европейской частью бывшего СССР, и «Евразия-2», отвечающего за отношения с Центральной Азией и Кавказом. По сравнению с предыдущими этапами фактически вдвое увеличилась интенсивность обмена официальными визитами между представителями сторон.

Во многом столь широкий спектр форм взаимодействия с партнёрами на пространстве бывшего СССР объяснялся ранее сформулированной А. Либерманом стратегией. Изложена она была в книге под названием «Ничего, кроме правды»¹. Характеризуя контакты с регионом, политик указывает на отсутствие попыток выработать план действий в регионе, который мог бы включать анализ ключевых сфер возможного взаимодействия и оценку потенциала каждого из государств. По мнению лидера НДИ, выраженному в книге, областью, в которой сотрудничество было бы сопряжено с максимальной взаимной выгодой, являлась торгово-экономическая сфера. СНГ готово предложить Израилю квалифицированных специалистов и рынки сбыта готовой продукции. Сами страны-члены организации были бы заинтересованы в импорте технологий и заимствовании опыта, имеющегося у ближневосточного партнера в бизнесе, сельском хозяйстве, медицине и строительстве.

Необходимо отметить, что стратегия, предложенная А.Либерманом в отношении государств бывшего СССР, стала частью общего курса МИД на многовекторную внешнюю политику. Предполагалось, что знакомый регион, контакты с которым характеризуются значительным количеством связующих элементов, включая общину репатриантов, поможет скорейшему ее воплощению на практике. Впрочем, стоит учитывать, что тогда одной из основополагающих составляющих сотрудничества с государствами бывшего СССР была необходимость учета интересов США, стремление сближением с Москвой и ее союзниками не вызвать недовольство своего ключевого партнера в лице Вашингтона. Как следствие, в иерархии израильских внешнеполитических интересов в период первого срока полномочий А. Либермана на посту министра иностранных дел регион хотя и вышел на более значимые позиции, но противо-

веса американо-израильскому сотрудничеству составить не смог. В некоторой степени на расстановку внешнеполитических приоритетов повлияла и зависимость главы МИД от общей линии правительства, продолжавшего ориентироваться на традиционные для себя направления. Будучи спорной фигурой на израильском политическом небосклоне, А.Либерман был вынужден противостоять критике, не всегда касавшейся лишь его взглядов на дипломатию.

Ситуация в регионе, начавшая трансформироваться на рубеже первого десятилетия XXI в., способствовала изменению в характере отношений Израиля с ним. С одной стороны, все больше стала проявляться эрозия СНГ, некогда призванного гарантировать неразрывность интересов республик, прежде входивших в состав единого государства. В 2008 г. о своем решении покинуть Содружество заявила Грузия, спустя год выполнившая все предусмотренные уставом условия и официально покинувшая организацию. С другой стороны, получили шанс повысить свою влияние субрегиональные формальные и неформальные объединения, в основу которых была положена не только территориальная близость, но и общие интересы. Процесс их складывания начался еще в конце 1990-х – начале 2000-х, когда появились Союзное государство России и Беларуси, ГУАМ (объединение Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы), Центральное-Азиатское сотрудничество (ЦАС), «Кавказская четверка». Часть из них постепенно утратила влияние, другие, ввиду сходства функций и стран-участниц, были поглощены Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС). Уделяя внимание проблемам Центральной Азии и Кавказа, Израиль не стремился к установлению с ними тесных связей, предпочитая разрешать все вопросы на уровне двусторонних отношений.

Своего рода исключением в данном случае стал Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана. Причин всплеска внимания к нему со стороны Израиля может быть названо несколько. Во-первых, упоминавшийся выше повышенный интерес к сближению с Россией из-за ее роли в ближневосточных делах. Во-вторых, сделанный А. Либерманом в его стратегии акцент на торгово-экономической проблематике также предопределил обращение к организации, стремящейся не к достижению геополитических целей, а к установлению на своей территории единых таможенных правил и норм для торговли

с иностранными партнерами. Здесь стоит подчеркнуть, что за годы, прошедшие с момента установления дипломатических отношений с указанными странами, Израилю удалось существенным образом продвинуться в сфере развития договорно-правовой базы двусторонних контактов. При этом подписанные соглашения были во многом идентичными, что позволило добиться относительного единства с точки зрения регулирования взаимодействия Израиля с Россией, Беларусью и Казахстаном.

Наконец, если ранее одним из ведущих принципов сотрудничества с государствами-членами СНГ являлось стремление не навредить таким образом партнерству с США, постепенно в МИД Израиля начала набирать силу обратная тенденция. Наиболее ярко ее выразил А. Либерман в ноябре 2013 г. Тогда, выступая на форуме в Сдероте, лидер НДИ заявил: «Связи между Израилем и его главным стратегическим партнёром, Соединёнными Штатами, ослабли [...] Нам следует прекратить требовать, жаловаться, стонать, вместо этого надо искать страны, которые не зависят от денег из арабского или исламского мира и которые хотели бы сотрудничать с нами на основе новаторства»². Несмотря на то, что в данном заявлении глава МИД использовал крайне размытые формулировки, не уточняя ни причин охлаждения отношений с США, ни возможных новых партнеров, суть высказывания политика оказалась понятна всем. Страна таким способом выразила свое недовольство работой Вашингтона на иранском направлении, а его традиционным противовесом в ближневосточных делах является Москва, интерес к которой и был отмечен журналистами и экспертами после заявления А. Либермана.

В конце октября 2013 г. по итогам минского саммита Высшего евразийского экономического совета в числе государств, претендующих на особые отношения с «таможенной тройкой» были названы Индия, Вьетнам, Сирия и Израиль. 9 декабря 2013 г. в Москве состоялась 11-я встреча Смешанной российско-израильской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Участие в ней приняли глава МИД Израиля А. Либерман и его заместитель З. Элькин. С российской стороны присутствовал сопредседатель комиссии, заместитель председателя правительства РФ А. Дворкович. На заседании обсуждались вопросы сотрудничества в сфере энергетики, высоких технологий, космоса, сельского хозяйства, туризма. По итогам заседания глава внешнеполитического ведомства сделал за-

пись на своей странице в сети Facebook. В ней говорилось: «В 2014 г. будет разработано и подписано соглашение о создании зоны беспошлинной торговли между Израилем, Россией и еще двумя странами, входящими в Таможенный союз – Казахстаном и Белоруссией. Подписание договора о едином торговом пространстве, зоне свободной торговли должно дать сигнал бизнес-сообществу, что наверху рассматривают партнерские отношения между Россией и Израилем очень позитивно, поскольку подписание соглашения о зоне свободной торговли отражает определенный высокий уровень политических отношений»³. Действительно, соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с точки зрения теории международных отношений считается первым этапом экономической интеграции.

Стоит, однако, отметить, что в своем комментарии А. Либерман сосредоточился преимущественно на контактах между Россией и Израилем, хотя аналогичный экономический эффект данный документ произвел бы на сотрудничество с Казахстаном и Беларусью. Как следствие, попытка расширить связи с регионом за счет сближения с одним из созданных в нем объединений имела не только торгово-экономические, но и весьма весомые политические цели. Эта тенденция во многом характерна для всей израильской внешней политики, где принято обсуждать политико-дипломатические вопросы на международных экономических форумах, включая площадку Всемирной торговой организации (ВТО).

В тот же период аналогичная мысль прозвучала и со стороны израильского Управления по международной торговле, отметившего, что первый этап сотрудничества в направлении создания ЗСТ стартовал. Эта новость была размещена в блоге ведомства после встречи Смешанной российско-израильской комиссии, однако затем удалена. Помимо упомянутой информации в тексте значилась состоявшаяся ранее встреча министров экономического развития России и Израиля А. Улюкаева и Н. Беннета с участием представителя Евразийской экономической комиссии А. Слепнева, темой которой было углубление контактов государства и стран «таможенной тройки». Тот факт, что, по сути, российская сторона первой заговорила о потенциальном расширении контактов Таможенного союза с Израилем еще до заявления ближневосточного партнера, служит косвенным подтверждением данной информации, а также позволяет предположить, что тема была затронута государствами на пе-

реговорах ранее, но не афишировалась до согласования предварительных условий взаимодействия.

18 марта 2014 г. контрапартнеры Н. Беннет и А. Слепнев объявили о начале работы совместной исследовательской группы (СИГ), которая должна была заниматься изучением возможных рисков и перспектив соглашения о ЗСТ Израиля и Таможенного союза. Итогом ее анализа должен был стать подробный отчет о целесообразности подписания этого документа. Только при положительной оценке экспертов стороны смогли бы перейти на стадию подготовки соглашения. На начальном этапе СИГ не выявила никаких проблем в достижении поставленной задачи. Как заявил в одном из интервью в конце марта 2014 г. заместитель министра экономического развития России А. Лихачев, «в последнее время отрицательных сигналов по израильскому направлению не поступало, и вряд ли таковые поступят»⁴. Следовательно, стороны вполне обоснованно надеялись на положительные итоги работы.

Надо отметить, что задача перед государствами стояла относительно простая, поскольку Израиль намеревался не присоединиться к объединению, а лишь расширить сотрудничество с ним и за счет снятия барьеров в экспортно-импортных операциях повысить тем самым показатели взаимной торговли, что принесло бы выгоду всем участникам. В качестве потенциального ограничителя взаимодействия воспринимался Европейский союз, с 1975 г. имеющий с ближневосточным партнером аналогичную договоренность о ЗСТ, а в 2000 г. официально завершивший процесс создания ассоциации Израиль-ЕС. Впрочем, учитывая более высокий уровень интеграции с Евросоюзом, вопрос сохранения связей с Израилем на должном уровне был, скорее, в руках европейской стороны, которая своей стратегией могла не дать союзнику переориентироваться на новые рынки. Весьма лоялен к Израилю на тот момент был и список возможных партнеров «таможенной тройки». Среди последних, как упоминалось выше, значились Вьетнам и Индия. Потенциальное расширение за счет новых стран-участниц Армении и Кыргызстана, не отличающихся высоким уровнем отношений с Израилем, на начальном этапе не предполагалось. Еревану было временно отказано во вступлении из-за продолжающегося конфликта в Нагорном Карабахе, а Бишкеку – из-за опасений, что страна не сможет выполнить экономических обязательств, которые возлагаются на членов союза.

Ситуация изменилась вновь в январе 2015 г., когда Москву посетил министр иностранных дел Израиля А. Либерман. 27 января 2015 г. глава внешнеполитического ведомства выступил на радиостанции «Эхо Москвы». Отвечая на вопрос ведущего программы «Особое мнение» А. Венедиктова об итогах переговоров с А. Дворковичем, политик отметил: «Мы очень хорошо двигаемся. Я думаю, мы будем второй страной после Вьетнама, которая подпишет соглашение о зоне свободной торговли с Таможенным союзом. [...] Я думаю, что в апреле мы как бы подчистим все эти вопросы, которые открыты, и с апреля начнем форсировать уже реальные соглашения, обсуждать параграфы соглашений»⁵. Как особо подчеркнул министр, в данном случае наличие аналогичных договоренностей с ЕС должно стать не препятствием, а открыть перед страной максимально широкие возможности в сфере внешней торговли, выгоды от которых она готова разделить с партнерами.

Несколько противоположную точку зрения на события представил министр иностранных дел России С.В. Лавров. Комментируя итоги встречи с израильским контрпартнером, состоявшейся 26 января 2015 г., он отметил, что в свете формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) речь будет идти о взаимодействии в несколько ином формате. Под этим он подразумевал новую ступень интеграции государств, начавшуюся 1 января 2015 г. со вступлением в силу договора об учреждении ЕАЭС, к которому 2 января 2015 г. присоединилась Армения. Таким образом, в ходе своего визита А. Либерман фактически говорил о сотрудничестве с объединением, утратившим свое значение, в то время как с российской стороны речь уже шла о контактах на уровне новой структуры и на новых условиях.

Эта парадоксальная ситуация осталась без комментариев. Уже в августе 2015 г. к ЕАЭС присоединился Кыргызстан, а Израиль оказался перед необходимостью согласовывать договор о ЗСТ не с тремя, а пятью государствами. Более того, два из них отличались гораздо менее развитой договорно-правовой базой двусторонних контактов и низким уровнем политического диалога. Переговоры о взаимодействии в новом формате стартовали в октябре 2015 г. При этом было учтено положительное решение СИГ, работавшей над рассмотрением перспектив создания ЗСТ между Израилем и «таможенной тройкой».

Произошедшие трансформации не помешали политикам и дипломатам продолжать позитивно отзываться о работе на дан-

ном направлении. В 2015 г. сопредседатель совместной российско-израильской комиссии З. Элькин заявил о планах интенсификации диалога в 2016 г. за счет проведения сразу двух раундов консультаций и возможности достижения соглашения в течение двух лет. Он подчеркнул: «Мы считаем, что оно несет в себе огромный потенциал для израильской экономики и для стран ЕАЭС. Я думаю, что нет причин его откладывать»⁶. Позднее З. Элькин отметил присутствие значительного количества административных барьеров, являющихся следствием переговоров не в формате двустороннего сотрудничества, а необходимости нахождения компромисса сразу с пятью государствами. В статье для издания «Jerusalem Post» посол России в Тель-Авиве А.П. Шеин написал: «Мы надеемся, что к концу 2016 г. проект соглашения о зоне свободной торговли с Израилем будет согласован. Эксперты полагают, что это даст 6–8%-е увеличение товарооборота Израиля, а также усилит инвестиционное и технологическое сотрудничество. Таким образом, мы должны иметь возможность улучшать потенциал экономического роста друг друга и лучше реагировать на общие вызовы»⁷. Позитивно о перспективах создания ЗСТ отозвался летом 2016 г. и президент России В.В. Путин, посчитавший, что этот механизм позволит интенсифицировать экономическое сотрудничество, в последние годы столкнувшееся с трудностями.

Таким образом, стремление сотрудничать с Таможенным союзом в 2013 г. стало закономерным этапом во взаимодействии Израиля с государствами, образовавшимися после распада СССР. После периода выстраивания весьма успешного взаимодействия с Россией, Беларусью и Казахстаном стало возможным выведение интеграции на новый уровень. Во многом этому способствовало сходство договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества, формировавшейся еще с 1990-х гг. До определенного момента процесс работы над соглашением о свободной торговле шел весьма успешно. Вопреки опасениям, что проблемы могут возникнуть из-за вмешательства внешних сил в лице США и ЕС, не желающих уступать свою долю во внешней торговле ближневосточного партнера, трудности вызвала трансформация самой «таможенной тройки» в «пятерку». Два вновь присоединившихся государства (Армения и Кыргызстан) хотя и не выразили открытых возражений против сотрудничества с Израилем, но существенно замедлили процесс углубления взаимодействия.

Несмотря на желание сделать приоритетными в отношениях интересы торгово-экономического сотрудничества, с продолжением диалога влияние политики стало возрастать. По мере развития данной тенденции израильские власти стали осознавать, что ее можно использовать в своих интересах. К примеру, поддержка России в сирийском конфликте, стремление оставаться в постоянном контакте для разрешения острых проблем, по мнению Израиля, должны были повысить шансы на скорейшее выполнение поставленной задачи и опережение на этом пути других государств. Впрочем, полностью списывать трудности в процессе подготовки соглашения на политические причины также нельзя. Будучи организацией, образованной на пространстве СНГ, где отличительной чертой формальных и неформальных интеграционных объединений является быстрая сменяемость друг друга за счет схожести уставных целей и практически идентичного списка государств-членов, ЕАЭС не избежала проблем организационного характера, которые также отразились на всех претендентах на подписание договора о ЗСТ безотносительно их региональной принадлежности и положения на международной арене.

---

¹ Подробнее см.: Либерман А. Ничего, кроме правды – Тель-Авив: Иврус, 2005.

² Цит. по: Израиль вступает в борьбу за Таможенный союз // Правда.ру URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/17-12-2013/1185873-union-0/>

³ Либерман: Израиль и ТС в 2014 г. договорятся о зоне свободной торговли // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20131213/983919420.html>

⁴ Russia calls for creating free trade zone with Israel // ITAR-TASS News Agency. URL: <http://en.itar-tass.com/economy/725475>

⁵ Глава МИД Израиля А. Либерман в программе «Особое мнение». 27.01.2015 // Радио «Эхо Москвы» [on-line]. URL: echo.msk.ru/programs/personalno/1481058-echo/

⁶ Israel wants free trade zone with Eurasian Union ASAP // Russia Today [on-line]. URL: <https://www.rt.com/business/319947-Israel-Russia-EEU-trade/>

⁷ A new Israel-friendly economic union opens its doors // Jerusalem Post [on-line]. URL: <http://www.jpost.com/Opinion/A-new-Israel-friendly-economic-union-opens-its-doors-451175>

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

---

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач**: "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 г.).
188. **Д.А.Марьясис**: "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 г.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева**: "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн**: "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян**: "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко**: "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн**: "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев**: "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач**: "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова**: "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян**: "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров**: "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50 (Совместно с ИВ РАН).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Podgornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist
armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. "«The Third Israel»: Russian-speaking community and political
process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. "«Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North
Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by
N.Podgornova
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and
Georgia)" by **V.Mesamed**.
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by
N.Podgornova
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel
(1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development
of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising.
(90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Подписано в печать 16.10.2017 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 16,5 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 7621

Первая оперативная типография
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12